

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ПРАВО»

Редколлегия журнала

- В. А. Азаров, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Н. Ахпанов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва (Астана, Казахстан)
- С. Н. Бабуринов, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, президент Ассоциации юридических вузов России, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, президент международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Москва, Россия)
- Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)
- С. Ю. Головина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой трудового права, Уральский государственный юридический университет (Челябинск, Россия)
- Р. Л. Иванов, канд. юрид. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- Пьеранджело Каталано, доктор права, заслуженный профессор Римского университета Ла Сапиенца (Рим, Италия)
- В. В. Кванина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
- Р. В. Кирсанов, канд. юрид. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- И. Н. Колядко, канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)
- И. А. Коновалов, д-р ист. наук, профессор, декан юридического факультета, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Н. Костюков, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального права, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. А. Ларичев, д-р юрид. наук, доцент по кафедре международного и конституционного права, зав. кафедрой государственного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Карельский филиал (Петрозаводск, Россия)
- Горазд Мешко, д-р юрид. наук, профессор, директор Института уголовного правосудия и безопасности, Университет Марибора (Марибор, Словения)
- Е. Л. Невзгодина, канд. юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, зав. кафедрой гражданского права, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Д. Прошляков, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)
- А. Л. Репецкая, д-р юрид. наук, профессор, профессор юридического института, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия)
- Якуб Стэлина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой по трудовому праву факультета права и администрации, Гданьский университет (Гданьск, Польшая республика)
- Л. А. Терехова, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- Фернандо Сесар Коста Шавьер, канд. наук, д-р международных отношений, адъюнкт профессор, Федеральный университет Рорайма (Боа-Виста, Бразилия)
- С. Ю. Чуча, д-р юрид. наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН (Москва, Россия)
- А. В. Юдин, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва (Самара, Россия)
- Анна Юрковска-Зайдлер, доктор права, профессор, заместитель декана по научной работе, профессор кафедры финансового права факультета права и администрации, Университет Гданьска (Гданьск, Польшая республика)
- Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского», 2021

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

ОСНОВАН В 2004 г.

Издаётся в творческом
сотрудничестве
с Арбитражным судом
Омской области

2021. Т. 18, № 4

ISSN 1990-5173

Включён в перечень ВАК

Учредитель
ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского»

Адрес редакции:
644077, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, каб. 302

тел. (3812) 63-21-20
omgu-vestnikpravo@mail.ru

Главный редактор
Елена Львовна Невзгодина
Ответственный редактор
Татьяна Фёдоровна Ящук

Редактор О. М. Азеева
Технический редактор М. В. Быкова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-72197
от 15 января 2018 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Объединённый подписной каталог
«Пресса России». Индекс 35914

Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах
научных электронных библиотек
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
С 2007 г. журнал включён
в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Адрес издателя и типографии:
644077, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

Дата выхода в свет 29.12.2021
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Печ. л. 17,3. Усл. печ. л. 16,1.
Уч.-изд. л. 15,6.
Тираж 60 экз. Заказ 187.

Academic periodical
Published four times a year

FOUNDED IN 2014

Published in creative collaboration
with the Arbitration Court
of the Omsk Region

2021. Vol. 18, no. 4

ISSN 1990-5173

Included in HAC list

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series "LAW"

Founder

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"Dostoevsky Omsk State University"

Address of editorial office:
office 302, 55a, Mira pr., Omsk,
Omsk Oblast, 644077, Russia

Phone: +7 (3812) 63-21-30
E-mail: omgu-vestnikpravo@mail.ru

Editor-in-Chief
E.L. Nevzgodina
Executive editor
T.F. Yashchuk

Editor *O.M. Azeeva*
Technical editor *M.V. Bykova*

Journal Registration Certificate
PI No. FS77-72197
from January 15, 2018
given Russian Federal Surveillance
Service for Compliance
with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

United subscription catalog
"The Russian Press". Index 35914

Free price

The full text version of the journal
is posted on the websites
of scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and Cyberleninka (cyberleninka.ru).
Included in Russian science citation
index (RSCI)

Address of publisher
and printing house:
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast,
644077, Russia

Date of publication December 29, 2021
Risography. Format 60x84 1/8.
Printed p. 17,3.
Conventionally printed p. 16,1.
Accounting publishing p. 15,6.
Edition 60 copies. Order 187.

Editorial staff

- V.A. Azarov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
A.N. Akhpanov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Professor at the Department of Criminal Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
S.N. Baburin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the RAS, President of the Association of Law Schools, Professor of Dostoevsky Omsk State University, Professor of Moscow Witte University, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Moscow, Russia)
N.L. Bondarenko, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
S.Yu. Golovina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)
R.L. Ivanov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
Pierangelo Catalano, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor Emeritus at the University of Rome La Sapienza (Rome, Italy)
V.V. Kvanina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Business, Competition and Environmental Law, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)
R.V. Kirsanov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
M.P. Klymenov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
I.N. Kolyadko, Ph.D. in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure and Labor Law, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
I.A. Konovalov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in History, Professor, Dean of the Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
A.N. Kostyukov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
A.A. Larichev, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associate Professor at the Department of International and Constitutional Law, Head of the Department of State Law, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Karelian Branch (Petrozavodsk, Russia)
Gorazd Meshko, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Director of the Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor (Maribor, Slovenia)
E.L. Nevzgodina, Ph.D. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
A.D. Proshlyakov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)
A.L. Repetskaya, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Professor of the Law Institute, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Jakub Stelina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk, Republic of Poland)
L.A. Terekhova, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
Fernando Cesar Costa Xavier, Ph.D. in International Relations, Associate Professor, Federal University of Roraima (Boa Vista, Brazil)
S.Yu. Chucha, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research in the Field of Labor Law and Social Security Law, Chief Researcher of the Civil Law, Civil and Arbitration Process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
A.V. Udin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University (Samara, Russia)
Anna Jurkowska-Zaydler, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Deputy Dean for Research, Professor at the Department of Financial Law, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk, the Republic of Poland)
T.F. Yashchuk, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Кожевников В. В.* О рекомендательных нормах права 5
- Носырева А. Е.* Ретроспективный анализ инвалидности в Великобритании и России (X–XIX вв.) 19
- Изместьев С. В.* Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре 28

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л.* Правовой статус самозанятых граждан 39
- Развейкина Н. А., Шиханова Е. Г.* Трансформации судопроизводства в России, спровоцированные пандемией 50
- Драчук М. А.* Рынок труда как правовая категория (на примере Российской Федерации) 59
- Курченко О. С.* Добровольное участие в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию: проблемы правоприменения 67

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Клеймёнов М. П., Козловская М. Г.* Преступные сообщества в Японии 80
- Метельский П. С., Верченко Н. И., Матвеев И. В.* К «серебряному» юбилею четвёртого Уголовного кодекса России: итоги и разочарования 90
- Константинова В. А.* Судебные решения особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 101
- Макарова К. Б.* Понятие организованной экономической преступности 112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 121

- Азаров В. А., Константинова В. А.* Рецензия на монографию «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве» 121

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 126

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Law", 2021, vol. 18, no. 4

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Kozhevnikov V.V.</i> About Recommended Rules of Law	16
<i>Nosyreva A.E.</i> Retrospective Analysis of Disability in Great Britain and Russia (10th-19th Centuries).....	25
<i>Izmestyev S.V.</i> Restoration of Law as a Global Alternative to World Dictatorship.....	37

CIVIL LAW, CIVIL PROCESS, LABOR AND SOCIAL LAW

<i>Makarova L.A., Nevzgodina E.L.</i> Legal Status of Self-Employed Citizens	48
<i>Razveykina N.A., Shikhanova E.G.</i> Transformations of Court Proceedings in Russia Caused by the Pandemic	57
<i>Drachuk M.A.</i> The Labor Market as a Legal Category (on the Example of the Russian Federation).....	65
<i>Kurchenko O.S.</i> Voluntary Participation in Legal Relations on Compulsory Pension Insurance: Problems of Law Enforcement.....	78

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCESS

<i>Kleymentov M. P., Kozlovskaya M. G.</i> Criminal Communities in Japan	88
<i>Metelsky P.S., Verchenko N.I., Matveev I.V.</i> To the "Silver" Anniversary of the Fourth Criminal Code of Russia: Results and Disappointments.....	99
<i>Konstantinova V.A.</i> Judicial Decisions of Special Order when Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement.....	110
<i>Makarova K.B.</i> Concept of Organized Economic Crime	119

SCIENTIFIC LIFE

<i>Azarov V.A., Konstantinova V.A.</i> Review of the Monograph "Proving and Acceptance of Decisions in Adversarial Criminal Proceedings".....	125
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	133
--------------------------------------	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 5–18.

УДК 340.312

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).5-18

О РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ НОРМАХ ПРАВА

В. В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Актуальность данной научной статьи обусловлена необходимостью определения природы и статуса рекомендательных норм права в отечественной теории права, по поводу которых и в советской, и в современной юридической литературе существуют неоднозначные позиции. **Цель.** Целью статьи является обоснование позиции, согласно которой рекомендательные нормы имеют юридический характер. **Методология.** Методология включает следующие методы: общефилософский (диалектико-материалистический); общенаучные (анализ и синтез, логический и исторический, сравнения, абстрагирования и др.); специальные (филологический и др.); частно-научные (формально-юридический, толкования права и др.). **Результаты.** Отмечается, что рекомендательные нормы являются юридическим содержанием соответствующих нормативно-правовых актов, обращается внимание, что первые имеют ряд признаков любой нормы права (неперсонифицированность, формальная определённость), а также специфических признаков (например, желательный, с позиции государства, характер). Рекомендательные нормы определяются как нетипичные нормы права. **Заключение.** Учитывая практическое отсутствие научной литературы по рассматриваемой проблеме, резюмируется, что данная статья послужит импульсом для научных публикаций, проведения дискуссий на страницах юридических журналов.

Ключевые слова: норма права; рекомендательная норма права; императивные нормы права; диспозитивные нормы права; санкция правовых норм; нетипичные нормы права.

1. Введение

Актуальность настоящей научной статьи обусловлена неоднозначной оценкой природы и статуса рекомендательных норм права как советскими, так и современными учёными-юристами.

2. Методология

Методология включает следующие методы: общефилософский (диалектико-материалистический); общенаучные (анализ и синтез, логический и исторический, сравнения, абстрагирования и др.); специальные (филологический и др.); частно-научные (формально-юридический, толкования права и др.).

3. Проблема рекомендательных норм в советской юридической науке

Согласно словарям, «рекомендательный» – содержащий рекомендацию, т. е. со-

вет, пожелание [1, с. 587], указание [2, с. 1117].

Без всякого сомнения, в силу ряда объективных обстоятельств, о которых речь пойдет далее, в советской юридической науке внимание к анализу и характеристике рекомендательных норм было большее, чем в настоящее время. Так, Н. Г. Александров, признавая самостоятельным видом рекомендательные нормы, содержащиеся во многих актах по колхозному строительству, полагал, что правовые предписания в адрес колхозов выражены в этих нормах в форме рекомендаций произвести то или иное действие [3, с. 200]. А. Ф. Шебанов утверждал, что «правовой характер (здесь и далее выделено нами. – В. К.) таких рекомендаций обусловлен тем, что они: 1) адресованы, с одной стороны, колхозам, а с другой – государственным

органам и являются для последних безусловно обязательными; 2) обязывают руководящие органы в колхозах решать вопрос об их применении в данных конкретных случаях; 3) своим содержанием отменяют действовавшие ранее правовые нормы по этим вопросам; 4) являются основанием обязательности правил и предписаний принимаемых руководящими органами колхозов для регулирования внутриколхозных отношений» [4, с. 476]. Полагаем, что придавать этим нормам обязательный характер крайне сомнительно.

Советские учёные-теоретики полагали, что государственные рекомендации колхозам есть совокупность юридических норм, и называли их «рекомендательными нормами» [5, с. 32; 6, с. 31–32]. Обоснование такого утверждения, в частности, основывается на обязанности адресата рассмотреть рекомендацию. По мнению П. Е. Недбайло, рекомендацию следует признать правовой нормой потому, что «она обязывает колхоз найти то или иное решение» [7, с. 85]. Ссылаясь на Постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г., рекомендуемое производить там, где это целесообразно, авансирование колхозников, учёный писал, что, несмотря на рекомендательный характер, эта норма «не лишена императивного значения, поскольку она обязывает колхоз обсудить этот вопрос» [7, с. 85] или, иными словами, принять данное постановление к сведению.

В этой связи В. С. Петров и В. Э. Краснянский весьма обоснованно замечали, что, во-первых, из содержания рекомендательных норм вовсе не вытекает чья-либо юридическая обязанность их обсудить; во-вторых, если бы даже и существовала юридическая обязанность обсудить рекомендацию, то подобный императив не имел бы никакого отношения к содержанию акта; если же допустить, что весьма проблематичная обязанность обсудить рекомендацию придаёт правовой характер всему предписанию, то можно прийти к выводу, что для реализации правовой нормы достаточно с ней ознакомиться. Ими резюмируется, что «рекомендательная норма не содержит в себе правового императива, не является государственным велением и, следовательно, не может быть отнесена к правовым» [8, с. 270].

Признавал рекомендательные нормы советского права и В. М. Горшенев, рассуждающий о рекомендательном методе правового регулирования, сущность которого «состоит в том, что в нормативных предписаниях содержится совет без прямой обязывающей регламентации относительно желаемого поведения, следование которому позволит наиболее эффективно достигнуть результата, выгодного конкретному коллективу или всему обществу». Кроме того, автором отмечалось, что «рекомендательный метод, как правило, предполагает установление определённых условий поддержки, обеспечивающих реализацию избранного поведения» [9, с. 87].

Сторонники иной точки зрения считали, что указанные рекомендации и подобные им документы, издаваемые государственными органами и даже имеющие форму юридического акта, нельзя признать правовыми установлениями, поскольку они содержат положения, исполнение которых не обеспечивается юридическими санкциями. Иными словами, подобные акты лишены свойства государственной обязательности [10, с. 42–43]. По мнению Ц. А. Ямпольской, рекомендательные нормы не являются правовыми потому, что «они не снабжены правовой санкцией и не сформулированы в категорической форме» [11, с. 169–170].

Некоторые авторы не только необоснованно отрицали юридическую природу анализируемых норм, но и ставили под сомнение саму возможность их существования как социальных норм¹.

Учёными предпринимались попытки рассмотреть государственные рекомендации вне общественных отношений, регулируемых советским колхозным правом [12, с. 86–94]. Довольно широкая распространённость рекомендательных норм в различных отраслях советского права отмечалась, хотя и в общих чертах, рядом авторов [13, с. 24–25; 14, с. 144; 15, с. 41].

Так, В. М. Соляник, подчёркивая, что в «механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих как системе различных правовых средств воздействия (правильнее, регулирования. – В. К.) на эти отношения заметное место занимают государственные рекомендации», полагал, что последние, адресованные предприятиям, пе-

реведённым на новые условия планирования и экономического стимулирования, влияют на нормативную основу трудовых отношений рабочих и служащих [16].

Рассматривая вопрос о юридической природе подобных рекомендаций, данным автором, как и другими учёными [17, с. 50; 18, с. 89–109], утверждается, что, с одной стороны, отождествлять рекомендации высших органов отраслевого и межгосударственного управления и соответствующих профсоюзных органов, направляемые на предприятия, с «собственно» правовыми нормами нет оснований, ибо они не обладают признаками, присущими норме права «вообще». Однако такие главные признаки нормы права, как властность предписания или веления о должном, возможном, необходимом поведении лиц, общеобязательность правил поведения общего характера, обеспечение действия нормы права государственным принуждением никоим образом не характеризуют рассматриваемые рекомендации. В. М. Соляник полагал, что рекомендации не могут рассматриваться как правовые нормы. Это подтверждает и практика выработки на предприятиях локальных норм трудового права. Речь идёт о том, что в 1967–1972 гг. министерства (ведомства), в системе которых предприятия и организации были переведены на новые условия хозяйствования, совместно с соответствующими Центральными комитетами (далее – ЦК) профсоюзов приняли для подведомственных предприятий акты-рекомендации, содержащие готовый правовой «материал» для последующего нормативного решения вопросов, отнесенных к компетенции администрации и Фабрично-заводских и местных комитетов (далее – ФЗМК). Однако, замечается автором, адресаты рекомендации – администрация и ФЗМК нередко вместо предложенных вышестоящими органами принимали свои нормативные решения, считая первые нецелесообразными или малоэффективными для самого предприятия, т. е. не рассматривали их в качестве нормативного предписания [16, с. 111–113]. Вместе с тем подавляющее большинство рекомендаций воспринимается в локальных правовых актах (положение о выплате годового вознаграждения, положения о премировании и т. д.) без каких-либо изменений. По мнению В. М. Со-

ляника, трансформация отраслевых рекомендаций в локальные нормы трудового права объясняется тем, что эти рекомендации, во-первых, представляют собой самые правильные решения определённых социально-экономических вопросов, но без учёта специфики конкретного предприятия; во-вторых, по форме рекомендации представляют собой уже готовые конструкции или модели норм для включения в соответствующие акты. С другой стороны, неправильно считать, что рекомендации предприятия, выражающие мнение высших органов государственного управления, находятся вне системы права. Как полагал автор, «прежде всего в них нельзя не видеть некоторых, хотя и не главных, но всё же характеризующих норму права признаков: неперсонифицированность, формальная определённость, длительное использование. Сходство проявляется и в том, что для адресата рассмотрение и правовой нормы, и рекомендации составляют юридическую обязанность» [16, с. 113].

Появление в определённый советский период времени в системе трудового права рекомендаций органов государственного управления и профсоюзных органов, направляемых администрации и ФЗМК предприятий (производственных, научно-производственных объединений и комбинатов) для осуществления локального нормотворчества, подтверждает мнение С. С. Алексева о том, что в праве могут находиться такие «обобщающие положения», которые (если их рассматривать изолированно) хотя и лишены основных признаков норм права, но являются составными частями правовой системы, выражают её нормативность и в составе системы «участвуют» в правовом регулировании, а следовательно, являются «правовыми положениями» [19, с. 215]. Более того, государственные рекомендации для государственных предприятий учёными рассматривались в качестве новых для того времени своеобразных правоположений, необходимых для конструирования локальных правовых норм, регулирующих отношения по выплате годового вознаграждения и премий на предприятиях, переведённых на новые условия планирования и экономического стимулирования. При этом отмечается, что данные правоположения вместе с нормами трудового права слу-

жат одной социальной цели – урегулированию общественных трудовых отношений в нужном для государства направлении [16, с. 114].

Учёными-теоретиками обращалось внимание и на то, что в механизме правового регулирования трудовых отношений государственные рекомендации выполняют конкретную регулятивную функцию, которая завершается тогда, когда рекомендация воплощается, «переходит» в локальную норму права. В своё время Р. З. Лившиц отмечал, что «государственное регулирование заработной платы может быть и косвенным, когда с помощью типовых положений и рекомендаций государство предлагает предприятию на выбор несколько возможных решений, оставляя за предприятием право принять то или иное решение» [20, с. 455].

4. Теория рекомендательных норм В. Л. Кулапова

Без всякого сомнения, можно констатировать, что в советский период наибольший вклад в развитие теории рекомендательных норм внёс В. Л. Кулапов, написавший монографию и ряд научных статей.

В своей монографии он определял рекомендательную норму как «правило поведения, указывающее на желательное развитие относящихся к компетенции адресата общественных отношений, позволяющее ему учесть свои местные условия, возможности, резервы и поддерживаемое в своей реализации государственными мерами позитивного и негативного характера» [21, с. 59]. Учёный, указывая на связь рекомендательных норм с государством, обращает внимание на формы её проявления: а) государство само создаёт анализируемые нормы или принимает участие в их создании; б) нормальная реализация рекомендательных норм невозможна без деятельности соответствующих государственных органов, без их организационной, финансовой и иной помощи; в) реализуемые нормы охраняются от нарушений силой государственного принуждения [21, с. 34]. Обращает на себя внимание положение, согласно которому «рекомендательная норма в силу присущих ей особенностей не может обязать своего **основного адресата** совершать какие-либо предусмотренные в ней конкретные действия или не совершать их. Она предо-

ставляет ему право самому определить поведение, указывая на его желательный вариант или варианты». Учёный убеждён в том, что «при этом юридическая обязательность, заложенный в ней государственный императив рекомендательной нормы выражаются в первую очередь не в субъективном праве, а в юридической обязанности, которая возлагается на соответствующих субъектов и поддерживается мерами государственного принуждения» [21, с. 38]. В качестве примера приводится Постановление Совета Министров РСФСР от 2 июля 1966 г. «О рекомендациях по оплате труда в колхозах», которым колхозам предоставляются определённые права, а на местные органы государственного управления возложена обязанность разработки и осуществления мероприятий по введению гарантированной оплаты труда колхозников. Полагаем, что изложенная позиция является весьма спорной, ибо её характер рекомендательной нормы права обусловлен наличием основного адресата, которым в данном случае являются колхозы. Более того, позиция В. Л. Кулапова не соответствует дальнейшим рассуждениям, изложенным и в монографии, и в других его работах, речь о которых будет идти ниже, о сходстве «...в построении и особенностях регулятивного воздействия рекомендательных и управомочивающих норм» [21, с. 43].

В одной из статей учёный в категорической форме утверждает, что, кроме рекомендательных норм, имеющих юридическую природу и общие признаки, которые присущи любой разновидности норм социалистического права, регулирующих отношения между людьми, существует большая группа рекомендаций технического характера, выражающих не отношение человека к человеку, а отношение человека к природе по поводу её наиболее целесообразного и эффективного использования. Последняя группа рекомендаций, бесспорно, не носит правового характера. С этих позиций вполне можно согласиться с В. Л. Кулаповым, критикующим Я. С. Михалык, которая вообще отрицает юридическую природу рекомендательных норм, ссылаясь на то, что непосредственным содержанием указанных норм «являются не правила поведения с указанием прав и обязанностей, а агрономические, технические,

моральные, организационные советы» (см.: [22, с. 395]).

В. Л. Кулапов, отмечая сходство управомочивающих и рекомендательных норм, писал, что на первый план здесь выходит право на совершение определённых действий. Говоря о существенных отличиях, автор подчёркивает, что управомочивающей нормой законодатель просто разрешает совершение каких-либо действий, а рекомендательную норму он советует, говорит о желательности совершения указанных в ней действий. Автор убеждён в том, что «...в рекомендательной норме выражен государственный императив, охраняемый, если в этом возникает необходимость, мерами государственного принуждения. В анализируемой разновидности норм он выражен даже с большей отчётливостью, чем в управомочивающих нормах, юридическая природа которых... не вызывает сомнений» [23, с. 30–31].

Отмеченное сходство управомочивающих и рекомендательных норм права послужило основанием для некоторых учёных рассматривать последние в качестве разновидности управомочивающих норм [24, с. 143].

В основном солидаризируясь с положениями, которые высказывает учёный, трудно согласиться с двумя из них: во-первых, с тем, что рекомендательные нормы права имеют общие признаки, присущие любой разновидности норм права; во-вторых, с утверждением, согласно которому «рекомендательная норма, издаваемая органами государственной власти и управления, в отличие от управомочивающей, не может быть **адресована отдельным гражданам**» [23, с. 33], игнорируя такой признак любой нормы права, как её персонифицированный характер.

Определённый интерес представляет другая работа В. Л. Кулапова, посвящённая классификации нормативно-правовых актов, содержащих рекомендательные нормы права. Причём такая классификация проводилась автором по самым различным основаниям [25, с. 137–143], однако, на наш взгляд, наибольший интерес представляет такая классификация в зависимости «от предметно-отраслевого признака». Имея в виду данный критерий, автором называется определённая отрасль советского права и приводятся конкретные примеры соответствующих нормативно-правовых

актов. Так, по мнению учёного, о наличии рекомендательных норм в отрасли государственного права свидетельствует ст. 23 Закона СССР от 19 апреля 1979 г. «О внесении изменений и дополнений в положение о постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР», ст. 39 Закона РСФСР от 3 августа 1979 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О районном Совете трудящихся РСФСР”». Утверждая, что рекомендательные нормы имеют место в гражданском праве, в качестве примера приводится ст. 17 Постановления Совета Министров РСФСР от 20 ноября 1968 г. «О мерах по обеспечению выполнения Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 сентября 1986 г. “Об упорядочении строительства на селе”», в котором Совет Министров находит необходимым «рекомендовать колхозам предусматривать в годовых и перспективных планах развития хозяйств средства на комплексное экспериментально-показательное строительство посёлков за счёт средств колхозов и кредита Госбанка СССР». Учёный, отмечая, что первоначальное и самое большое распространение рекомендательные нормы получили в отрасли колхозного права, подчёркивал, что это объясняется спецификой сельскохозяйственного производства и особенностями кооперативно-колхозной формы организации хозяйства, уровень развития которой в максимальной степени зависит от степени учёта местных особенностей и условий. Примером рекомендательных норм в колхозном праве может послужить ст. 10 Постановления Совета Министров РСФСР от 7 февраля 1978 г. «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения РСФСР». О широком распространении рекомендательных норм в отрасли земельного права свидетельствует Постановление Совета Министров РСФСР от 23 марта 1966 г. «О мерах по улучшению землеустройства, введения и освоения правильных севооборотов в колхозах и совхозах». Рекомендательные нормы, с позиции учёного, имеют место и в такой отрасли, как советское трудовое право. В качестве примера В. Л. Кулапов ссылается на Постановление Совета Министров СССР от 26 июля 1973 г. «О введении аттестации руководящих, инженерно-технических работ-

ников и других специалистов предприятий и организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи», которое рекомендует отдельным министерствам и ведомствам проведение периодических аттестаций руководящих, инженерно-технических работников и специалистов [25, с. 135–137].

5. Проблема рекомендательных норм в современной юридической литературе

В настоящий период времени в связи с изменением социально-экономической и политической обстановки, а также правовой политики современного российского государства, которые по большей части обуславливали наличие многих рекомендательных норм права, интерес к их изучению практически отсутствует. В. К. Бабаев отмечал следующую тенденцию: по мере развития рыночных отношений рекомендательные нормы ожидает двоякая судьба: многие из существующих ныне потеряют свой смысл и будут отменены, поскольку государство освободит от своей мелочной опеки предприятия, сельскохозяйственные объединения, предоставив им полную хозяйственную и организационную самостоятельность. Учёный был уверен, что «получат развитие рекомендательные нормы, приходящие на смену нормам императивным» [26, с. 410].

Охлаждение интереса к рекомендательным нормам происходит на фоне непрекращающегося спора между её сторонниками и противниками по вопросу их юридического характера. Последние их просто игнорируют [27, с. 323–324; 28, с. 376–377]. Достаточно сказать, что рекомендательные нормы права были лишь упомянуты в монографии М. И. Байтина, утверждавшего, что данный вид правовых норм можно подразделить на рекомендательные нормы, регулирующие отношения в сфере сельского хозяйства, промышленности, строительства, культуры, народного образования, финансов и т. д. Признавая разнообразие субъектов-адресатов данных норм права, учёный писал, что «...согласно сложившейся практике российского права, ими главным образом являются кооперативные организации и государственные предприятия» [29, с. 256].

Различные аспекты рекомендательных норм обсуждались учёными в небольшом ко-

личестве научных статей, в том числе автором настоящей работы [30, с. 5–12].

Так, С. С. Кузакбирдиев в своей статье утверждал, что по характеру содержащихся в них правил поведения рекомендательные нормы занимают «промежуточное» положение между обязывающими и управомочивающими нормами. В обосновании такого положения автор полагает, что, с одной стороны, они формально не ограничивают свободу выбора адресатов, которые не обязаны их выполнять; с другой стороны, игнорирование этих норм может привести к недостаткам в работе и, поскольку эти нормы исходят в основном от вышестоящих, руководящих органов и должностных лиц, это может привести к нежелательным, иногда даже и неправовым последствиям [31, с. 53]. Критически оценивая изложенную позицию, во-первых, было бы уместно рассуждать о соотношении (сходстве и различии) управомочивающих и рекомендательных норм права; во-вторых, полагаю, что предложенная точка зрения в высшей степени надуманная и ненаучная, ибо общеизвестно, что игнорирование практически любой правовой нормы может привести к негативным последствиям как юридического, так и фактического характера.

Обращаем внимание на то обстоятельство, что при отсутствии научных работ, посвящённых рекомендательным нормам права, дальнейшее изложение основывается в основном на учебной литературе, которую, на наш взгляд, нельзя стереотипно оценивать как второразрядную, где авторами излагаются устоявшиеся положения, объективно не предполагающие дискуссии учёных.

6. Сторонники и противники рекомендательных норм

Действительно, по вопросу рекомендательных норм в современной юридической литературе высказываются подчас взаимоисключающие позиции. В науке до сих пор не определён единый критерий выделения рекомендательных норм. В частности, И. Я. Дюрягин отмечает, что в «советской юридической литературе принято выделять рекомендательные нормы...» [32, с. 346]. По мнению С. С. Алексева, «специфическое место в классификации норм права занимают так называемые рекомендательные нормы»

[33, с. 79]. Аналогично рассуждает С. А. Комаров, который отмечает, что «праву свойственна особая разновидность норм, исходящих от государственных органов, но наделённых силой рекомендательных норм» [34, с. 181]. С. Г. Дробязко и В. С. Козлов просто констатируют, что «праву свойственна особая разновидность норм, исходящих от государственных органов, но наделённых силой рекомендательных норм» [35, с. 192]. Бытует такая точка зрения, согласно которой и поощрительные, и рекомендательные нормы по юридической природе бесосновательно относят к управомочивающим нормам, подчёркивая при этом, что «выделение их в особые группы связано с особенностями их социально-психологического (мотивационного) влияния на поведение людей и общественные отношения» [36, с. 733].

В то же время многие авторы анализируемую разновидность норм относят к определённым классификационным группам с чётким обозначением соответствующего критерия. Так, А. Б. Венгеров объединял императивные, диспозитивные, рекомендательные нормы в одну группу с учётом способа регулирования общественных отношений [37, с. 444]. В. В. Лазарев и С. В. Липень выделяют рекомендательные нормы также с императивными и диспозитивными, но в качестве основания указывают характер обязательности правил поведения в них содержащихся» [38, с. 209]. В. К. Бабаев и М. И. Байтин эти нормы рассматривали вместе с императивными, диспозитивными и поощрительными в зависимости от метода правового регулирования [39, с. 167–169; 40, с. 293–295]. А. Н. Чащин, также придерживаясь этой позиции, рекомендательные нормы трактует как «нормы права, содержащие правила поведения, соблюдение которых выгодно для государства и общества, но не обязательно» [41, с. 295], а коллектив авторов – как нормы, которые «устанавливают варианты желательного с точки зрения государства урегулирования общественных отношений, для обеспечения которых адресаты данных рекомендаций проводят соответствующие их компетенции мероприятия с учётом своих местных условий, возможностей и резервов» [42, с. 292]. Выделяя по методу правового регулирования императивные, диспозитивные и

рекомендательные нормы, в отношении последних В. Д. Перевалов пишет, что они «обычно адресуются негосударственным предприятиям, устанавливают варианты желательного для государства поведения» [43, с. 155], а В. В. Оксамытный полагает, что рекомендательные нормы содержат пожелания выбора определённого поведения [44, с. 404]. В эту группу учёных входят и В. Л. Кулапов и А. В. Малько, которые считают, что рекомендательные нормы предоставляют «возможность вообще отказаться от предлагаемого поведения при отсутствии необходимых условий для его осуществления (агротехнические стандарты посадки и обработки сельскохозяйственных культур при различных почвенных и климатических условиях)» [45, с. 210], они в «мягкой форме» указывают на желательное развитие общественных отношений [46, с. 150], «где не требуется диктат, властный приказ и т. п.» [47, с. 193].

Л. А. Морозова утверждает, что рекомендательная норма не обязывает своего адресата совершать предусмотренные в ней конкретные действия или не совершать их. Ему предоставляется возможность самому определить своё поведение, но при этом в норме указывается наиболее предпочтительный вариант. С позиции автора, следование этому варианту поддерживается мерами позитивного характера, а в случае игнорирования рекомендации вероятны негативные последствия. Важно также отметить, что государство может рекомендовать только то, что входит в компетенцию данного предприятия, частной фирмы, общественного объединения [48, с. 132]. В целом соглашаясь с автором, следовало бы, на наш взгляд, уточнить, что возможны негативные последствия не юридического, а **фактического характера**.

В другой работе учёный, пишет, что «государство может рекомендовать только то, что входит в компетенцию данного предприятия, фирмы, организации; общественные отношения, на регулирование которых направлена рекомендуемая норма, зависят от местных и иных (климатических, финансовых, производственных) условий, и своей рекомендацией государство как бы санкционирует последующее принятие кооперативной, общественной организацией локальных норм» [49, с. 232].

7. Рекомендательные нормы как нетипичные нормы права

Советский учёный-теоретик В. М. Горшенев, признавая юридический характер рекомендательной нормы, при этом отмечал, что специфика не позволяет вписать её в классическую композицию правовой нормы. Он относил рекомендательную норму к так называемым нетипичным предписаниям на том основании, что она лишена санкции. Как утверждал автор, отсутствие санкции у рекомендательной нормы не позволяет полностью отрицать её (как и другие нетипичные предписания) юридическую природу, её общеобязательность, властность, непререкаемость [50, с. 115–116]. Конечно, можно спорить в отношении некоторых признаков рекомендательной нормы права (например, её общеобязательности) [51, с. 33], но главное заключается в том, что рекомендательная норма относится к нетипичным нормам не из-за отсутствия санкции, которая присуща далеко не только всем «типичным» нормам права (например, регулятивным) [52, с. 148], но и специализированным (нетипичным) нормам права, структура которых близка к регулятивным [53, с. 1515–1520]. На это обстоятельство обращал внимание советский учёный С. А. Голунский, замечая, что «...и в законодательстве, и в текущей деятельности государственных органов всё большее место занимают рекомендательные нормы... которые не предусматривают и самой возможности применения принуждения. Именно поэтому многие юристы и не склонны считать рекомендательные нормы правовыми. Однако такие нормы занимают определённое и всё возрастающее место в системе социалистического права и в деятельности органов социалистического государства и вряд ли можно так легко от них отмахнуться» [6, с. 31].

На наш взгляд, рекомендательная норма права, занимая особое место в системе современного российского права и являясь юридическим содержанием соответствующих нормативно-правовых актов, относится к нетипичным нормам права, так как имеет ряд признаков, характерных для любой нормы права (неперсонифицированность, формальная определённость [54, с. 6] и др.), а также специфических (например, желатель-

ный с позиции государства характер), которые выражают её своеобразие.

8. Примеры нормативно-правовых актов, юридическим содержанием которых являются рекомендательные нормы

Интересно отметить, что даже те учёные, которые признают рекомендательные нормы современного российского права, совершенно не приводят примеров нормативно-правовых актов, их содержащих, а ограничиваются либо абстрактным утверждением, согласно которому «наибольшее распространение... такие нормы имеют в международном праве, но встречаются они и в национальных правовых системах (например, в российском праве)» [55, с. 167], либо приводя в качестве примеров лишь международно-правовые документы [56, с. 301].

Пожалуй, исключением из данного критического замечания является точка зрения А. Ю. Ларина, признающего рекомендательные нормы права и приводящего соответствующий пример – Указ Президента РФ от 21 марта 1996 г. № 408 «Об утверждении Комплексной программы мер по обеспечению прав вкладчиков и акционеров» (с изменениями от 2 апреля 1997 г., 16 октября 2000 г.), п. 4.5.1 которого закрепляет следующее: «В случае неисполнения предписаний Центрального банка Российской Федерации, выявления нарушений нормативов, причинивших ущерб банкам и клиентам, подведения итогов года с убытками и возникновения в связи с этим угрозы интересам вкладчиков и иных кредиторов банка Центральному банку Российской Федерации **рекомендуется** предъявлять учредителям (участникам) банка требования о проведении мероприятий по финансовому оздоровлению банка либо о реорганизации банка и решать вопрос о замене его руководителей. Центральный банк Российской Федерации вправе отозвать лицензию на совершение банковских операций, что рассматривается как решение о ликвидации банка» [57, с. 136].

Можно назвать и другие примеры подобных нормативно-правовых актов. Так, примером обязательного учёта рекомендательной нормы является Указ Президента РФ от 26 февраля 2013 г. № 175 «Об ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детст-

ва I группы». В п. 9 данного указа рекомендовано органам власти субъектов Российской Федерации учитывать, что установление ежемесячных выплат не должно повлечь за собой уменьшение объёма и снижение уровня социальной помощи и поддержки, осуществляемых за счёт бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации»². В ст. 5 Федерального закона РФ от 4 мая 1999 г. № 95 «О безвозмездной помощи (содействии Российской Федерации)» закреплено «**рекомендовать** законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять соответствующие нормативно-правовые акты, предусматривающие предоставление льгот по уплате налогов и сборов в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты в связи с оказанием Российской Федерации безвозмездной помощи (содействием)»³.

В ряде случаев законодатель отмечает, что учёт и применение рекомендательных норм права в некоторых ситуациях должны производиться не в ущерб интересам того субъекта права, в отношении которого они распространяются. Так, в ч. 9 ст. 21 Федерального закона от 6 декабря 2001 г. № 402 «О бухгалтерском учёте» закреплено, что рекомендации в области бухгалтерского учёта могут приниматься в отношении порядка применения федеральных и отраслевых стандартов, форм документов бухгалтерского учёта, технологии ведения бухгалтерского учёта, порядка организации и осуществления внутреннего контроля их деятельности. Однако в следующей части указанной статьи законодатель делает оговорку, заключающуюся в том, что рекомендации в области бухгалтерского учёта не должны создавать препятствия осуществлению экономическим субъектом его деятельности⁴.

9. Отношение к рекомендательным нормам права судебных органов

Особые отношения к рекомендательным нормам сложились со стороны судебных органов: суды всех инстанций в большинстве случаев не учитывают рекомендации, акцентируя внимание, что последние должны учитываться прежде всего гражданами, органами и организациями, на которые данные нормы направлены, но не судами. Так, по одному из

дел суд указал, что «доводы заявителя о неприменении судом подлежащих применению норм материального права, содержащихся в Методических рекомендациях Роспатента, неправомерен, так как эти рекомендации направлены на обеспечение реализации положений части четвёртой ГК РФ...» Суд также отметил, что «рекомендации разработаны для экспертов и специалистов Роспатента и подведомственных ему организаций с целью их применения при экспертизе и регистрации товарного знака...» В итоге суд указал, что «применение данного документа не имеет обязательного характера для судебных органов»⁵.

В других случаях судебные органы указывают на то, что содержащиеся в Методических рекомендациях правила поведения не обязательны не только для суда, но и для органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, юридических лиц и граждан. Так, по одному из дел Верховный Суд РФ указал, что «...предписания оспариваемых Методических рекомендаций, в том числе те, с которыми заявитель связывает нарушение своих прав, не содержат обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами правил поведения, распространяющихся на неопределённый круг лиц. Методические рекомендации, по сути, носят организационный характер и не являются актом реализации прав и обязанностей сторон...» Далее суд отметил, что «по своей правовой природе Методические рекомендации не являются нормативным правовым актом, в силу чего не подлежат государственной регистрации в Министерстве юстиции России и на них не распространяются требования Указа Президента Российской Федерации «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации и нормативных правовых актов исполнительной власти» и Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации...»⁶.

10. Заключение

В заключение данного исследования необходимо подчеркнуть, что существующая

актуальная общетеоретическая проблема рекомендательных норм права, которые нами определяются как нетипичные нормы права, и практика их применения могут являться предметом дальнейших научных исследований, кандидатских и докторских диссертаций по юридической тематике, конференций, круглых столов, в том числе на страницах юридических журналов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шатков Г. И. Советская правовая норма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1962. – 19 с.

² О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы : Указ Президента РФ от 26 февраля 2013 г. № 175 (ред. от 31 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 938.

³ О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации : Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ (ред. от 24 ноября 2008 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2221.

⁴ О бухгалтерском учёте : Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 492-ФЗ (ред. от 4 ноября 2014 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

⁵ Методические рекомендации по порядку исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов (утв. ФССП России 19 июня 2012 г. № 01-16) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2012. – № 8.

⁶ Решение Верховного Суда РФ от 12.01. 2015. № АКПИ14-1289 Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими в части подпунктов д и з пункта 4 Правил осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами // Rulaws.ru/.../ (дата обращения: 19.04.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов В. И. Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1986. – 1600 с.
3. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М. : Госюриздат, 1961. – 271 с.
4. Шебанов А. Ф. Нормы социалистического права // Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. Г. Александров. – М. : Юридическая литература, 1974. – С. 455–477.
5. Иоффе О. С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные проблемы советского гражданского права. – М. : Юридическая литература, 1964. – С. 82–127.
6. Голунский С. А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права // Советское государство и право. – 1961. – № 4. – С. 21–36.
7. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. – М. : Госюриздат, 1960. – 511 с.
8. Петров В. С., Краснянский В. Э. Нормы права // Общая теория государства и права : в 2 т. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – Т. 2 : Общая теория права / отв. ред. : В. С. Петров, Л. С. Явич. – С. 257–277.
9. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М. : Юридическая литература, 1972. – 258 с.
10. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. – М. : Госюриздат, 1962. – 575 с.
11. Ямпольская Ц. А. Об убеждении и принуждении в советском административном праве // Вопросы советского административного и финансового права / отв. ред. В. Ф. Коток. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 156–181.
12. Усенко Е. Т. О юридической природе рекомендации Совета экономической взаимопомощи // Советское государство и право. – 1963. – № 12. – С. 86–94.
13. Мицкевич А. В. Природа рекомендательных нормативных предписаний в актах правительства СССР // Правоведение. – 1966. – № 6. – С. 24–33.
14. Дзарасов С. С. Управление социалистическим производством. – М. : Экономика, 1976. – 152 с.
15. Советское трудовое право / под ред. А. С. Пашкова. – М. : Юридическая литература, 1976. – 578 с.
16. Соляник В. М. Государственные рекомендации и регулирование труда рабочих и служащих // Правоведение. – 1977. – № 6. – С. 111–114.
17. Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. – 1957. – № 1. – С. 46–54.
18. Сорокин В. Д. Метод правового регулирования (теоретические проблемы). – М. : Юридическая литература, 1976. – 142 с.

19. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : в 2 т. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1972. – Т. 1. – 396 с.
20. *Лившиц Р. З.* Правовые формы стимулирования труда // Государство, право, экономика / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. – М. : Юридическая литература, 1970. – С. 430–488.
21. *Кулапов В. Л.* Рекомендательные нормы советского права : монография / под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 112 с.
22. Теория государства и права : учебник / под ред. А. И. Денисова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 531 с.
23. *Кулапов В. Л.* К вопросу о юридической природе рекомендательных норм // Актуальные вопросы советской юридической науки : сборник научных статей. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – Ч. 1. – С. 29–34.
24. *Дембо Л. И.* Рец. на книгу И. В. Павлова. Правовые формы управления делами в колхозах // Советское государство и право. – 1956. – № 2. – С. 142–144.
25. *Кулапов В. Л.* Классификация рекомендательных норм советского права // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права : межвуз. науч. сб. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – С. 133–143.
26. *Бабаев В. К.* Нормы права // Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2007. – С. 399–418.
27. *Абдулаев М. И.* Теория государства и права : учебник. – М. : Экономика, 2006. – 623 с.
28. *Лейст О. Э.* Нормы права // Теория государства и права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 1997. – С. 369–384.
29. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) : монография. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
30. *Кожневиков В. В., Кондратьев А. В.* О некоторых проблемах понятия и реализации рекомендательных норм (в контексте взаимодействия национального и международного права) // Современное право. – 2015. – № 10. – С. 5–12.
31. *Кузакбирдиев С. С.* Форма реализации рекомендательных норм // Учёные записки Института государства и права : сб. науч. тр. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. – С. 50–55.
32. *Дюрягин И. Я.* Нормы советского права // Теория государства и права : учебник / под ред. С. С. Алексеева. – М. : Юридическая литература, 1985. – С. 333–347.
33. *Алексеев С. С.* Общая теория права : учебник : в 2 т. – М. : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.
34. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1994. – 303 с.
35. *Дробязко С. Г., Козлов В. С.* Общая теория права : учебное пособие. – Минск : Амалфея, 2005. – 464 с.
36. *Лейст О. Э.* Нормы права // Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2009. – С. 719–741.
37. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник. – М. : Новый юрист, 1998. – 528 с.
38. *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права : учебник. – М. : Спарк, 1998. – 448 с.
39. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 248 с.
40. *Бабаев В. К.* Нормы права // Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород : Нижегородская ВШ МВД РФ, 1993. – С. 282–303.
41. *Чащин А. Н.* Теория государства и права : учебник. – М. : Дело и Сервис, 2008. – 688 с.
42. *Смоленский М. Б., Борисов Г. А., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е.* Теория государства и права : учебник. – Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 478 с.
43. *Перевалов В. Д.* Теория государства и права : учебник. – М. : Юрайт, 2012. – 415 с.
44. *Оксамытный В. В.* Теория государства и права : учебник. – М. : ИМПЕ-ПАБЛИШ, 2004. – 563 с.
45. *Кулапов В. Л., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. – М. : Норма, 2009. – 384 с.
46. *Липинский Д. А.* Нормы права // Теория государства и права : учебник / отв. ред. А. В. Малько. – М. : КНОРУС, 2008. – С. 137–158.
47. *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. – М. : Проспект, 2012. – 568 с.
48. *Морозова Л. А.* Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. – М. : Норма, 2003. – 320 с.
49. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. – М. : Эксмо, 2007. – 448 с.
50. *Горшенев В. М.* Нетипичные нормативные предписания // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.
51. *Пугинский Б. И.* О норме прав // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1999. – № 5. – С. 23–33.
52. *Кожневиков В. В.* Теория государства и права : учебник : в 2 ч. – М. : Проспект, 2021. – Ч. 2. – 912 с.

53. Кожевников В. В. О структуре специализированных норм современного российского права // Будапештский международный институт исследований и критики. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 1515–1520.
54. Филимонов В. Д. Норма права и её функции // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 5–12.
55. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. – 588 с.
56. Макуев Р. Х. Теория государства и права : учебник. – М. : Норма, 2010. – 640 с.
57. Ларин А. Ю. Теория государства и права : учебник. – М. : Книжный мир, 2011. – 288 с.
-

Информация об авторе

Кожевников Владимир Валентинович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kta6973@rambler.ru

SPIN-код: 7487-3953, Author ID: 678229

Информация о статье

Дата поступления – 29 апреля 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Кожевников В. В. О рекомендательных нормах права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 5–18. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).5-18.

ABOUT RECOMMENDED RULES OF LAW

V.V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The relevance of this scientific article is due to the need to determine the nature and status of recommendatory norms of law in the domestic theory of law, about which there are ambiguous positions in both the Soviet and modern legal literature. **Purpose.** The purpose of the article is to substantiate the position according to which the recommendatory norms are of a legal nature. **Methodology.** The methodology includes the following methods: general philosophical (dialectical-materialistic); general scientific (analysis and synthesis, logical and historical, comparisons, abstractions, etc.); special (philological, etc.); private scientific (formal legal, interpretation of law, etc.). **Results.** Noting that the recommendatory norms, being the legal content of the relevant normative legal acts, paying attention to the fact that the former have a number of signs of any norm of law (impersonalization, formal certainty), as well as specific signs (for example, desirable, from the position of the state, character), recommendatory norms are defined as atypical norms of law. **Conclusion.** It is summarized that, given the practical absence of scientific literature on the problem under consideration, this article will serve as an impetus for scientific publication, discussions on the pages of legal journals.

Keywords: rule of law; recommendatory rule of law; peremptory norms of law; dispositive norms of law; sanction of legal norms; atypical norms of law.

REFERENCES

1. Ozhegov V.I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984. 797 p. (In Russ).
2. Prokhorov A.M. (ch. ed.). *Soviet encyclopedic dictionary*. Moscow, Sovetskaya encyclopediya Publ., 1986. 1600 p. (In Russ).
3. Alexandrov N.G. *Law and legality in the period of the full-scale construction of communism*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 271 p. (In Russ).
4. Shebanov A.F. The norms of socialist law, in: Aleksandrov N.G. (ed.). *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974, pp. 455-477. (In Russ).
5. Ioffe O.S. Legal norms and human actions, in: *Actual Problems of Soviet Civil Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964, pp. 82-127. (In Russ).
6. Golunsky S.A. On the question of the concept of a legal norm in the theory of socialist law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *Soviet state and law*, 1961, no. 4, pp. 21-36. (In Russ).
7. Nedbailo P.E. *Application of Soviet legal norms*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 511 p. (In Russ).
8. Petrov V.S., Krasnyansky V.E. Norms of law, in: Petrov V.S., Yavich L.S. (eds.). *General theory of state and law*, in 2 volumes. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1974. Vol. 2. General theory of law, pp. 257-277. (In Russ).

9. Gorshenev V.M. *Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 258 p. (In Russ).
10. Bratus' S.N., Samoshchenko I.S. (ed.). *Theoretical issues of systematization of the Soviet legislation*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 575 p. (In Russ).
11. Yampolskaya Ts.A. On persuasion and coercion in Soviet administrative law, in: Kotok V.F. (ed.). *Questions of Soviet administrative and financial law*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, pp. 156-181. (In Russ).
12. Usenko E.T. On the legal nature of the recommendation of the Council for Mutual Economic Assistance. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet state and law*, 1963, no. 12, pp. 86-94. (In Russ).
13. Mitskevich A.V. The nature of recommendatory normative prescriptions in the acts of the government of the USSR. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1966, no. 6, pp. 24-33. (In Russ).
14. Dzarasov S.S. *Management of socialist production*. Moscow, Ekonomika Publ., 1976. 152 p. (In Russ).
15. Pashkov A.S. (ed.). *Soviet labor law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 578 p. (In Russ).
16. Solyanik V.M. State recommendations and labor regulation of workers and employees. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1977, no. 6, pp. 111-114. (In Russ).
17. Alexandrov N.G. Legal and industrial relations in a socialist society. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 1957, no 1, pp. 46-54. (In Russ).
18. Sorokin V.D. *Method of legal regulation (theoretical problems)*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 142 p. (In Russ).
19. Alekseev S.S. *Problems of the theory of law*, in 2 volumes. Sverdlovsk, Sverdlovskii Yuridicheskii Institute Publ., 1972. Vol. 1. 396 p. (In Russ).
20. Livshits R.Z. Legal forms of labor incentives, in: Chkhikvadze V.M. (ed.). *State, law, economy*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1970, pp. 430-488. (In Russ).
21. Kulapov V.L. *Recommended norms of Soviet law*, monograph. Saratov, Saratov University Publishing House, 1987. 112 p. (In Russ).
22. Denisov A.I. (ed.). *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Moscow University Publishing House, 1972. 531 p. (In Russ).
23. Kulapov V.L. On the question of the legal nature of recommendatory norms, in: *Actual problems of Soviet legal science*, collection of scientific articles. Saratov, Saratov University Publishing House, 1978. Part 1, pp. 29-34. (In Russ).
24. Dembo L.I. Retz. on the book by I.V. Pavlova. Legal forms of business management in collective farms. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet state and law*, 1956, no. 2, pp. 142-144. (In Russ).
25. Kulapov V.L. Classification of recommendatory norms of Soviet law, in: *Questions of the theory of state and law. Actual problems of the theory of the socialist state and law*, interuniversity scientific. Saratov, Saratov University Publishing House, 1983, pp. 133-143. (In Russ).
26. Babaev V.K. Norms of law, in: *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Yurist Publ., 2007, pp. 399-418. (In Russ).
27. Abdulaev M.I. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Ekonomika Publ., 2006. 623 p. (In Russ).
28. Leist O.E. Norms of law, in: Marchenko M.N. (ed.). *Theory state and law*, a course of lectures. Moscow, Zertsalo Publ., 1997, pp. 369-384. (In Russ).
29. Baytin M.I. *The essence of law (Modern normative legal thinking on the verge of two centuries)*, monograph. Moscow, Law and State Publ., 2005. 544 p. (In Russ).
30. Kozhevnikov V.V., Kondrat'ev A.V. On some problems of the concept and implementation of recommendatory norms (in the context of the interaction of national and international law). *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 10, pp. 5-12. (In Russ).
31. Kuzakbirdiev S.S. Form of implementation of recommendatory norms, in: *Scientific notes of the Institute of State and Law*, collection of scientific works. Tyumen, Publishing House of the Tyumen State University, 2001, pp. 50-55. (In Russ).
32. Dyuryagin I.Ya. The norms of Soviet law, in: Alekseev S.S. (ed.). *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985, pp. 333-347. (In Russ).
33. Alekseev S.S. *General theory of law*, textbook, in 2 volumes. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2. 360 p. (In Russ).
34. Komarov S.A. *General theory of state and law*. Saransk, Publishing House of Mordovian University, 1994. 303 p. (In Russ).
35. Drobyazko S.G., Kozlov V.S. *General theory of law*, textbook. Minsk, Amalfeya Publ., 2005. 464 p. (In Russ).
36. Leist O.E. Norms of law, in: Marchenko M.N. (ed.). *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Zertsalo Publ., 2009, pp. 719-741. (In Russ).
37. Vengerov A.B. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Novyi Yurist Publ., 1998. 528 p. (In Russ).
38. Lazarev V.V., Lipen' S.V. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Spark Publ., 1998. 448 p. (In Russ).

39. Baytin M.I., Babaev V.K. (ed.). *Norms of Soviet law. Problems of the theory*. Saratov, Saratov University Publishing House, 1987. 248 p. (In Russ).
40. Babaev V.K. Norms of law, in: *General theory of law, a course of lectures*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod High School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1993, pp. 282-303. (In Russ).
41. Chashchin A.N. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Delo i servis Publ., 2008. 688 p. (In Russ).
42. Smolenskiy M.B., Borisov G.A., Markhgeim M.V., Tonkov E.E. *Theory of state and law*, textbook. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2011. 478 p. (In Russ).
43. Perevalov V.D. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Yurait Publ., 2012. 415 p. (In Russ).
44. Oksamytnyi V.V. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, IMPE-PUBLISH Publ., 2004. 563 p. (In Russ).
45. Kulapov V.L., Malko A.V. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Norma Publ., 2009. 384 p. (In Russ).
46. Lipinsky D.A. Norms of law, in: Malko A.V. (ed.). *Theory of state and law*, textbook. Moscow, KNORUS Publ., 2008, pp. 137-158. (In Russ).
47. Radko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.A. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 568 p. (In Russ).
48. Morozova L.A. *Theory of State and Law. Refresher course in questions and answers*. Moscow, Norma Publ., 2003. 320 p. (In Russ).
49. Morozova L.A. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 448 p. (In Russ).
50. Gorshenev V.M. Atypical regulatory prescriptions. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet state and law*, 1978, no. 3, pp. 113-118. (In Russ).
51. Puginsky B.I. About the rule of law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo = The Moscow University Herald. Series 11. Law*, 1999, no. 5, pp. 23-33. (In Russ).
52. Kozhevnikov V.V. *Theory of state and law*, textbook, in 2 parts. Moscow, Prospekt Publ., 2021. Part 2. 912 p. (In Russ).
53. Kozhevnikov V.V. On the structure of specialized norms of modern Russian law. *Budapeshtskii mezhdunarodnyi institut issledovaniy i kritiki = Budapest International Institute for Research and Criticism*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 1515-1520. (In Russ.).
54. Filimonov V.D. The norm of law and its functions. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 9, pp. 5-12. (In Russ).
55. Pyanov N.A. *Consultations on the theory of state and law*, textbook. Irkutsk, Publishing House of the Irkutsk State University, 2010. 588 p. (In Russ).
56. Makuev R.Kh. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Norma Publ., 2010. 640 p. (In Russ).
57. Larin A.Yu. *Theory of state and law*, textbook. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2011. 288 p. (In Russ).

About the author

Kozhevnikov Vladimir – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: kta6973@rambler.ru

SPIN-code: 7487-3953, Author ID: 678229

Article info

Received – April 29, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Kozhevnikov V.V. About Recommended Rules of Law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 5-18. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).5-18. (In Russ.).

УДК 340, 340.5, 342.72

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).19-27

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНВАЛИДНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ (X–XIX вв.)

А. Е. Носырева

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Введение. «Инвалидность» является законодательно установленным признаком, наделяющим людей с физическими и(или) психическими недостатками «специальным» правовым статусом, гарантирующим дополнительные права и возможности получения от государства социальных льгот. Сегодня большинство государств имеют установленный механизм защиты законных интересов людей с инвалидностью, однако до настоящего времени инвалиды до сих пор повсеместно сталкиваются с проблемами реализации прав, что доказывает актуальность данного исследования. **Цель.** Обращаясь к историческому опыту, в представленной работе анализируется изменение правового положения людей с инвалидностью в Великобритании и России с X по XIX вв., а также особенности совершенствования современного законодательства. **Методология.** При написании научной статьи были использованы сравнительно-правовые методы (метод микросравнения, метод проблемного сравнения). **Результаты.** В ходе исследования был предложен авторский подход по определению социально-правового положения людей с инвалидностью в разные исторические эпохи. Особое внимание уделено вопросам правового регулирования «инвалидности», проведен сравнительный анализ ключевых положений нормативно-правовых актов Великобритании и России (в соответствующие исторические периоды – с X по XIV вв., с XV по XVIII вв. и XIX в.). Кроме того, выявлены закономерности регулирования социального положения инвалидов. **Заключение.** Проведённое сравнительно-правовое исследование исторического прошлого государств полезно для углубления познаний и дальнейшего изучения вопросов правовой защиты людей с инвалидностью.

Ключевые слова: правовое положение инвалидов; правовая защита; дискриминация; стигматизация.

1. Введение

На протяжении всей истории развития государств общество в целом сталкивалось с проблемой правового регулирования «инвалидности», которая до настоящего времени остаётся социально значимой на международном и национальном уровнях. В правовой действительности правовое положение людей с инвалидностью защищается государством путём предоставления юридических и социальных гарантий защиты, основанных на международных началах «равенства» граждан в правах, свободах и толерантном отношении к физическим и(или) психическим трудностям, но вместе с тем до настоящего времени вопросы социальной изоляции, дискриминации инвалидов существуют, что свидетельствует о необходимости внесения изменений в позитивное право и совершенствование правоприменительной системы.

Для всестороннего исследования в научной статье проводится анализ исторического

прошлого правовых систем современных держав: правовая система Великобритании, относящаяся к англосаксонской правовой семье, где в качестве основополагающего государства выступила Англия, и правовая система России, относящаяся к романо-германской правовой семье. Хронологические рамки исследования определены периодами: с X по XIV вв., с XV по XVIII вв. и XIX в., детерминированными сущностными особенностями развития от эпизодического упоминания лиц с недостатками здоровья, формирования социального признания до становления правовой основы защиты инвалидов. Представленная периодизация позволила осуществить системный научный анализ исторического прошлого и выявить причины формирования законодательных проблем и коллизий регулирования «инвалидности».

Ретроспективное исследование правового положения людей с инвалидностью с X по XIX вв. в правовых системах Великобрита-

нии и России раскрывает законодательные упущения и социальные проблемы таких граждан в разные исторические эпохи, что формирует новые знания для современного законодательства. Государственно-правовые и социокультурные явления государства являются объектом данного научного исследования. В свою очередь, предмет составляют сущностные закономерности по урегулированию прав инвалидов в области образования, труда, медицины и т. д.

Стоит отметить, что термин «инвалид» отечественной правовой системой был заимствован в первой половине XVIII в. из французского, где было представлено понятие «invalide», что в переводе означает «больной или слабый», хотя изначально существовали его религиозные определения: «юродивый», «убогий» и др. В Великобритании существовали понятия, указывающие на внешние недостатки граждан («blind», «deaf» и т. д.). В последующем с XIX в. использовался уже совокупный термин «person with disabilities», обозначающий человека с «неполноценностью» (заболеванием, увечьем), который до настоящего времени используется западно-европейскими правоведами¹. Для удобства термин «инвалид» в научной статье используется в качестве основной дефиниции определения граждан с недостатками здоровья в разные исторические эпохи.

При написании научного исследования было уделено внимание оригинальным английским трудам: С. Барнса, С. Джарретта, И. Метцлер, Р. Портера, А. Вейра и др., а также отечественным работам: Ю. Я. Барловой, Д. И. Герасимовой, А. С. Лотаревой, Д. А. Мельникова, Т. В. Мельниковой и т. д.

2. Методология

В процессе изучения вопроса автором использовались сравнительно-правовые методы: метод микросравнения, с помощью которого были изучены правовые акты указанных стран в зависимости от исторического и культурного развития, а также метод проблемного сравнения, с помощью которого было выявлено изменение правового статуса личности инвалидов.

3. Историческое упоминание инвалидности с X по XIV вв.

Правовое положение людей с инвалидностью всегда было неоднозначным. Изучая

средневековую литературу Англии и летописи Древней Руси, следует обратить внимание на схожую правовую идеологию. С одной стороны, считалось, что любые недостатки здоровья являлись особым «наказанием Бога за грех, совершённый в прошлой жизни», или «проявлением демонической сущности» [1, с. 7]. Также в научной литературе можно встретить отождествление «неполноценности» человека со «злом или чёрной магией» [2]. С другой стороны, христианские догматы указывали, что люди с недостатками намного «ближе к Богу, и они на земле терпят чистилище», определяя «духовную» значимость для общественного сознания [2, с. 148–150].

В средневековых источниках Англии можно обнаружить сведения о целом ряде судебных процессов, проводимых инквизицией, в которых людей с недостатками здоровья обвиняли в колдовстве, основываясь на внешней или психической «ущербности» (обезображенное лицо, врождённые аномалии, безумность поведения, истерия и т. д.). Это влекло жестокие пытки и сожжение на костре по постановлению духовных и светских судей как «нераскаянных грешников» [3].

В результате нарастания суеверий и преследований общество стало настороженно относиться к людям с инвалидностью, что фактически свидетельствовало о формировании стигматизирующего фактора [4, с. 256]. Особую сложность того времени представляли «прокажённые». В силу отсутствия знаний по лечению таких заболеваний их старались ограждать от общества. В 1367 г. английские власти вводили полные запреты на въезд в город прокажённых и инвалидов [1, с. 4; 5]. Некоторым людям с «внешними» недостатками приходилось в роли шутов развлекать знать при дворах и на ярмарках, что формировало уничижительные традиции в обществе [6, с. 202].

Положение людей с инвалидностью в Древней Руси отличалось от Средневековой Англии [7, с. 63]. В дохристианскую эпоху на Руси таких людей старались ограждать от общества или изгонять их из общины. Однако благодаря установлению христианских трактатов было установлено, что «любая» человеческая личность представляет собой «приоритет» [8, с. 125] для общества и государства, предписывающий русскому народу оказывать посильную помощь [9].

Средневековая Англия признавала «инвалидность» в качестве основания лишения дееспособности, что ограничивало права людей с инвалидностью (например, защищать себя в суде, совершать сделки, заключать браки и т. д.), определив их в полную зависимость от церковного попечения [10]. Тем самым в Средневековой Англии «попечение» нуждающихся ограничивалось религиозными убеждениями предводителя духовных общин [11, с. 15], который мог предоставить жителям деревни с «внешними» недостатками необходимое продовольствие [12, с. 156], но в ряде случаев такой помощи не хватало, что приводило к распространению «бедности» и совершению преступлений [13].

Однако в Древней Руси, благодаря распространению идеологии «духовного» призрения «убогих», стали предприниматься первые попытки по урегулированию правового положения инвалидов [8]. В 996 г. был издан первый законодательный акт, Устав князя Владимира, который частично делегировал церквям и монастырям решение вопросов попечения людей с инвалидностью. В свою очередь, «Правила о церковных людях и о десятинах и судах епископских и о мерах градских» [11, с. 30] содержали указания о предоставлении пропитания на нужды неимущих и учреждали «богадельни» для временного приюта «убогих» [9, с. 149].

Учреждения подобные церковным богадельням в Древней Руси были созданы и в Средневековой Англии. Одними из первых исторически известных учреждений являлись «богоугодные заведения» («*almshouses*») [14, с. 162], где люди с инвалидностью могли проживать и вести хозяйство в пределах своих возможностей. Они строились за счёт благотворительности зажиточного населения. Вместе с тем как в Древней Руси, так и в Средневековой Англии основную заботу в качестве религиозного долга исполняли церковнослужители [15].

4. О социальном призрении людей с инвалидностью с XV по XVIII вв.

Предание забвению попечительства над инвалидами в период феодальной раздробленности и золотоордынского ига на Руси обусловило резкий рост нуждающихся в помощи лиц и предопределило необходимость организации «призрения» по завершении

объединения русских земель вокруг Москвы и становления централизованного государства. Результатом этого стало восстановление системы создания богаделен при церквях и монастырях, инициированное Василием III [13, с. 102].

В годы правления Ивана IV опека над убогими перестает быть исключительно церковной функцией и приобретает черты государственно-правового регулирования. Глава 5 Стоглава 1551 г. гласит: «милостыня и корм годовой, и хлеб, и соль, и деньги, и одежда по богадельным избам по всем городам дают из нашей казны» [7]. С принятием Стоглава 1551 г. государство поставило перед собой задачу дифференцировать по критериям здоровья, возрасту и половой принадлежности убогих, которым гарантировалось право проживания и «кормления» в богадельных домах [9].

В отличие от Московской Руси, в Англии с 1485 г. в период правления Генриха VIII произошло ухудшение положения людей с инвалидностью [14, с. 673]. Согласно положениям «Акта о супрематии» («*Act of Supremacy*») 1534 г., правитель был признан «единственным Верховным главой» новой англиканской церкви, который приказал распустить все религиозные дома, больницы. Вместе с этим были утеряны основные направления поддержки инвалидов [1, с. 14].

В последующем экономические проблемы страны и рост нетрудоспособного населения привели к усугублению «бедности», распространению болезней и росту преступности, что, в свою очередь, требовало правового регулирования. Конечно, проблема «бедности» стала ключевой трудностью инвалидов, так как в силу отсутствия социальных гарантий и наличия недостатков здоровья они не могли осуществлять трудовую деятельность и, следовательно, обеспечивать себя.

В годы правления Елизаветы I законодательный акт «Елизаветинский закон о бедных» («*Elizabethan Poor Law*») 1601 г. закрепил первые направления политики по урегулированию проблем бедного населения, а также частично людей с инвалидностью [1, с. 19], объединив их в общую группу под названием «пауперы» («*pauper*»), что доказывает полное отсутствие должного внимания инвалидам, которые имели совершенно иные

потребности в зависимости от заболевания. Согласно положениям «Елизаветинского закона о бедных» 1601 г. были учреждены специально уполномоченные попечители, которые собирали налоги с зажиточного населения для выдачи инвалидам минимального денежного пособия («dole») [15, с. 208]. При этом для получения материальной помощи таким гражданам было необходимо носить специальную «маркировку» (стигматизирующий ярлык): букву «Р» красного или синего цвета на рукаве верхней одежды [16, с. 14].

В свою очередь, «здоровых тунеядцев» надлежало помещать в исправительный дом, где их принуждали к общественным полезным работам. В ряде случаев к ним могли быть применены телесные наказания или меры воздействия (например, привязывание к позорному столбу, клеймение) [5, с. 27]. Указанные положения сходны с отечественным актом – «Стоглавом» 1551 г. Так, глава 73 указывала, что «тунеядствующим» нищим, «которые возмогут работати... страдам подлежали», т. е. им надлежало выполнять тягостную трудовую деятельность [17, с. 19].

В последующем в первой половине XVIII в., после объединения Англии и Шотландии и образования королевства Великобритания, был введен новый тип приходских учреждений – «работный дом» («workhouse»), где инвалиды могли получить гарантии по проживанию, добровольному трудоустройству, пропитанию и т. д. [1, с. 19]. Иначе данная социальная помощь называлась «закрытая». Также существовала «открытая» помощь со стороны местной власти посредством выплаты денежных пособий.

В правовой же системе России исторический этап с XV по XVIII вв. ключевой в становлении первых форм социального призрения людей с инвалидностью, благодаря которому начала складываться «общая картина» прав инвалидов. Стоит согласиться с А. Р. Соколовым, который утверждал, что с указанного периода отечественной истории термин «призрение» («благосклонное отношение», «покровительство» слабых и нуждающихся) закрепилось на законодательном уровне [17]. Впервые в «Кормчую книгу» вошли статьи об общественном призрении (см. также: [18]). Стали создаваться приказы, занимающиеся призрением лиц с физиче-

скими и (или) психическими недостатками (Монастырский приказ – управление делами «призрения» граждан, Аптекарский приказ – становление принципов оказания медицинской помощи, Приказ строительства богаделен – расширение сети социальных учреждений и др.).

XVIII в. в отечественной истории связан с яркими политическими событиями, а именно образованием Российской Империи, широкими преобразованиями государственной системы и установлением особой политики по борьбе с «нищенством» как социальным явлением, которое приносило экономический и моральный вред государству. В период правления Петра I были созданы целые сети социальных заведений. В частности, в смиренных и «прядильных» домах содержались «тунеядцы», которые обеспечивались принудительным трудом, в «гошпиталях» содержались лица, которые в силу инвалидности не были способны осуществлять трудовую деятельность [19].

В период царствования Екатерины II призрение приобрело целостное государственное оформление. В 1775 г. был создан Приказ общественного призрения, который являлся основным специализированным учреждением по оказанию помощи нуждающимся гражданам (престарелым, лицам с инвалидностью и т. д.) в сфере образования, воспитания, медицинской помощи [9]. Цель создания Приказа общественного призрения состояла в обеспечении всех перечисленных категорий граждан необходимым минимумом, удовлетворяющим их социальные потребности жизнедеятельности, а также в осуществлении надзора за социальными учреждениями на местах (работных, смиренных домов и «гошпиталей»). Кроме того, существенно изменилось положение душевнобольных граждан, которых, по специальному указу, надлежало содержать в Суздальском монастыре «нескованными» и обращаться к ним по возможности «по-человечески» [7, с. 62–64].

5. Становление правовой основы защиты инвалидов в XIX в.

Для Великобритании XIX в. ознаменовался широкими политическими и экономическими преобразованиями политико-правовой системы страны. Этому предшествовали события по объединению королевства Вели-

кобритании и королевства Ирландии и образованию Соединённого Королевства, а также промышленная революция.

В результате увеличения расходов на государственную помощь людям с инвалидностью в 1832 г. «пауперизм» стал рассматриваться как моральный недостаток. В 1834 г. был принят «карательный» «Закон о бедных» («Poor Law Act»), отличающийся от предыдущих актов, его целью было установление для бедного населения (в том числе людей с инвалидностью) принудительного труда в «рабочих домах» («workhouse») с довольно жестокими условиями проживания, унижительным отношением и строжайшей дисциплиной [20, с. 32–33]. Согласно новому закону, социальная помощь инвалидам за рамками «рабочих домов» была запрещена, отменена «открытая» социальная помощь, что приводило к организациям шестивий и созданию групп самопомощи (известная в истории «Гильдия храбрых бедняков»). Необходимо подчеркнуть, что условия в рабочих домах улучшались только в конце XIX в., а в первой половине XX в. указанные учреждения будут полностью ликвидированы как чуждые идеологии «социальной солидарности» гражданского общества.

«Викторианская» эпоха также связана с ключевыми изменениями законодательной базы по правовому регулированию душевнобольных. Был разработан ряд законов: «Закон о безумии» («Lunatics Act») 1845 г., регулирующий вопросы о сущности заболеваний «людей с нездоровым умом», «Закон об идиотии» («Idiots Act») 1886 г., регламентирующий различные виды «сумасшествия» и способы особого лечения таких людей, и др. [3]. Кроме того, появилась новая профессия «психиатр», была изменена система лечения с отказом от сурового обращения в пользу мягкой дисциплины и терапевтического вмешательства. В отечественной же системе психиатрическая помощь ограничивалась организацией «домов сумасшедших» [21], где душевнобольные были изолированы от общества [22, с. 130], что в последующем лишило их социальной мобильности.

В Российской Империи в период правления Александра I государственная политика того времени была направлена на создание правовых гарантий, что, в свою очередь, бы-

ло основой формирования начал социального государства [23, с. 5]. Александром I было учреждено «Императорское человеколюбивое общество» [24, с. 328], которое являлось главным историческим событием в области помощи нуждающимся. В именном указе император подчеркнул, насколько «близки сердцу несчастные жертвы ожесточённого рока», которых он определял под «особливое покровительство своё как в утверждаемое здешней столице благотворительное общество, так и всякие другие» (см.: [24, с. 326]).

Човеколюбивое общество обязано было принимать в учреждение лиц, которые обладали физическими недостатками в силу заболевания или увечья, в связи с чем были не способны осуществлять трудовую деятельность, а также лиц пожилого возраста, которые были не в состоянии ухаживать за собой. Кроме того, в рамках данного заведения создавались специальные мастерские, где «неимущие, кои в состоянии работать» (см.: [24, с. 329]), могли бы шить, строгать, заниматься переплетным делом, получая плату за свою работу.

В период Отечественной войны 1812 г. социальная помощь впервые приобрела упорядоченную систему «для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам» [25, с. 250]. В 1814 г. был учреждён «Комитет о раненных», который уполномочили выдавать военную пенсию, оказывать содействие при получении медицинского обслуживания и обеспечивать социальными гарантиями семьи погибших. В последующем были организованы «инвалидные» дома, «Лопухинский дом призрения инвалидов» в память об императоре Николае I и т. д. [25].

6. Заключение

Проведённое историческое исследование показывает сложность правового регулирования «инвалидности» в разные исторические эпохи, как в России, так и в Великобритании, которое фактически зависело от социально-экономического и культурного развития государств. С X по XIV вв. как в Древней Руси, так и в Средневековой Англии в обществе «инвалидность» (физическая и(или) психическая «неполноценность») рассматривалась двойственно: с одной стороны, людей с недостатками здоровья приравнивали к «не-

чистым», «порождению дьявольской сущности»; с другой стороны, «отклонения» отождествлялись с божественным проявлением («даром» от Бога). Однако в указанный период при слабой роли власти впервые стали складываться основы «церковного попечения», направленного на удовлетворение минимальных потребностей таких граждан, а также появились первые учреждения – «богадельни» («almshouses»), где можно было получить кров и пропитание.

С XV по XVIII вв. происходит последовательное формирование социального законодательства с целью регулирования проблемы «бедного» нетрудоспособного населения (людей с инвалидностью), которая наносила вред процветающим государствам. В результате в Великобритании была разработана социальная помощь инвалидам двух видов: «закрытая» в «рабочих домах» («workhouse») (предоставлялись гарантии проживания, усиленного трудоустройства и др.) и «открытая» (выплата денежных пособий), а в отечественной правовой системе были установлены основы призрения (Аптекарский приказ, Приказ строительства богаделен, Приказ общественного призрения 1775 г.). Вместе с тем была установлена категоризация граждан: нетрудоспособные (люди с инвалидностью) и трудоспособные нищие. Первая категория получала безвозмездное социальное обеспечение (призрение), для второй категории были определены меры государственного принуждения.

В XIX в. политика указанных государств стала существенно отличаться. В Великобритании правовое положение инвалидов регулировалось «карательным» способом («Закон

о бедных» 1834 г.). Была установлена «закрытая» система в «рабочих домах» («workhouse») с принудительным трудом, закрепился принцип «меньшего права на участие», что в корне противоречило основным направлениям отечественного законодательства. В Российской Империи стали закладываться первые формы правовой защиты инвалидов благодаря установлению идеологии «всепомощи» Императорского человеколюбивого общества, которая была ориентирована на закрепление основ взаимопомощи каждому без исключения. В свою очередь, именно в XIX в. в Великобритании впервые стало уделяться внимание терапевтическому лечению и правовому регулированию «душевнобольных» граждан («Закон о безумии» 1845 г., «Закон об идиотии» 1886 г.), что отличалось от отечественного правового регулирования, которое ограничивалось установлением изоляции психически больных в «домах сумасшедших».

Таким образом, научное исследование выявляет закономерности правового регулирования «инвалидности» с X по XIX вв. в Великобритании и России, что предоставляет широкие возможности для проведения дальнейших исследований в области правовой защиты людей с инвалидностью.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹См. подробнее: Носырева А. Е. Теоретические концепции дефиниции «инвалидность» // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XX Международной конференции молодых учёных. Т. 1. – М. : ИЦУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 122–125.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jarrett S. Disability in time and place // English Heritage Disability. – 2012. – № 58 (2). – P. 4–25.
2. Orme N., Webster M. The English Hospital 1070–1570. – New Haven : Yale University Press, 1995. – 152 p.
3. Barnes C. Disabled People in Britain and Discrimination: a care for anti-discrimination legislation. – London : Hurst & Co. Publishers, 1991. – 264 p.
4. Каннабих Ю. В. История психиатрии. – М. : Харвест, 2014. – 559 с.
5. Барлова Ю. Я. Английское законодательство о бедных в XVIII – первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 3. – С. 27–32.
6. Metzler I. A Social History // Routledge Studies in Cultural History. – 2013. – № 24. – P. 200–335.
7. Мельникова Т. В. Истоки милосердного отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья в России (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 62–65.
8. Суворов Н. С. Учебник церковного права. – М. : Зерцало, 2004. – 559 с.
9. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1985. – 432 с.

10. Porter R. The greatest benefit to mankind – a medical history of humanity // Harper Collins. – 2012. – № 43. – P. 231–254.
11. Срезневский И. И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. (1130 г.). – М. : Книга по Требованию, 2012. – 39 с.
12. Weir A. England under Henry the Eighty // The History of England from Celts through 20th century. – 2010. – № 23. – P. 129–158.
13. Мельников Д. А. Становление благотворительной помощи в Англии в Средние века // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2012. – № 5. – С. 191.
14. Пуллер В. Ф. Преемственность английской церкви до реформации в XVI веке и после реформации, с очерком нынешнего состояния этой церкви // Христианское чтение. – 2009. – № 5. – С. 673–675.
15. Барлова Ю. Е. Система социальной помощи в Англии в XVII – первой половине XIX в. и конструирование нарративов о «старом законодательстве о бедных». – М. : Красанд, 2009. – 302 с.
16. Гаунова Д. Х. Стигматизация как форма проявления социального маркирования // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 2. – С. 12–17.
17. Шапошников С. П. Социальное государство в России: историко-теоретический аспект // История государства и права. – 2010. – № 11. – С. 18–22.
18. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М. : Изд-во Моск. ун-та. 1961. – 202 с.
19. Деяния Петра Великого / под ред. И. И. Голикова. – 2-е изд. – М. : Тип. Н. Степанова, 1837–1843. – Т. 1. – 245 с.
20. Сидорина Т. Ю. Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 32–36.
21. Осипов В. П. Курс общего учения о душевных болезнях : учебник по психопатологии. – Берлин : Гос. изд-во Р.С.Ф.С.Р., 1923. – 723 с.
22. Герасимова Д. И. Проблема опеки нищих, бедных, заключённых и лиц с отклоняющимся поведением в Российской империи в дореволюционной историографии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5. – С. 130–134.
23. Лотарева А. С. Моя рука тяжела, но сердце полно любви // История. – 2017. – № 5. – С. 2–7.
24. Егорышева И. В., Гончарова С. Г. К 200-летию Императорского человеколюбивого общества // Здравоохранение Российской Федерации. – 2016. – № 60. – С. 325–333.
25. Юсупова С. А. Благотворительная деятельность провинциального российского купечества в сфере организации помощи действующим и бывшим участникам военных действий // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. – С. 249–252.

Информация об авторах

Носырева Алена Евгеньевна – адвокат Некоммерческой Организации «Коллегия адвокатов» № 64 Яйского района Кемеровской области, аспирант кафедры теории и истории государства и права

Кемеровский государственный университет

Адрес для корреспонденции: 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6

E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru

SPIN-код: 3578-5370

Информация о статье

Дата поступления – 4 июня 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Носырева А. Е. Ретроспективный анализ инвалидности в Великобритании и России (X–XIX вв.) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 19–27. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).19-27.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF DISABILITY IN GREAT BRITAIN AND RUSSIA (10th-19th CENTURIES)

A.E. Nosyreva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Introduction. "Disability" is a legally established feature that gives people with physical and (or) mental disabilities a "special" legal status that guarantees additional rights and opportunities to receive social benefits from the state. Today, most states have an established mechanism for protecting the legitimate interests of people with disabilities, but to date, people with disabilities still face problems with the realization of rights everywhere, which proves the relevance of this study. **Purpose.** Turning to historical experience, the presented

work analyzes the change in the legal status of people with disabilities in the Great Britain and Russia from the 10th to the 19th centuries, as well as the peculiarities of improving modern legislation. **Methodology.** When writing a scientific article, comparative legal methods were used (the micro-comparison method, the method of problem comparison). **Results.** In the course of the study, the authors approach was proposed to determine the socio-legal status of people with disabilities in different historical epochs. Special attention is paid to the issues of legal regulation of "disability", a comparative analysis of the key provisions of the normative legal acts of Great Britain and Russia (in the corresponding historical periods – from the 10th to 14th centuries, from the 15th to the 18th centuries and the 19th century). In addition, the regularities of regulating the social status of disabled people are revealed. **Conclusion.** The conducted comparative legal study of the historical past of states is useful for deepening knowledge and further studying the issues of legal protection of people with disabilities.

Keywords: legal status of persons with disabilities; legal protection; discrimination; stigmatization.

REFERENCES

1. Jarrett S. Disability in time and place. *English Heritage Disability History*, 2012, no. 58 (2), pp. 4-25.
2. Orme N. & Webster M. *The English Hospital 1070-1570*. New Haven, Yale University Press, 1995. 152 p.
3. Barnes C. *Disabled People in Britain and Discrimination: a care for anti-discrimination legislation*. London, Hurst & Co. Publishers, 1991. 264 p.
4. Kannabikh Yu.V. *History of psychiatry*. Moscow, Kharvest Publ., 2014. 559 p. (In Russ.).
5. Barlova Yu.Ya. English poor law in the XVIII – first half of the XIX century. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 27-32. (In Russ.).
6. Metzler I. A Social History. *Routledge Studies in Cultural History*, 2013, no. 24, pp. 200-335.
7. Mel'nikova T.V. The origins of merciful treatment of persons with disabilities in Russia (historical and legal aspect). *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2013, no. 4, pp. 62-65. (In Russ.).
8. Suvorov N.S. *Textbook of Church Law*. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 559 p. (In Russ.).
9. Chistyakov O.I. (ed.). *Russian legislation of the X–XX centuries*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 432 p. (In Russ.).
10. Porter R. The greatest benefit to mankind – a medical history of humanity. *Harper Collins*, 2012, no. 43, pp. 231-254.
11. Sreznevskii I.I. *The letter of the Grand Duke Mstislav and his son Vsevolod to the Novgorod Yuriev Monastery. (1130)*. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2012. 39 p. (In Russ.).
12. Weir A. England under Henry the Eighty, in: *The History of England from Celts through 20th Century*. 2010, no. 23, pp. 129-158.
13. Mel'nikov D.A. The formation of charitable aid in England in the Middle Ages. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 2012, no. 5, pp. 191. (In Russ.).
14. Puller V.F. The continuity of the English Church before the Reformation in the XVI century and after the Reformation, with an outline of the current state of this church. *Hristianskoe chtenie = Christian Reading*, 2009, no. 5, pp. 673-675. (In Russ.).
15. Barlova Yu.E. *The system of social assistance in England in the XVII – first half of the XIX century and the construction of narratives about the "old poor law"*. Moscow, Krasand Publ., 2009. 302 p. (In Russ.).
16. Gaunova D.H. Stigmatization as a form of manifestation of social labeling. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2014, no. 2, pp. 12-17. (In Russ.).
17. Shaposhnikov S.P. Social State in Russia: historical and theoretical aspect. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and law*, 2010, no. 11, pp. 18-22. (In Russ.).
18. Tihomirov M.N., Epifanov P.P. *The Cathedral Code of 1649*. Moscow, Moscow University Publishing House, 1961. 202 p. (In Russ.).
19. Golikova I.I. (ed.). *Acts of Peter the Great*. 2nd ed. Moscow, Tip. N. Stepanova Publ., 1837-1843. Vol. 1. 245 p. (In Russ.).
20. Sidorina T.Yu. Man and his Work: from the Past to the Information Age. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2007, no. 3, pp. 32-36. (In Russ.).
21. Osipov V.P. *General Teaching course on mental illness*, textbook on psychopathology. Berlin, Gos. Izd-vo R.S.F.S.R. Publ., 1923. 723 p. (In Russ.).
22. Gerasimova D.I. The problem of guardianship of beggars, the poor, prisoners and persons with deviant behavior in the Russian Empire in pre-revolutionary Historiography. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*, 2014, no. 5, pp. 130-134. (In Russ.).
23. Lotareva A.S. My hand is heavy, but my heart is full of love. *Istoriya = History*, 2017, no. 5, pp. 2-7. (In Russ.).

24. Egorysheva I.V., Goncharova S.G. To the 200th anniversary of the Imperial Humane Society. *Zdravooohranenie Rossiiskoi Federatsii = Healthcare of the Russian Federation*, 2016, no. 60, pp. 325-333. (In Russ.).
25. Yusupova S.A. Charitable activities of the provincial Russian merchants in the field of organizing assistance to current and former participants of military operations. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2018, no. 2, pp. 249-252. (In Russ.).

About the authors

Nosyreva Alyona – advocate Nonprofit Organization "College of advocates" № 64 Yaysky district Kemerovo region, postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law

Kemerovo State University

Postal address: 6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650000, Russia

E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru

SPIN-code: 3578-5370

Article info

Received – June 4, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Nosyreva A.E. Retrospective Analysis of Disability in Great Britain and Russia (10th-19th Centuries). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 19-27. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).19-27. (In Russ.).

УДК 321:[316.3+340]

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ВСЕМИРНОЙ ДИКТАТУРЕ

С. В. Измestьев

Некоммерческая организация «ТСН Преображенский», г. Москва, Россия

Введение. Процессы глобализации общества влияют на эволюцию права как социального института. В условиях глобализации актуальным является установление чётких критериев реализации принципа верховенства (господства) права на международном, наднациональном уровне. **Цель.** Актуальным является поиск механизма устранения существующей неопределённости понятия «совместимость с международными нормами и стандартами в области прав человека», служащей поводом для возможных злоупотреблений и нарушений данного основополагающего принципа. **Методология.** В работе содержится анализ исторического генезиса понятия права в его естественно-правовом понимании и влияние на него доктрин суверенитета и позитивизма. На основе анализа идей И. Канта, Г. Кельзена, Ю. Хабермаса синтезирована модель концепции глобального транзита суверенитета от населения национальных государств к глобальному социуму с передачей на глобальный (наднациональный) уровень высших законодательных полномочий, формирования высшего уровня глобального права (права народов, «основных норм»), глобальной конституции. **Результаты.** Автором предлагается сформировать нормы глобального права на основе традиционных духовных и религиозных ценностей, признанных стандартов прав и свобод человека, дополненных правом на свободный обмен информацией и свободный доступ к средствам такого обмена как естественным правом человека (правом на свободу коммуникации). **Заключение.** В соответствии с теологической традицией, взглядами социологов Ф. Хайека, С. Фуллера и русского философа И. Ильина автор видит в процессе возрождения исконного естественного (Божественного) права на глобальном уровне, утраченного обществом в ходе реализации принципов абсолютизма и народного суверенитета, глобальную цивилизационную альтернативу «новому мировому порядку», глобальному сверхгосударству и возможной планетарной диктатуре, основанной на тотальном цифровом контроле. Инициаторами данного процесса автор видит международные движения верующих-активистов, объединённых транснациональными традиционными религиями.

Ключевые слова: социомедийная глобализация; ритуальное государство; сверхгосударство; глупбинное государство; глобальная олигархия; естественное право; религиозное право; верховенство права; право народов; активизм.

1. Введение

Активное развитие средств электронной коммуникации и диалога в сети Интернет ускорили формирование единого глобального человеческого общества (социомедийная глобализация), что наряду с усилением работы развитых государств по созданию механизмов транснационального управления (международные объединения и союзы государств), интернациональной глобализацией способствует глобальному транзиту суверенитета от народов к глобальному обществу [1]. Под воздействием данных процессов происходит развитие и трансформация таких социальных институтов, как право и государство.

Глобализация основных сфер жизни общества ставит действующие национальные государства перед перспективой участия в организации и работе систем наднационального управления либо становления на путь изоляционизма, замены утрачиваемых полномочий по управлению глобализуемыми сферами общественной жизни бюрократическими ритуалами и превращения в «ритуальное государство»¹. «В процессе ритуализации общественного сознания и формирования “ритуального государства” нелегкой выглядит участь церкви и религии, испытывающих серьёзное давление со стороны политиков и органов управления, которые неизбежно пытаются подменить их собой (или погло-

тить, “огосударствить”), вернее, вытеснить подлинную Веру и Религию, подменив её псевдодуховной официальной идеологией. В этом духовном суррогате, эрзац религии, предметом поклонения становятся “гуру и жрецы”, а предметом исповедания – государственная идеология. Духовная открытость подлинной Веры заменяется на оскалившуюся замкнутость тоталитарной секты» [2].

Глобальное взаимодействие и взаимосвязь во многих отраслях жизни общества делают насущным не просто развитие норм международного права, доминирующих над нормами национального законодательства, но и ставят вопрос о формировании глобальной иерархии правовых норм, в которой высшую ступень займут основные нормы глобального права («права народов»). Это должны быть нормы высшего порядка – глобальное право, «*ius cosmopolitanum*» – право народов (И. Кант) [3], «высшая норма» (Г. Кельзен) [4, с. 407–408], «нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого» (Ю. Хабермас) [5, с. 99].

Данная модель логически обоснована и призвана стать окончательным воплощением принципа «верховенства (господства) права» как глобального механизма социального регулирования, когда, по словам Генерального секретаря ООН, «все лица, организации и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека»².

При таком подходе верховенство (господство) права гарантируется его всеобъемлемостью, универсальностью и независимостью от воли правительств и политиков.

Однако даже при первом взгляде становится очевидной существенная неопределённость критериев верификации соответствия тех или иных норм и положений национального законодательства данному принципу. Эта неопределённость заключена в формулировке о их обязательной совместимости с «международными нормами и стандартами в области прав человека»³. В юридической науке под этим термином понимается сово-

купность принципов и норм, регулирующих международную защиту прав и основных свобод индивидов и представляющих собой международные стандарты в области прав человека для национального права [6]. Основопологающим актом международного права в данной области является Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) (Международный пакт о правах человека) от 10 декабря 1948 г.⁴ Данная Декларация определяет базовые права человека и формально носит рекомендательный характер. Некоторые её положения закреплены международными договорами (пактами), ставшими впоследствии обязательными для подписавших их государств. Договорами ООН с 1965 по 2006 г. учреждены ещё семь международных конвенций по защите прав человека и отдельных категорий лиц: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Конвенция о правах ребёнка; Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей; Конвенция о правах инвалидов; Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. К сожалению, лишь три из них – о запрете расовой дискриминации, пыток и защите прав инвалидов – обрели глобальное действие. По данным вопросам действует также ряд международных конвенций и соглашений регионального характера.

Таким образом, правовую природу любого национального закона или постановления определяет соответствие сложным и разрозненным положениям международного права. Зачастую открытым остаётся вопрос о порядке применения и особенно толкования данных международно-правовых норм.

Надо согласиться с позицией известного правоведа Г. Кельзена о неизбежном усилении позиций международного права и практики обеспечения их исполнения мерами международного воздействия (принуждения) вне зависимости от факта их признания отдельными национальными правительствами

[4, с. 404]. Иными словами, «международное право сохраняет своё значение, несмотря на то, что его слишком часто обходят во время мира и не соблюдают на войне» [7, с. 19].

Всё это подтверждает насущную необходимость формирования единых общепризнанных норм и принципов права на глобальном уровне, создания подлинного глобального «права народов», конституции человечества, принимаемой всеми в перспективе каждого.

Говоря об «основных нормах», «праве народов», необходимо подразумевать своего рода «глобальный конституционализм», предполагающий закрепление на глобальном уровне базовых прав, свобод и принципов регулирования правоотношений, на основе и в соответствии с которыми должны действовать законодатели как на международном, так и на национальном уровнях.

В противном случае, сохраняющаяся неопределённость может привести и приводит к тенденциозному или расширительному толкованию понятия «международные нормы и стандарты в области прав человека», использованию ведущими мировыми державами и их союзами практики навязывания мировому сообществу отдельных норм и положений, закреплённых в их национальном законодательстве и (или) международных соглашениях, принятых с их участием, в том числе и путём применения мер международного воздействия.

В условиях ускоренного формирования глобального общества миру как никогда необходим консенсус по вопросу об основополагающих правах личности и принципах правового регулирования.

Особенно остро влияет на необходимость принятия норм глобального права («права народов») неурегулированность прав участников процессов освоения кибернетического и космического пространств, ускоряющихся сегодня. Это сравнимо с эпохой Великих географических открытий XV–XVI вв., когда ведущие державы конкурировали при освоении мирового океана и колонизации заморских территорий. Существующее положение в данных сферах очень напоминает всемирную олимпиаду с отсутствием единых правил состязаний, что способно стать поводом для глобального конфликта,

недопустимого в условиях ядерного противостояния.

2. Методология

На основе всестороннего анализа исторического генезиса понятия «права» в его естественно-правовом понимании и оценки влияния на него доктрин суверенитета и позитивизма, взглядов Ф. Хайека, анализа идей И. Канта, Г. Кельзена, Ю. Хабермаса о глобальном обществе и всемирном праве можно концептуально синтезировать модель глобального транзита суверенитета от населения национальных государств к глобальному социуму с передачей на глобальный (наднациональный) уровень высших законодательных полномочий, формирования высшего уровня глобального права (права народов, «основных норм»), глобальной конституции в ближайшей исторической перспективе. В свою очередь, анализ современных и древних религиозных доктрин, религиозно-философских воззрений и исследований современных учёных-генетиков позволяет определить естественные основы и принципы такого глобального права, сконструировать практическую модель его формирования и развития.

3. Влияние духовности на принципы правосознания

С точки зрения истории человечества предлагаемый «глобальный транзит суверенитета» (передача права принятия основополагающих норм и принципов права от национальных legislatures на глобальный наднациональный уровень) не выглядит новым, не имеющим под собой исторического опыта процессом.

В недавнем прошлом у всех народов планеты следованием праву считалось соблюдение духовных законов и религиозных традиций. Любому человеку было очевидно, что всякая власть должна быть от Бога и по Законам Его.

В этом смысле удивительна семантика русского языка, когда понятия «права», как и «веры», и «правды», заложены в самих словах: «ПРАВедный», «ПРАВильный». Или в исламской традиции: «ПРАВOverный» – соответствующий праву и Вере, или «ВЕРный», соответствующий Вере. Тогда как «светское государство» – это, очевидно, государство «света общества», государство элиты, а не «народное» или «духовное» государство.

Все древнейшие кодексы – памятники права: Ур-Намму (2100–2050 гг. до н. э.), Законы Эшнунны (XIX в. до н. э.), Липит-Иштар (1930 г. до н. э.), Хаммурапи (1755–1752 до н. э.), Хеттские законы (XV – XIII в. до н. э.), Ассирийский (XIV в. до н. э.), Законы Ману (II в. до н. э.) – были памятниками религиозной мысли и правовой традиции, декларировались как дарованные богами.

Лежащий в основании традиционных авраамических (авраамистических) религий Ветхий Завет говорит о даровании непосредственно Богом человечеству справедливых Законов. Ветхозаветные Законы Моисеевы содержат основополагающие принципы защиты прав человека и общества: «Под правовой защитой находились вдовы, сироты, бедняки, чужеземцы. Наказание их обидчикам, как считалось, исходит от самого Бога, который лишает своей защиты даже семьи обидчиков (Исх. 22:21–27; 23:9; Второзак. 23:2; 24:17). Так закладывалась традиция защиты личных прав, хотя в древние времена она не была отделена от защиты целостности и стабильности всего сообщества. Наивысшее воплощение в библейском праве она получила в плане защиты человеческой свободы и жизни как Божьего дара от злоумышленных посягательств. Насильственное лишение свободы, обращение в рабство однозначно каралось смертью (Исх. 21:14,16)» [8].

Современные исследователи Ветхого Завета выделяют и установленные им принципы управления обществом:

«1. Правительство дано Богом как необходимое условие для полноценной жизни нации (сакральный характер власти).

2. Правительство получает власть и полномочия от народа (народный суверенитет).

3. Личность политического лидера важна и должна учитываться народом при его выборе (выборность).

4. Правительство должно представлять весь народ (пропорциональное представительство).

5. Одно из главных предназначений правительства – справедливое решение разногласий и конфликтов между людьми (правосудие)» [9, с. 32].

Одновременно с этим выделяют осуждаемые в Ветхом Завете проявления челове-

ческой сущности: «идолопоклонство: священнические ритуалы (ритуализация); злоупотребление политической властью (коррупция): правительство; аморальность (грех): человек и семья; экономическая несправедливость (социальное государство): рыночные отношения» [9, с. 117].

Значимость подобных духовных начал правосознания – уважения достоинства личности, духовного уважения и доверия народа к правительству и правительства к народу, признания духовной основы права – выделил в своей работе выдающийся русский философ XX в. И. А. Ильин [7, с. 172, 179].

С наступлением нашей эры христианство преобразило Римскую империю и стало основой для развития стран Европы. Так, в Средневековой Европе глобализующим фактором наряду с Римской католической церковью выступали нормы канонического права, регулировавшего наиболее важные сферы жизни общества, прежде всего права личности, бывшие едиными для всех стран Европы, как и каноническое правосудие, право на которое гарантировалось каждому человеку. «Это создавало для будущего прообраз единого (европейского) правового пространства, основанного на одинаковом понимании идей правосудия, справедливости, правопорядка» [10].

Тысячелетия назад человечество сформировало мощные наднациональные религиозные глобальные объединения, имеющие колоссальный опыт общественного и правового регулирования, связавшие общество едиными принципами духовности и права, богословскими языками (греческим, латынью, арабским), незаслуженно отодвинутые от управления обществом государствами современного (Вестфальского) типа.

В основе исходящих из религиозной духовности принципов правосознания находятся принципы личной свободы, мира и справедливости. Эти стремления являются универсальными и носят врожденный характер вне зависимости от национальности, культуры или воспитания, что подтверждается трудами современного генетика и общественно-го деятеля В. П. Эфроимсона [11]. Эти принципы составляют в каждом человеке «ген Бога», отражение его духа или души. Именно эти принципы как основополагающие осно-

вы универсального права называет в своей работе «Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики» философ и экономист, нобелевский лауреат Фридрих Август фон Хайек [12, с. 199, 451].

4. Сущность права в естественно-правовой теории

Ф. Хайек, убеждённый сторонник естественно-правовой теории и критик позитивизма, предлагает подразделять действующие юридические нормы на данные (природой или Богом) принципы справедливого поведения «*nomos*» и утверждённые парламентом (правительством) законы – правила организации деятельности общественных институтов «*thesis*». Связывая «*nomos*» с понятием справедливости, он писал: «Мы не утверждаем, что все соблюдаемые в обществе правила справедливого поведения являются правом, или что всё, обычно именуемое правом, состоит из правил справедливого поведения. Скорее, мы утверждаем, что право, состоящее из правил справедливого поведения, имеет совершенно особый статус, который не только делает желательным иметь для него особое название (а именно *nomos*), но также демонстрирует чрезвычайную важность самым ясным образом отделить его от других распоряжений (*thesis*), также именуемых правом» [12, с. 109, 145]. Именно данные древние и универсальные принципы организации общества, обличённые в вид религиозной и народной правовой традиции (*nomos*), он предлагает именовать «правом», отделив их от принимаемых парламентами законодательных актов (*thesis*).

Истинное право (традиционное и религиозное) на протяжении тысячелетий обладало характеристикой неизменности, стабильности. Будучи значительно старше института государственности, оно определяло уклад и основы общественной жизни. «Право старше закона. Право в смысле навязываемых правил поведения, несомненно, является ровесником общества; мирное сосуществование людей в обществе возможно только благодаря соблюдению общих правил. Отдельный человек рассматривался членом группы только пока подчинялся её правилам, задолго до того, как язык развился до такой степени, что уже позволял формулировать общие коман-

ды. Историки права единодушны в том, что в этом смысле все знаменитые древние “законодатели” (*law-givers*) от Ур-Намму и Хаммурапи до Солона, Ликурга и авторов римских “Двенадцати таблиц” не предполагали создавать новый закон, а просто фиксировали закон таким, каким он был всегда», – отмечает Ф. Хайек [12, с. 91, 100, 107, 202].

И. Ильин описывал этот естественный процесс с духовных позиций так: «Движимый предметною волею к Духу, человек незаметно для себя вовлекается в естественно-правовой порядок общечеловеческого братства. Каждый из всего сонма индивидуальных духов воспринимается им как живое жилище Духа, как самостоятельный и самобытный очаг духовной жизни. Связанный с каждым из этих духовных очагов нитями естественно-правовой и положительно-правовой сопринадлежности, он признает эту правовую связь, уважает её и поддерживает как необходимое условие своей и чужой духовной жизни. Таким образом, основа нормального правосознания делает человека членом единой всемирной правовой общины – “гражданином вселенной”. Тот, кто умеет любить дух, тот знает его сверхнациональную, общечеловеческую сущность; поэтому он не умеет ненавидеть и презирать другие народы, ибо видит их духовную силу и их духовные достижения» [7, с. 69–70].

Право в его естественном, исконном смысле является первым, основным и универсальным инструментом социального регулирования, отражающим стремление человека к естественному, установленному свыше миропорядку. Можно смело утверждать, что сама наша цивилизация создана им и им же ведома от хаоса к Божественному идеалу.

Уникальной характеристикой права является его естественность. Так, в связи с природной (генетической или данной Богом) предрасположенностью большинства людей к его основополагающим принципам (справедливости, миру и свободе) следование нормам права является естественным стремлением большинства индивидов. В то же время неприятие этих естественных норм – удел немногих, подверженных биологическому и духовному вырождению (греховности), справедливо называемых специалистами в области криминологии «деградантами» [13, с. 319].

В этой естественной приверженности большинства праву и есть извечный залог победы Веры и Правды над ложью и грехом, народов над вырождающейся алчной и греховной элитой, залог торжества народовластия (естественной демократии).

Можно обоснованно выделить следующие характеристики естественного права: естественное (Божественное) происхождение, универсальность (основанность на единых принципах), интернациональность (одинаковое понимание у всех народов) и стабильность (неизменность во времени). Данное человечеству свыше (Богом или природой) оно оставалось фундаментальным и стабильным на протяжении тысячелетий, обеспечивая на глобальном уровне мир, свободу и справедливость, а в конечном итоге и выживание самого человеческого общества.

5. Правопонимание в эпоху национальных государств

Такой порядок вещей существовал вплоть до середины XVII в., когда европейские монархи, вооружившись идеями Ж. Бодена о суверенитете правителей [14], посягнули на духовные и традиционные устои европейского общества.

Собственно, «Вестфальский» процесс суверенизации и был направлен на избавление от транснациональной «(Trans-National Religions)» и наднациональной, глобализующей роли Римской католической церкви⁵. «Вестфальское государство» решило не ограничиваться статусом «порождения Божественного замысла», оно, объявив себя суверенным, присвоило себе и правотворчество. Суверенитет монархов послужил основой для чудовищного произвола властей, подорвавшего естественные базовые принципы справедливости, свободы и международного мира. Результат не заставил себя ждать. Уже в следующие три столетия девяносто процентов европейских монархий пали под натиском народного недовольства и революций. Народными лозунгами, сменившими абсолютизм, стали постулаты естественного права: «Свобода, Равенство (справедливость), Братство (мир)» (девиз французской революции).

К сожалению, в ходе становления европейских республик шанс на восстановление естественных духовно-правовых начал был утрачен в связи с наследованием республи-

ками от абсолютистов идеей суверенитета, который стал именоваться «народным». Идеи суверенитета К. Шмитта [15] наряду с позитивистским взглядом на право и идеологией атеизма заложили фундамент чудовищных тоталитарных режимов в Европе, ответственных за самую кровавую страницу в истории человечества. Ф. Хайек так описывает этот процесс: «На Западе мало кто претендовал на неограниченную власть со времен античности вплоть до XVI в., когда появился абсолютизм. Неограниченной власти, безусловно, не было у средневековых князей, они её и не требовали. Требования неограниченной власти появились позже и исходили от абсолютных монархов на европейском континенте, но они не признавались вполне законными до появления современных демократий, которые выступили с теми же абсолютистскими требованиями и в этом смысле унаследовали абсолютистскую традицию» [12, с. 358–359]. Идеи абсолютизма и суверенитета выражали стремление аристократической, а затем финансовой и политической элиты к порабощению народов. Такие эксплуататорские стремления в своей основе не могут быть ни обоснованными, ни реальными, так как противоречат базовым духовным принципам. Любому верующему человеку очевидно, что единственным сувереном можно назвать только Создателя, у остальных же и «волосы на голове все сочтены» (Библия, Мф. 10:30). История знает много печальных примеров краха как личного (от царей египетских и императоров Рима до монархов Европы), так и народного (от обществ Содомы и Гоморры до нацистской Германии) суверенитета.

6. Влияние духовности на современные типы правопонимания

Переосмысление наступило после победы над нацизмом при анализе итогов Второй мировой войны, когда народы вынуждены были признать пагубность узаконенного государственного произвола, приведшего их к планетарной трагедии. Снова возник вопрос о правовой природе законодательства.

Стало очевидным, что «отрыв права от его религиозных корней, от его нравственных основ, от его философского содержания превратил его в обслуживающий механизм решения политических задач и финансовых

операций, человеческих амбиций и жадности» [10]. Именно после этого была осознана необходимость формирования на глобальном уровне признанных международных стандартов прав и свобод человека и принципов мирного сосуществования народов, создания институтов наднационального контроля и воздействия на их нарушителей, выработки критериев соответствия законодательства нормам права.

Однако данный процесс развивался крайне медленно из-за противостояния военно-политических блоков государств во второй половине XX в. Ф. Хайек описывает этот процесс так: «Мы пытались создать большое количество специализированных властей, призванных регулировать отдельные сферы жизни, тогда как следовало бы создать настоящее международное право, которое ограничило бы возможности национальных правительств наносить друг другу ущерб» [12, с. 470].

Отринув религиозные начала в XX в., современные государства утратили основы не только духовности, но и подлинного права и в итоге не смогли противостоять естественным процессам глобализации и поплатились тем, что в этих процессах не отразились базовые духовные ценности, хранимые традиционными религиями. С утратой религиозных и духовных принципов управления обществом в начале XX в., по сути, народами было утрачено и собственно исконное право.

Об этой трагедии утраты нашей цивилизацией духовных основ правосознания говорит в работе «О сущности правосознания» И. Ильин: «Вне её (духовности)... право и государство становятся орудием зла» [7, с. 3]. Он также справедливо отмечает: «Если задача организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания, то современный кризис обнажает прежде всего глубокий недуг современного правосознания» [7, с. 4].

Будучи сторонником естественного права, И. Ильин говорил о неразрывной диалектической связи между религиозной духовностью, следующим из неё правосознанием («воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру... живой корень его надо искать в религиозном чувстве и совести») и правом («необходимый для человека образ его ду-

ховной жизни на земле», «атрибут духа, его способ жизни, его необходимое проявление») [7, с. 62]. «Воля к духу, т. е. желание самому вести духовную жизнь и обеспечивать её другим, есть безусловная и универсальная основа правосознания», – утверждал он [7, с. 68].

В XXI в. ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий и процесс глобализации общества на основе глобального диалога в сети Интернет (социомедийная глобализация) открывают путь для формирования полноценного «права народов», «основных норм», глобальной конституции человеческого мира на всём периметре его обитания.

Надо понимать, что в сохраняющихся условиях правовой неопределённости «основных норм», прав человека и принципов глобального взаимодействия существует альтернатива навязывания мировому сообществу своих воли и законов транснациональными финансово-промышленными группами влияния («глобальной олигархической властью» [16]), «глубинным государством» мафиозных кланов и коррумпированных спецслужб, чьи возможности с каждым днём возрастают за счёт захвата несостоятельных государств и технологического прогресса (цифровой концлагерь). Целью такого «нового мирового порядка» является создание единого глобального сверхгосударства, полностью руководимого из единого центра, чуждого к нуждам отдельных народов и создающего предпосылки для глобальной узурпации и планетарной диктатуры. Этот вариант будущего отрицает не только естественное право, но и национальное государство. Под видом «нового миропрядка» на народы надвигается новый «Рим» – господство вырождающегося (деградирующего) меньшинства (безбожной элиты), основанное на технологическом порабощении.

Цивилизационной альтернативой этому может служить только широкое международное (глобальное) движение активистов в пользу формирования и принятия глобальной конституции, «основных норм», «права народов», основанных на традиционных духовных и религиозных ценностях и признанных стандартах прав и свобод человека, дополненных правом на свободный обмен информацией и свободный доступ к средствам

такого обмена как естественным правом человека (правом на свободу коммуникации).

Происходящая глобальная революция – «процесс роста самосознания народных масс по всему миру за счёт свободного обмена информацией, координации совместных действий и усилий в сфере защиты прав и свобод человека, борьбы за сохранение и создание благоприятной экологической и социальной среды» [2], как и стремление к объединению усилий против попыток монополизации информационной и духовной сферы постмодернистским «ритуальным государством», замена скомпрометированной политики здоровым активизмом – уникальный шанс для возрождения права в его подлинном, истинном, глобальном, традиционном и духовном смысле.

Человечеству, осознавшему ошибочность фетишизации суверенитета, отказа от универсальных духовных ценностей в пользу идеологической «квазидуховности», управленческих ритуалов и политической демагогии, выражаясь словами И. Ильина, «в понимании права и государства предстоит пережить глубокое обновление. Должен быть окончательно отвергнут гибельный предрассудок о “внешней” природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя”, душевно-духовная сущность. Право только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остаётся человеческая душа, в которой оно выступает с силою объективной ценности. Правосознание обыденной жизни может не иметь религиозного корня; оно может быть даже безразличным к тому, что обычно называется “религией”. Но подлинная религиозность не может пройти мимо права и государства: она вынуждена определить своё отношение к ним и к правосознанию» [7, с. 179–181].

Традиционным транснациональным религиям (глобальным объединениям верующих активистов) предстоит пережить пробуждение и привести сохранённые духовные ценности и глобальные законы в основу послеполитического будущего, расценивая происходящие в мире перемены как Великий Божественный шанс. Не может считаться нормальным положение, когда большинство верующих граждан вынуждено бороться

с захваченной меньшинством (элитой) государственной «машиной», требуя соблюдения законодателями религиозных ценностей и традиций.

«Мы – не первое поколение верующих, которые столкнулись с глобальными изменениями в общественных системах... История свидетельствует, что все великие изменения обеспечивали самый лучший климат для влияния на умы и души людей. В момент любого существенного переворота в ходе мировой истории Церковь поднимала свой голос, провозглашая Божьи истины, которые способствовали изменениям в жизни наций», – говорит богослов Ланда Коуп [9, с. 113].

Позиция отделения права от духовности и традиций неверна, не соответствует подлинной Вере. «Механическое отделение “Божьего” от “Кесарева” всегда будет мертвой фикцией, лишённой бытия и практического значения. Право есть необходимая форма духовного бытия человека, а религиозное бытие есть бытие духовное; поэтому вне права не может быть и религии» [7, с. 182–183].

7. Результаты

«Главным гарантом прав и свобод человека есть и остаётся право, глобальный, наднациональный уровень которого (“право народов”, “основные нормы”) обязаны быть квинтэссенцией человеческой нравственности. Подчинение государства высшему нравственному закону, выраженному в нормах права, и подконтрольность независимому суду, руководимому этим законом, позволит достичь давней мечты правоведов о его нравственном характере» [17]. Только тогда законодательный труд государственных институтов будет носить подлинно правовой и духовный характер. Современной юридической наукой обоснованно ставится задача перевести мечту о нравственном обществе «в практическую плоскость создания нравственного государства» [18, с. 14].

Глобальному обществу крайне важно сформулировать и утвердить единые базовые нормы и принципы права. Следование им, а не соображениям целесообразности может гарантировать мир, свободу и справедливость. Задача усложняется тем, что у разных духовных цивилизаций, как и в разных религиях, понятия права и правосознание имеют

отличия. В древности эти цивилизации соприкасались нечасто, в основном на полях сражений. Сегодня же, в условиях глобального общества, миру необходим консенсус по вопросу об основополагающих принципах права, правах и свободах человека. Но так ли эти различия велики, если в основе всего единые ценности: мир, свобода и справедливость? «Человечество должно возобновить свою тысячелетнюю работу над органическим примирением “царства Божия” с политическим строительством... из огня этой эпохи родится новая религиозность, новое правосознание и новый человек. Я думаю, что мы уже вступили в эту эпоху. И при свете этой идеи я расцениваю и осмысливаю всё то, что совершается вокруг нас», – писал в последние дни своей жизни И. Ильин [7, с. 192].

8. Заключение

Вновь история повторяется. Мир и прежде бывал в упадке. Так, управляемый «суверенным» развращённым и бездуховным меньшинством имперский Рим проложил сквозь земли и народы глобализующие каналы информационного обмена (латинский язык, культуру и администрацию), которые Иисусу и Его Апостолам суждено было наполнить Светом подлинной Веры и Духовности (глобальной цивилизационной альтернативой). Эти Вера, Духовность и основанное на них Право стали объединяющим (глобализующим) началом для возрождённых и освобождённых народов Европы на многие столетия.

Общество, здоровое духовное большинство, объединённое социомедийной глобализацией, диалогом в глобальной сети Интернет, способно и должно породить подлинно демократическое всемирное движение активистов за разработку и принятие (глобальное

одобрение) основных норм, «права народов», глобальной конституции на основе общих традиционных религиозных и духовных ценностей: мира, справедливости и свободы, соответствие которым будет определять правовой характер любого законодательства, национального и международного, – глобальную альтернативу бездуховному «новому мировому порядку».

Хочется верить, что сегодня с развитием технологий и ускорением процессов глобализации человечеству дарован уникальный шанс, глобальная цивилизационная альтернатива возрождения Веры, Духовности и подлинного исконного Права на глобальном уровне, господство (верховенство) которых станет основой долгой новой эпохи вечного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ритуальное государство. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ритуальное_государство (дата обращения: 04.06.2021).

² Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах : доклад Генерального секретаря ООН от 23 августа 2004 г. № S/2004/616. Гл. III. Создание общего понятийного аппарата в области правосудия для ООН // Совет Безопасности ООН : официальный сайт. – URL: <https://undocs.org/ru/S/2004/616> (дата обращения: 03.04.2021).

³ Там же.

⁴ Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Организация Объединённых наций : официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.04.2021).

⁵ Сысоев Т. Стив Фуллер: «Государство 2.0» будет киборгом, но человек всё равно останется неотъемлемой частью политического процесса // Эксперт. – 2020. – № 48. – С. 54–59.

ЛИТЕРАТУРА

1. Измestьев С. В. Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 7. – С. 63–72. – URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11> (дата обращения: 04.06.2021).
2. Измestьев С. В. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 9. – С. 51–59. – URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8> (дата обращения: 04.06.2021).
3. Кант И. К вечному миру // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 6. – С. 257–311.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – 2-е изд. – СПб. : Алф-пресс, 2015. – 542 с.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории : пер. с нем. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.
6. Саидов А. Х. Международное право прав человека / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 2002. – 198 с.

7. Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – М. : Рарогъ, 1993. – 206 с.
8. Головащенко С. И. Право в Ветхом Завете // Религия и право. Информационно-аналитический журнал. – 2000. – № 4. – С. 20–23.
9. Коуп Л. Ветхозаветная модель. Заново открывая Божьи принципы обучения всех народов. – СПб. : Молодёжь с миссией, 2006. – 123 с.
10. Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2). – С. 191–195.
11. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. – 1971. – № 10. – С. 193–213.
12. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН. 2006. – 644 с.
13. Голик Ю. В. Переустройство мира и уголовное право // Европейское измерение – 2014 : сборник научных трудов / под общ. ред. С. Н. Бабурина и З. А. Станкевича. – М. : Книжный мир : Европейский институт JUSTO, 2014. – 544 с.
14. Боден Ж. Шесть книг о государстве : пер. с фр. // Антология мировой правовой мысли : сборник : в 5 т. – М. : Мысль, 1999. – Т. 2. – С. 688–695.
15. Шмитт К. Политическая теология : пер. с нем. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 335 с.
16. Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 2. – С. 12–22.
17. Измestьев С. В. Право народов и контуры будущего (Перспективные направления эволюции права и государства в условиях глобализации) // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 3. – С. 51–63. – URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9> (дата обращения: 04.06.2021).
18. Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – М. : Норма, 2020. – 536 с.

Информация об авторе

Измestьев Сергей Владимирович – государственный советник Российской Федерации, действительный муниципальный советник, член Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, председатель правления

НКО «ТСН Преображенский»

Адрес для корреспонденции: 107076, Россия, Москва, ул. Бухвостова 1-я, 1

E-mail: izmestyev@gmail.com

SPIN-код: 3322-7171, Author ID: 1108120

Информация о статье

Дата поступления – 5 июня 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Измestьев С. В. Возрождение права как глобальная альтернатива всемирной диктатуре // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 28–38. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38.

RESTORATION OF LAW AS A GLOBAL ALTERNATIVE TO WORLD DICTATORSHIP

S.V. Izmestyev

Nonprofit organization "TSN Preobrazhensky", Moscow, Russia

Introduction. *The processes of globalization of society affect the evolution of law as a social institution. In the context of globalization, the establishment of clear criteria for the implementation of the principle of the supremacy of law at the international, supranational level is of high priority. Purpose.* It is important to find a mechanism to eliminate the existing uncertainty of the notion of "compatibility with international human rights norms and standards" which gives occasion to possible abuses and violations of this fundamental principle. **Methodology.** *The paper provides an analysis of the historical genesis of the concept of "law" in its natural and legal understanding and the influence of the conception of sovereignty and positivism on it. Based on the ideas of I. Kant, H. Kelsen, J. Habermas the model of the concept of global transit of sovereignty from the population of national states to the global society with the transfer of higher legislative powers to the global (supranational) level, the formation of the highest level of the global law (law of nations, "basic rules"), and global constitution is synthesized. Results.* The author proposes to form the norms of global law based on traditional moral and religious values, recognized standards of human rights and freedoms, complemented by the right to free exchange of information and free access to the means of such exchange as a natural human right (the right of the freedom of communication). **Conclusion.** *Following the theological tradition and ideas of sociologists F. Hayek, S. Fuller, and the Russian philosopher I. Ilyin, the author sees the revival of the original*

natural (Divine) right at the global level, lost by the society during the implementation of the principles of absolutism and popular sovereignty, as a global civilizational alternative to the "new world order", the global superstate, and possible planetary dictatorship based on total digital control. The author supposes the initiators of this process are the international movements of believers-activists, united by transnational traditional religions.

Keywords: social media globalization; ritualistic state; superstate; deep state; global oligarchy; natural law; religious law; supremacy of law; law of nations; activism.

REFERENCES

1. Izmestyev S.V. The crisis of a state as a social and political institution in the era of globalization. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2020, no. 7, pp. 63-72. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.7.11> (accessed 4 June 2021). (In Russ.).
2. Izmestyev S.V. Global revolution and "ritualistic state". *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2020, no. 9, pp. 51-59. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.8> (accessed 4 June 2021). (In Russ.).
3. Kant I. Perpetual Peace, in: *A Philosophical Sketch*. Moscow, Mysl' Publ., 1963-1966. Vol. 6, pp. 257-311. (In Russ.).
4. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Saint Petersburg, Alef-press Publ., 2015. 542 p. (In Russ.).
5. Habermas Yu. *The Inclusion of the Other*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001. 417 p. (In Russ.).
6. Saidov A.Kh. *International Law of Human Rights*. Moscow, Institut gosudarstva i prava Ros. Akad. Nauk Publ., 2002. 198 p. (In Russ.).
7. Ilyin I.A. *On Essence of Legal Sense*. Moscow, Rarog Publ., 1993. 206 p. (In Russ.).
8. Golovaschenko S.I. Old Testament Law. *Religiya i pravo. Informacionno-analiticheskij zhurnal = Religion and law. Information and analytical journal*, 2000, no. 4, pp. 20-23. (In Russ.).
9. Cope L. *An Introduction to the Old Testament Template: Rediscovering God's Principles for Discipling Nations*. Saint Petersburg, Molodezh' s missiei Publ., 2006. 123 p. (In Russ.).
10. Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. The Evolution of the Law: From Sacralization to Secularization. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2014, no. 3 (2), pp. 191-195. (In Russ.).
11. Efroimson V.P. Origin of Altruism (Ethics from the Man's Evolutionary Genetics). *Novy mir = A new world*, 1971, no. 10, pp. 193-213. (In Russ.).
12. Hayek F. *Law, Legislation and Liberty*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 644 p. (In Russ.).
13. Golik Yu.V. Reorganization of the World and the Criminal Law, in: Baburin S.N., Stankevitch Z.A. (eds.) *Evropeyskoe izmerenie – 2014*, collection of research papers. Moscow, Knizhnyi mir Publ., Evropeiskii institut JUSTO Publ., 2014. 544 p. (In Russ.).
14. Bodin J. The Six Books of the Republic, in: *Sampler of the international legal thoughts*, collection, in 5 vol. Moscow, Mysl' Publ., 1999. Vol. 2, pp. 688-695. (In Russ.).
15. Scmitt C. *Political Theology*. Moscow, Kanon-press-Cz Publ., Kuchkovo pole Publ., 2000. 335 p. (In Russ.).
16. Shestakov D.A. Planetary Oligarchic Criminal Activity: The Ninth Level of Crime. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2012, no. 2, pp. 12-22. (In Russ.).
17. Izmestyev S.V. Law of Nations and Outlines of the Future (Perspective Trends in the Evolution of Law and State in the Context of Globalization). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2021, no. 3, pp. 51-63. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.3.9> (accessed 4 June 2021). (In Russ.).
18. Baburin S.N. *Moral State. Russian Aspect of the Constitutional System Values*. Moscow, Norma Publ., 2020. 536 p. (In Russ.).

About the author

Izmestyev Sergey – State Counselor of the Russian Federation, Active Municipal Counselor, Member of the Black Sea-Caspian Sea Legal Association, Chairman

Nonprofit organization "TSN Preobrazhensky"

Postal address: 1, 1st Bukhvostova ul., Moscow, 107076, Russia

E-mail: izmestyev@gmail.com

SPIN-code: 3322-7171, Author ID: 1108120

Article info

Received – June 5, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Izmestyev S.V. Restoration of Law as a Global Alternative to World Dictatorship. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 28-38. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).28-38. (In Russ.).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 39–49.

УДК 347

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).39-49

ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

Л. А. Макарова¹, Е. Л. Невзгодина²

¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

² Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. С 2019 г. в России введён институт самозанятости, проводится эксперимент по установлению специального налогового режима в виде налога на профессиональный доход, под которым понимается доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наёмных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества. При этом всё чаще используемый термин «самозанятость» в законах не расшифровывается, отсутствует критерий чёткого определения видов деятельности, которую могут осуществлять указанные лица. В настоящее время можно заметить большую заинтересованность налогового законодательства указанной дефиницией прежде всего с точки зрения легализации приносящей доход деятельности физических лиц, не поставленных на соответствующий учёт в налоговых органах и не уплачивающих налоги по данному основанию.

Цель. Цель настоящей статьи состоит в обобщении, анализе нормативно-правовых норм различного уровня, посвящённых самозанятым, для разработки механизмов правового регулирования данного института.

Методология. Достижение поставленной цели обеспечивалось на основе использования общенаучных и частнонаучных методов исследования: диалектического, формально-логического, системно-структурного, сравнительно-правового, технико-юридического, метода научного анализа. **Результаты.** Проведённый анализ действующей нормативно-правовой базы позволяет отнести самозанятость к особой форме предпринимательской деятельности. При этом облагаемые соответствующим налогом доходы требуют определения чёткого критерия отнесения к видам деятельности, которую могут осуществлять указанные лица. На основе проведённого анализа подготовлены рекомендации по совершенствованию института самозанятости. **Заключение.** Совокупность действующих правовых норм позволяет отнести к особенностям статуса самозанятых прежде всего отсутствие государственной регистрации, самостоятельность осуществления деятельности за рамками наёмного труда, уведомительный порядок. Недостаточность правовых норм, прежде всего гражданского законодательства, требует дальнейшей разработки договорной базы самозанятости как особой формы предпринимательской деятельности. Становится очевидной необходимость принятия федерального закона о самозанятых, позволяющего провести чёткое правовое регулирование данного института.

Ключевые слова: гражданин; самозанятый; предпринимательство; самостоятельная деятельность; налоговое право; гражданское право.

1. Введение

Всё большее взаимопроникновение публичного и частного права наглядно демонстрирует пример самозанятых. Отсутствие соответствующего федерального закона, посвящённого новому для российского законодательства институту, и даже единого нормативно-правового определения привело к фактически двойному правовому статусу указан-

ного института – в гражданском и налоговом смыслах. Причём в этих существенно различающихся по своей природе отраслях права категории самозанятых придаётся различная окраска. Это способно повлечь сложные гражданско-правовые споры и повышение рисков неравномерного территориального развития, усложнению налоговой системы и снижению её прозрачности [1, с. 184]. Очевидно,

что данных проблем можно избежать путём доктринальной разработки института самозанятости, и начать необходимо исходя из основ и опыта гражданского, а не налогового права.

Естественно, активное развитие института самозанятости началось в связи с желанием легализовать приносящую доход деятельность физических лиц, которые не поставлены на учёт в налоговых органах и не зарегистрированы в качестве субъектов предпринимательства. Вслед за этим был разработан и принят самостоятельный налоговый механизм для самозанятых граждан без определения их правового статуса.

На официальном сайте Федеральной налоговой службы (<https://nalog.gov.ru/>) приведены некоторые очевидные плюсы данного режима: отсутствие отчётов и деклараций, формирование чека в приложении «Мой налог» (не используется контрольно-кассовая техника), отсутствие обязанности по уплате фиксированных взносов на пенсионное страхование (в добровольном порядке), легальная работа без статуса индивидуального предпринимателя (далее – ИП) (доход подтверждается справкой из приложения), выгодные налоговые ставки, отсутствие других обязательных платежей, уведомительный порядок постановки на учёт, возможность совмещения с работой по трудовому договору (зарплата не учитывается при расчёте налога, трудовой стаж по месту работы не прерывается). Вместе с тем за рамками рассмотрения государственными органами остаются не менее важные отрицательные стороны данного института, а также отсутствие чётких критериев разграничения одинаковых, на первый взгляд, субъектов самозанятости. Как видно на практике, простого введения специального налогового режима оказывается совершенно недостаточно. Более того, он порождает активное участие самозанятых в различных правоотношениях, в том числе за пределами сферы действия налогового права.

Цель исследования состоит в выявлении на основе анализа нормативно-правовых актов, содержащих нормы, касающиеся самозанятых, актуальных проблем данного института для дальнейшей конкретизации правового регулирования.

2. Методология

Достижение поставленной цели обеспечивалось использованием общенаучных и частнонаучных методов исследования: диалектического, формально-логического, системно-структурного, сравнительно-правового, технико-юридического, метода научного анализа.

3. Понятие самозанятости

В письме Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2020 г. № 16-1/В-87 отмечено, что трактовка сущности понятия «самозанятость» содержится в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р, где самозанятость определяется как осуществление гражданами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, приносящей доход деятельности с возможностью добровольного уведомления об осуществлении указанной деятельности налоговых органов в целях освобождения от ответственности за ведение незаконной предпринимательской деятельности.

Как правильно указано Министерством труда и социальной защиты РФ, данная дефиниция позволяет считать «предпринимательство» и «самозанятость» родственными понятиями, содержанием которых является *деятельность*, приносящая прибыль (доход), но различающаяся по признаку формальной легализации.

В ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), посвящённой предпринимательской деятельности граждан, данные категории разведены по тому же основанию. Абзацем 2 ч. 1 указанной статьи определено, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия их осуществления гражданами без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Это наталкивает на мысль, что самозанятость – форма предпринимательской деятельности, осуществляемая гражданами без регистрации в качестве ИП самостоятельно, инициативно, на свой страх и риск.

Однако всё чаще используемый в обиходе термин «самозанятость» на законодатель-

ном уровне не расшифровывается. В тексте Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» определение самозанятых отсутствует, однако поскольку ст. 2 относит к «занятым» различные категории граждан (работающих по трудовому договору, имеющих иную оплачиваемую работу (службу); зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей; нотариусов, занимающихся частной практикой, адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, лиц, чья профессиональная деятельность подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию; занятых в подсобных промыслах и реализующих продукцию по договорам; выполняющих работы по договорам гражданско-правового характера, авторским договорам; членов производственных кооперативов (артелей); избранных, назначенных или утверждённых на оплачиваемую должность; проходящих государственную службу; обучающихся по очной форме обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность (за исключением обучения по направлению государственной службы занятости населения); временно отсутствующих на рабочем месте по уважительным причинам; являющихся учредителями (участниками) организаций, организационно-правовая форма которых предполагает права на получение дохода от деятельности этих организаций; являющихся членами крестьянского (фермерского) хозяйства), очевидно, что самозанятые лица сюда попадают [2].

В Современном экономическом словаре самозанятость определяется как «занятость трудом, управлением в собственном хозяйстве, в том числе в собственной фирме» [3, с. 315].

Термин «самозанятость» употребляется в широком и узком значениях. В широком к самозанятым относятся все самостоятельно занимающиеся приносящей доход деятельностью граждане, в том числе ИП, адвокаты, нотариусы, иные занимающиеся частной практикой лица (п. 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1116-О, п. 3.18 ГОСТ 12.0.004-2015, письмо ФНС от 7 февраля 2013 г. № 218/06-06, письмо Минфина России от 9 февраля 2011 г. № 03-04-08/8-23).

Однако принимаемые в последнее время законодательные акты свидетельствуют о сужении понятия «самозанятость». В узком значении оно относится к гражданам, которые осуществляют приносящую доход деятельность и при этом не зарегистрированы в качестве ИП. Зачастую такие лица оказывают услуги другим физическим лицам для личных, домашних и иных подобных нужд, например, занимаются репетиторством, осуществляют присмотр и уход за детьми, больными, стариками, оказывают помощь по уборке и ведению домашнего хозяйства.

На наших глазах происходит оформление самозанятых в особую категорию участников гражданского оборота с особым режимом налогообложения, а значит, впереди надлежит их особыми правами и обязанностями.

В Налоговом кодексе РФ понятие самозанятых граждан отсутствует, на сайте Федеральной налоговой службы (<https://nalog.gov.ru/>) к данной категории относят физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями и оказывающих без привлечения наёмных работников услуги физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд. Заинтересованность налогового законодательства указанной дефиницией свидетельствует о развитии процесса легализации приносящей доход деятельности физических лиц, ранее не подававших соответствующих сведений в налоговые органы и не уплачивающих налог от своей деятельности.

4. Виды деятельности, основания получения, прекращения статуса самозанятых

Движение законодателя на пути выделения самозанятых в особую правовую категорию приводит к необходимости определения видов деятельности, которыми могут заниматься указанные лица. Как можно заметить из анализа действующего законодательства, термин «самозанятые» употребляется наряду с терминами «индивидуальный предприниматель» и «лица, занимающиеся частной практикой». И если в отношении ИП разграничение можно провести исходя из принципа формальной легализации, по поводу лиц, занимающихся частной практикой, возникает ряд вопросов.

Само определение таких лиц и видов деятельности, которую они осуществляют,

в каком-либо отдельном законе отсутствует. Исходя из анализа ряда федеральных законов, к ним относятся нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, детективы, оценщики, патентные поверенные, арбитражные управляющие, медиаторы и другие лица, имеющие право вести частную деятельность без регистрации в качестве ИП. Возникает логичный вопрос – относятся ли *самозанятые к лицам, занимающимся частной практикой*, и в чём смысл выделения данной категории?

На наш взгляд, понятие «лицо, занимающееся частной практикой», подразумевает не просто факт осуществления таким лицом *профессиональной* деятельности, но также особую квалификацию, специальность, позволяющие выполнять работу (оказывать услугу) в соответствии с установленными законами требованиями, для которых не требуется наличие статуса ИП.

Представляется, что дальнейшая детализация и разграничение видов предпринимательской деятельности физических лиц как субъектов права приведет к следующему соотношению (в порядке конкретизации от более широкого к более узкому) понятий:

– **физическое лицо** – любое физическое лицо как субъект права,

– **ИП** – физическое лицо, зарегистрированное в установленном порядке, самостоятельно осуществляющее приносящую доход деятельность, в том числе с привлечением наёмных работников,

– **самозанятый** – физическое лицо, не зарегистрированное в качестве ИП, самостоятельно осуществляющее приносящую доход профессиональную деятельность без привлечения наёмных работников и за рамками трудового договора,

– **лицо, занимающееся частной практикой** – физическое лицо, не зарегистрированное в качестве ИП, самостоятельно осуществляющее приносящую доход профессиональную деятельность, требующую особой квалификации, на основании предусмотренных законом условий.

Очевидно, что конкретизация видов деятельности самозанятых позволит чётко определить их правовой статус с целью оптимизации гражданского оборота. Этому может

способствовать принятие особого федерального закона о самозанятых.

В настоящее время порядок ведения деятельности самозанятыми гражданами законодательно закреплён п. 70 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) (освобождение от уплаты налога на доход физических лиц (далее – НДФЛ)); пп. 3 п. 3 ст. 422 НК РФ (освобождение от уплаты страховых взносов); п. 7.3 ст. 83 НК РФ (постановка на учёт в Федеральной налоговой службе (далее – ФНС)); п. 2 ст. 84 НК РФ (документы о начале или прекращении деятельности в ФНС не выдаются); пп. 13 п. 1 ст. 102 НК РФ (факт постановки на учёт или снятия с учёта не является налоговой тайной). При этом очевидно, что такая деятельность должна носить регулярный систематический характер [4, с. 14].

Статус самозанятого физическое лицо вправе получить в добровольном порядке с момента начала осуществления деятельности путём уведомления об этом налогового органа. После подачи заявления налоговый орган не выдаёт уведомления о постановке на учёт (снятии с учёта) самозанятому лицу, вся необходимая информация будет отражаться в приложении «Мой налог».

В любой момент самозанятое лицо может принять решение о прекращении своей деятельности. Для аннулирования соответствующего статуса подаётся заявление через приложение (либо через банк, в случае если первоначально заявление подавалось таким способом), и датой прекращения будет считаться дата его направления в налоговый орган.

В случае прекращения деятельности, отсутствия профессионального дохода самозанятый может не сниматься с налогового учёта, за время бездействия платить налог и сдавать отчётность не нужно. Это позволяет в любое время продолжить осуществлять соответствующую деятельность путём возобновления учёта поступающих доходов через приложение «Мой налог». Таким образом, реализована возможность приостановления деятельности самозанятого в любое время на любой период, не влекущая никаких правовых последствий.

Если доход за календарный год превышает 2,4 млн руб. либо самозанятый занялся

деятельностью, которая не соответствует налоговому режиму налога на профессиональный доход (далее – НПД), он автоматически лишается такого статуса с соответствующим доначислением НДС по доходам, которые не попали под установленные Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» (далее – Закон № 422-ФЗ) критерии (п. 2, 8 ч. 2 ст. 4, ч. 15 ст. 5). О снятии с учёта в качестве самозанятого уведомление поступит через приложение «Мой налог». Повторная регистрация в качестве самозанятого возможна при условии отсутствия недоимки по НПД, а также пени и штрафов (ч. 11 ст. 5 Закона № 422-ФЗ).

Вместе с тем физические лица, не являющиеся ИП, которые не зарегистрированы в налоговом органе в качестве самозанятых, могут быть привлечены к ответственности за ведение предпринимательской деятельности без государственной регистрации (п. 1 ст. 23 ГК РФ, ч. 6 ст. 2 Закона № 422-ФЗ). За данное правонарушение предусмотрен административный штраф в размере от 500 до 2 000 руб. (ч. 1 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)) с одновременным взысканием неуплаченных сумм НДС, пеней и штрафов за неуплату налога и за непредставление декларации по форме 3-НДФЛ в налоговый орган (п. 1 ст. 75, п. 1 ст. 119, п. 1, 3 ст. 122 НК РФ). За незаконное предпринимательство и уклонение от уплаты налогов предусмотрена также уголовная ответственность (ст. 171, 198 Уголовного кодекса Российской Федерации).

5. Особенности налогового режима

С точки зрения налогового права физическое лицо приобретает статус самозанятого в соответствии с Законом № 422-ФЗ. На основании данного закона физические лица (в том числе ИП) получают доход от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наёмных работников по трудовому договору, а также от использования имущества. Право применять специальный налоговый режим возникает после соответствующего уведомления налогового органа согласно п. 7.3 ст. 83 НК РФ.

Эксперимент по установлению специального налогового режима для самозанятых (а, следовательно, их легализации) начался в 2019 г. в Москве, Московской, Калужской областях и Республике Татарстан. На сегодняшний день в эксперименте участвуют все субъекты РФ. Действовать данный режим будет до конца 2028 г.

Лица, изъявившие желание перейти на уплату налога на профессиональный доход, должны иметь идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) и встать на учёт в налоговом органе, быть гражданами РФ, государств – членов ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизская Республика). Применение указанного налогового режима гражданами иных государств, осуществляющими предпринимательскую деятельность на территории РФ, не предусмотрено (письмо Минфина России от 23 июля 2019 г. № 03-11-11/54601).

Частью 8 ст. 2 Закона № 422-ФЗ установлено, что физические лица, уплачивающие НПД, освобождаются от НДС в отношении доходов, являющихся объектом обложения НПД, которыми признаются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Кроме того, в ст. 6 отдельно перечислены доходы, которые не могут являться объектом налогообложения по НПД.

Доходы самозанятого лица облагаются НПД при его соответствии определённым критериям: он не должен продавать подакцизные товары и товары, подлежащие обязательной маркировке средствами идентификации, перепродавать товары или имущественные права, за исключением личного домашнего имущества, заниматься добычей или реализацией полезных ископаемых, иметь работников, быть посредником, применять иные специальные налоговые режимы или платить НДС, его доходы в текущем календарном году не должны превышать 2,4 млн руб.

Для юридических лиц плюсом работы с самозанятыми является то, что в отношении них не надо начислять страховые взносы и удерживать НДС, исполняя функции налогового агента [5, с. 60]. Такое разъяснение приведено в письме Минфина России от 29 января 2019 г. № 03-11-11/5075. Однако в случае превышения суммы дохода самоза-

нятого в 2,4 млн руб. контрагенту нужно удерживать НДФЛ и начислять страховые взносы в общем порядке (как с обычным физическим лицом). Это подтверждает ФНС России в п. 10 письма от 20 февраля 2019 г. № СД-4-3/2899@.

В силу ч. 3, 4 ст. 8 Закона № 422-ФЗ в случае возврата самозанятым сумм, полученных в счёт оплаты (предварительной оплаты), на сумму возврата уменьшаются доходы того налогового периода, в котором получен доход, и он вправе провести корректировку ранее переданных налоговому органу сведений о сумме расчётов, приводящих к завышению сумм налога, в том числе в результате некорректного ввода таких сведений, при представлении пояснений с указанием причин корректировки. В свою очередь, юридическое лицо и/или ИП – контрагент, получившее от самозанятого возврат денежных средств за ранее приобретенные товары (работы, услуги), также обязано будет осуществить корректировку налоговой базы [6].

Особенностью налогового режима самозанятых является то, что из их налогооблагаемой базы исключаются доходы в виде выплат (вознаграждений) от других физических лиц за оказание услуг по присмотру и уходу за детьми, больными лицами, лицами, достигшими возраста 80 лет, иными лицами, нуждающимися в постоянном постороннем уходе по заключению медицинской организации, по репетиторству, уборке жилых помещений, ведению домашнего хозяйства. Законом субъекта РФ могут быть установлены иные виды услуг для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, доходы от оказания которых освобождаются от налогообложения самозанятых лиц.

Сущность указанного налогового режима заключается в уплате фиксированной ставки налога, отсутствии необходимости ведения бухгалтерского учёта, уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд России и Фонд обязательного медицинского страхования, для учёта пенсионного стажа данная категория налогоплательщиков уплачивает взносы добровольно, по желанию. В Законе № 422-ФЗ не установлена также обязанность использования физическими лицами, применяющими НПД, конкретных видов банковских счетов. В Информационном письме

Банка России от 19 декабря 2019 г. № ИН-014-12/94 отмечено, что использование такими лицами своих текущих банковских счетов для получения профессионального дохода не противоречит требованиям законодательства РФ. Надо признать, что несмотря на упрощение порядка ведения расчётных операций, которые, по сути, нигде не отражаются, это может приводить к недобросовестности участников оборота [7, с. 10], а также повлечь споры в отношении денежных переводов, не связанных с налогооблагаемыми доходами.

Выгоды для самозанятых от применения экспериментального налогового режима НПД заключаются прежде всего в электронном налоговом документообороте, исключающем дополнительные трудозатраты, связанные с регистрацией, сдачей отчётности [8], а также применении упрощённых налоговых ставок (4 % при работе с физическими лицами и 6 % при работе с юридическими лицами или ИП), которые могут быть уменьшены на сумму налогового вычета в размере до 10 000 руб., нарастающим итогом (сумма вычета определяется в размере 1 % дохода, облагаемого налогом на профессиональный доход (ч. 8 ст. 2, п. 1 ст. 10, ч. 1, 2 ст. 12, ч. 2 ст. 15 Закона № 422-ФЗ)).

6. Некоторые аспекты договорных отношений

При заключении договора с самозанятыми лицами необходимо руководствоваться общими положениями ГК РФ применительно к заключению договоров с физическими лицами.

Если стороной по договору выступает юридическое лицо, такие договоры, как правило, заключаются с самозанятыми как единственными исполнителями [9, с. 43]. В целях стимулирования граждан к осуществлению указанной деятельности на период действия эксперимента «Налог на профессиональный доход» самозанятые могут принимать участие в закупках, проводимых среди субъектов малого и среднего предпринимательства в соответствии с требованиями федеральных законов от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Договор с самозанятым заключается посредством направления оферты одной из сторон и её акцепта другой (п. 2 ст. 432 ГК РФ). В соответствии с п. 3 ст. 438 ГК РФ совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для её акцепта, действий по выполнению названных в ней условий договора (предоставление услуг, выполнение работ, оплата соответствующей суммы и т. п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте. Договор признаётся заключённым в момент получения лицом, направившим оферту, её акцепта (п. 1 ст. 433 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 161 ГК РФ сделки юридических лиц между собой и с гражданами должны совершаться в простой письменной форме (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения). Согласно п. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путём составления одного документа, подписанного сторонами, а также путём обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. При этом электронным документом, передаваемым по каналам связи, признаётся информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту [10, с. 59]. Письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ (п. 3 ст. 434 ГК РФ).

Расчёты по договорам с самозанятыми имеют установленные налоговым законодательством особенности. Чек, сформированный по правилам ст. 14 Закона № 422-ФЗ, является первичным учётным документом, подтверждающим фактическое осуществление соответствующих расходов в рамках заключённого с самозанятыми лицами договора. Акт на выполнение работ (оказание услуг) может выступать дополнительным документом, в котором отражается период или

дата оказания услуги, например, при наличии предоплаты [11, с. 13].

Формирование чеков самозанятыми гражданами, не зарегистрированными в качестве ИП, на бесплатной основе реализовано посредством официального приложения «Мой налог» (<https://npd.nalog.ru/app/>). При расчётах самозанятого налогоплательщика с покупателем (клиентом) он, используя данное приложение, формирует и выдаёт чек, в котором указываются наименование товара, работы или услуги и стоимость, а при оформлении в адрес ИП и/или юридического лица в чеке обязательно должен быть указан ИНН. Чек должен быть сформирован и передан контрагенту в момент расчёта наличными денежными средствами и/или с использованием электронных средств платежа. При безналичном расчёте чек формируется и передаётся не позднее 9-го числа месяца, следующего за налоговым периодом (месяцем), в котором произведены расчёты (ч. 3 ст. 14 Закона № 422-ФЗ). Законом предусмотрено несколько вариантов передачи чека: на мобильный телефон или электронную почту, лично или путём считывания по QR-коду.

Специальная имущественная ответственность самозанятых по ГК РФ не установлена. Очевидно, что она аналогична ответственности физических лиц, т. е. если лицо в рамках своей деятельности нанесло ущерб, возмещение происходит по правилам ст. 15 ГК РФ [12, с. 6].

Особенностью правового статуса самозанятых является также то, что они могут одновременно работать по трудовому договору, иметь статус ИП, т. е. выполнять дополнительную работу, приносящую доход, по трудовым и гражданско-правовым договорам. В целях исключения конфликта множественности правового статуса субъекта – физического лица до момента окончательной выработки нормативной базы, касающейся самозанятых, необходимо учитывать ряд аспектов:

– НПД нельзя совмещать с другими специальными налоговыми режимами – упрощённой системой налогообложения (УСН), единым сельскохозяйственным налогом (ЕСХН) [13, с. 67]. При принятии решения о переходе на НПД налогоплательщик обязан в письменном виде отказаться от применения ранее выбранных режимов. Если налоговый

орган выявит факт одновременного применения нескольких налоговых режимов, разрешение на работу будет аннулировано;

– гражданско-правовой договор с самозанятым лицом не должен иметь признаков трудового договора. Также следует помнить, что в силу прямого запрета, содержащегося в Законе № 422-ФЗ, бывший работодатель (за последние 2 года) и действующий заказчик у самозанятого лица совпадать не могут. Нарушение повлечёт для юридического лица доначисления страховых взносов, НДФЛ и штрафов за нарушение трудового законодательства на основании ч. 3, 5 ст. 5.27 КоАП РФ;

– лица, зарегистрированные в качестве самозанятых, не могут быть признаны безработными [14, с. 15]. Достоверность сведений о регистрации гражданина в качестве самозанятого, заполнившего заявление о признании безработным, определяется центрами занятости населения посредством сравнения сведений с данными, содержащимися на официальном сайте ФНС России (п. 4(2) Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными, утв. постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2020 г. № 460).

Хочется обратить внимание, что с точки зрения трудового права ситуация, когда работодатель не заинтересован в заключении трудового и заключает гражданско-правовой договор, вероятно, станет ещё более популярной ввиду очевидной экономии как на самом налоге, так и на трудовом ресурсе за счёт сокращения бухгалтерского учёта операций контрагента [15, с. 27], а также исключения дополнительных рисков в сфере классических правоотношений работник – работодатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риски финансовой безопасности: правовой формат : монография / О. А. Акопян, С. Я. Боженко, О. В. Веремея и др. ; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. – М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 304 с.
2. *Титов Г. А.* Правовой статус самозанятых граждан: гражданско-правовой и налоговый аспект // Финансовое право. – 2020. – № 1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 511 с.

7. Заключение

Совершенно очевидно, что самозанятость существовала и ранее, при этом сейчас данное явление остро нуждается в особом правовом регулировании, нормативном определении и закреплении правового статуса с учётом норм и опыта гражданского, трудового и налогового права.

Совокупность принятых правовых норм позволяет выявить несколько ключевых особенностей правового статуса самозанятых:

- отсутствие государственной регистрации,
- самостоятельное осуществление деятельности без работодателя и привлечения наёмных работников по трудовому договору,
- профессиональная деятельность, приносящая доход только в рамках предусмотренных законом условий,
- уведомительный порядок начала осуществления деятельности.

Таким образом, самозанятые граждане – это физические лица, не являющиеся ИП, осуществляющие профессиональную деятельность, при которой они не имеют работодателя и не привлекают наёмных работников по трудовому договору, применяющие особый налоговый режим с момента уведомления об осуществлении указанной деятельности в установленном порядке налогового органа.

Самозанятость как особая форма инициативной предпринимательской деятельности требует разработки договорной базы, влекущей прежде всего уточнение норм гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей. В этой связи становится очевидной необходимость принятия специального федерального закона о самозанятых, позволяющего провести чёткое правовое регулирование данного института.

4. *Анищенко А. В.* Предприниматель или нет: как скажете, так и будет! // НДС: проблемы и решения. – 2019. – № 6. – С. 13–18.
5. *Ермошина Е.* Особенности расчётов с физлицами – плательщиками НПД (самозанятыми) // Казённые учреждения: бухгалтерский учёт и налогообложение. – 2020. – № 6. – С. 59–67.
6. *Гришина О.* Порядок работы автономных учреждений с плательщиками НПД (самозанятыми лицами) // Автономные учреждения: бухгалтерский учёт и налогообложение. – 2020. – № 7. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Митрахович А.* Самозанятость и способы минимизации налогообложения // Трудовое право. – 2020. – № 11. – С. 5–12.
8. *Шестакова Е. В.* Сложные вопросы изменений трудового законодательства в 2021 году. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Артемова И. В.* Договор ГПХ с физическим лицом в 2021 году // Советник бухгалтера бюджетной сферы. – 2020. – № 24. – С. 36–51.
10. *Ермошина Е. Л.* Как унитарному предприятию работать с самозанятыми гражданами? // Бухгалтер Крыма: учёт в унитарных предприятиях. – 2020. – № 3. – С. 57–66.
11. *Крылова Е. Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. – 2017. – № 6. – С. 11–15.
12. *Шестакова Е.* Заштатная ситуация. Самозанятые как новая реальность для бизнеса // Финансовая газета. – 2020. – № 32. – С. 5–7.
13. *Байдина О.* Самозанятые по 4 %: теоретические и практические аспекты // Трудовое право. – 2019. – № 2. – С. 65–72.
14. *Морозова Г. В., Дерина О. В., Филочкина Ю. Ю.* Направления развития налогового потенциала региона в условиях новых вызовов // Налоги. – 2020. – № 5. – С. 13–16.
15. *Алексеевская А.* Социальные аспекты самозанятости. Кто может решиться использовать такую форму и легализоваться? // Трудовое право. – 2019. – № 7. – С. 23–32.

Информация об авторах

Макарова Лидия Анатольевна – внутренний аудитор

Российский университет дружбы народов

Адрес для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9

E-mail: Makarovalidia1987@gmail.com

SPIN-код: 8783-2047, Author ID: 1060773

Невзгодина Елена Львовна – заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kaf_GP_302@mail.ru

SPIN-код: 3790-3180, Author ID: 549703

Информация о статье

Дата поступления – 2 октября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 39–49. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).39-49.

LEGAL STATUS OF SELF-EMPLOYED CITIZENS

L.A. Makarova¹, E.L. Nevzgodina²

¹ Federal State Autonomous Educational Institution "Peoples' Friendship University of Russia", Moscow, Russia

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. Since 2019, the institute of self-employment has been introduced in Russia, an experiment is being conducted to establish a special tax regime in the form of a tax on professional income, which means the income of individuals from activities in which they do not have an employer and do not attract employees under labor contracts, as well as income from the use of property. At the same time, the increasingly used term "self-employment" is not deciphered in the laws, there is no criterion for a clear definition of the activities that these persons can carry out. Currently, one can notice a great interest in tax legislation by this definition, primarily in terms of legalizing the income-generating activities of individuals who are not registered with the tax authorities and do not pay taxes on this basis. **Purpose.** The purpose of this article is to summarize, analysis the regulatory norms of various levels devoted to the self-employed in order to develop mechanisms for the legal regulation of this institution. **Methodology.** The achievement of the goal was ensured on the basis of the use of general scientific and private scientific methods of research: dialectical, formal-logical, systemic-structural, comparative-legal, technical-legal, method of scientific analysis. **Results.** An analysis of the current regulatory framework makes it possible to attribute self-employment to a special form of entrepreneurial activity. At the same time, taxable income requires the definition of a clear criterion for attribution to the types of activities that these persons can carry out. Based on the analysis, recommendations were made to improve the institution of self-employment. **Conclusion.** The totality of existing legal norms allows us to attribute to the peculiarities of the status of self-employed, first of all, the lack of state registration, the independence of activities outside the framework of hired labor, and the notification procedure. The inadequacy of legal norms, especially civil legislation, requires the further development of a contractual basis for self-employment as a special form of entrepreneurial activity. The need to adopt a federal law on self-employed, allowing for a clear legal regulation of this institution, is becoming apparent.

Keywords: citizen; self-employed; entrepreneurship; independent activity; tax law; civil law.

REFERENCES

1. Kucherov I.I., Povetkina N.A. (ed.). *Risks of financial security: legal format*, monograph. Moscow, IZiSP Publ., Norma Publ., INFRA-M Publ., 2018. 304 p. (In Russ.).
2. Titov G.A. Legal status of self-employed citizens: civil law and tax aspect. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2020, no. 1. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
3. Raisberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva E.B. *Modern economic dictionary*. Moscow, INFRA-M Publ., 2011. 511 p. (In Russ.).
4. Anishchenko A.V. Entrepreneur or not: as you say, it will be! *NDS: problemy i resheniya = VAT: problems and solutions*, 2019, no. 6, pp. 13-18. (In Russ.).
5. Ermoshina E. Features of settlements with individuals – PIT payers (self-employed). *Kazennyye uchrezhdeniya: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie = State institutions: accounting and taxation*, 2020, no. 6, pp. 59-67. (In Russ.).
6. Grishina O. The procedure for working of autonomous institutions with PIT payers (self-employed persons). *Avtonomnye uchrezhdeniya: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie = Autonomous institutions: accounting and taxation*, 2020, no. 7. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
7. Mitrahovich A. Self-employment and ways to minimize taxation. *Trudovoe pravo = Labor law*, 2020, no. 11, pp. 5-12. (In Russ.).
8. Shestakova E.V. *Difficult issues of changes in labor legislation in 2021*. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
9. Artemova I.V. Contract GPH with an individual in 2021. *Sovetnik bukhgaltera byudzhethnoi sfery = Adviser to the accountant of the public sector*, 2020, no. 24, pp. 36-51. (In Russ.).
10. Yermoshina E.L. How can a unitary enterprise work with self-employed citizens? *Bukhgalter Kryma: uchet v unitarnykh predpriyatiyakh = Accountant of Crimea: accounting in unitary enterprises*, 2020, no. 3, pp. 57-66. (In Russ.).
11. Krylova E.G. Features of economic regulation of the entrepreneurial activities of self-employed in Russia and abroad. *Yurist = Lawyer*, 2017, no. 6, pp. 11-15. (In Russ.).
12. Shestakova E. Zastatnaya situation. Self-employed as a new reality for business. *Finansovaya gazeta = Financial newspaper*, 2020, no. 32, pp. 5-7. (In Russ.).
13. Bidina O. Self-employed 4% each: theoretical and practical aspects. *Trudovoe pravo = Labor law*, 2019, no. 2, pp. 65-72. (In Russ.).

14. Morozova G.V., Deryna O.V., Filichkina Yu.Yu. Directions of development of tax potential of the region in conditions of new challenges. *Nalogi = Taxes*, 2020, no. 5, pp. 13-16. (In Russ.).
 15. Alekseevskaya A. Social aspects of self-employment. Who can decide to use this form and legalize? *Trudovoe pravo = Labor law*, 2019, no. 7, pp. 23-32. (In Russ.).
-

About the authors

Makarova Lidia – Internal Auditor

Peoples' Friendship University of Russia

Postal address: 9, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

E-mail: Makarovalidia1987@gmail.com

SPIN-code: 8783-2047, Author ID: 1060773

Nevzgodina Elena – Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science, Honored Professor of Dostoevsky Omsk State University, Ph.D. in Law, Head of the Department of Civil Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: kaf_GP_302@mail.ru

SPIN-code: 3790-3180, Author ID: 549703

Article info

Received – October 2, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Makarova L.A., Nevzgodina E.L. Legal Status of Self-Employed Citizens. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 39-49. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).39-49. (In Russ.).

УДК 343.1, 347.9

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).50-58

ТРАНСФОРМАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ, СПРОВОЦИРОВАННЫЕ ПАНДЕМИЕЙ

Н. А. Развейкина, Е. Г. Шиханова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва,
г. Самара, Россия

Введение. Распространение коронавирусной инфекции повлекло за собой ограничения, которые затронули все сферы общественных отношений во всём мире, включая судебные разбирательства. В работах российских и зарубежных исследователей подчёркивается актуальность проблем правосудия во время пандемии и необходимость их решения. Однако судебная система России сталкивается с реальными трудностями в организационном обеспечении судов и снижением эффективности правосудия. Обнаруженные проблемы носят системный характер. **Цель.** Целью данного исследования является анализ проблем правосудия в России в период пандемии, в частности, трудностей в реализации права граждан на защиту, отсутствия доступа к правосудию, нарушения процессуальных сроков, технической неготовности судов к внедрению и использованию информационных технологий для отправления правосудия. **Методология.** Используется комплекс методов: предметный поиск и теоретический анализ источников по проблеме исследования; контент-анализ судебной практики и отзывов высших судебных органов; изучение опыта цифровизации судебных систем зарубежных стран и его интерпретации; совместное наблюдение и практический опыт авторов. **Результаты.** Авторы признают неоспоримость положительных тенденций внедрения информационных технологий в систему отправления правосудия. Дистанционные формы судопроизводства с использованием информационных технологий, систем видеоконференцсвязи в описанных условиях были единственно возможными решениями актуальных вопросов. Использование информационных технологий в будущем будет эффективным не только в определённых категориях дел, но и повысит доступность правосудия для граждан и организаций, а также значительно сократит время рассмотрения дел. Причины проблем, возникших в российских судах во время пандемии, лежат как в технической (или организационной), так и психологической плоскостях. Суды России (ситуация в разных регионах разная) оказались недостаточно технически оснащёнными и подготовленными к внедрению систем видеоконференцсвязи, отсутствует возможность идентификации человека по биометрическим данным. Остальные участники судебных процессов выражают недоверие к методам выявления, представления и изучения доказательств и материалов дистанционно, они не дают своего согласия на рассмотрение уголовных дел в онлайн-формате. **Заключение.** Авторы приходят к выводу, что, с одной стороны, пандемия и активная цифровая трансформация судов послужили катализатором развития судебной системы в России, с другой стороны, несмотря на положительную зарубежную и российскую практику в арбитражных спорах, цифровая трансформация уголовного судопроизводства остаётся проблематичной, особенно с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: цифровизация правосудия; онлайн-правосудие; информационные технологии в судопроизводстве; пандемия.

1. Введение

Сложившаяся с конца 2019 г. эпидемиологическая ситуация во всём мире неоднозначно оценивается теоретиками и практиками. При всех существующих пандемических рисках и вводимых по всему миру ограничениях правосудие не могло сохранять прежние формы. Это негативным образом сказалось на соблюдении процессуальных сроков, доступе граждан к правосудию и в целом защите прав и законных интересов граждан и орга-

низаций. Вместе с тем нельзя не признать значительное прогрессивное влияние периода пандемии, оказанное на судопроизводство. Безусловным технологическим прорывом, случившимся благодаря пандемии, можно считать активные процессы цифровизации правосудия: суды по всему миру всё больше стали рассматривать споры с применением видео-конференц-связи, принимать документы в электронном виде, была реализована возможность знакомиться с материалами дел

и доказательствами онлайн, знакомиться с аудиопотоками. По оценкам экспертов, наилучшим образом подготовленными к работе в новых условиях оказались арбитражные суды, в которых уровень информатизации превосходит показатели Австралии, Германии, Канады и соответствует уровню Сингапура и Китая¹. Принципиально значимыми тут оказались решения Верховного Суда по одобрению онлайн-правосудия и готовность арбитражных судов оперативно реализовать эту форму работы.

Очевидно, что внедрение электронных сервисов правосудия способно значительно ускорить процесс судопроизводства, сократить временные, трудовые и финансово-экономические затраты, повысить уровень открытости судебной системы, а главное, облегчить доступ граждан и организаций к судебной власти посредством сокращения расходов, связанных с физическим присутствием сторон и/или привлечением профессионального представителя. Однако применение новых цифровых технологий и период пандемии ставит перед практиками, законодателем и наукой новые проблемы, возникающие в ходе отправления правосудия.

2. Методология

В ходе исследования применялся комплекс методов, адекватных предмету исследования: предметный поиск и теоретический анализ российских и зарубежных источников по проблеме исследования; контент-анализ нормативных правовых актов, судебной практики и обзоров высших судебных органов; изучение опыта цифровизации судебных систем зарубежных стран и его интерпретации; совместное наблюдение и практический опыт авторов.

3. Обзор исследований трансформации судопроизводства в разных странах

Актуальность исследования изменений в судебной системе в период ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции, подтверждается повышенным вниманием мирового сообщества. Неоднозначно воспринимается переход к дистанционным формам взаимодействия в ходе отправления правосудия в США и Канаде. Исследователи отмечают, что полный отказ от очных судебных разбирательств нанесёт ущерб целостности системы правосудия [1].

Существенные и в то же время спорные изменения законодательства и отправления правосудия в период пандемии произошли в Индии [2; 3; 4]. В Австралии и Великобритании слушания оперативно переместились в виртуальное пространство [5], однако на первоначальных этапах осложнилась работа судов по семейным делам [6], а также отмечался рост судебных решений в пользу освобождений под залог с целью снижения риска заражения новой коронавирусной инфекцией [7]. Радикально ограничивается работа судов в Бразилии в части обеспечения их деятельности [8]. В зарубежных публикациях представлены теоретические исследования трансформации принципов отправления правосудия в период пандемии, речь идёт о риске пренебрежения принципом равенства [9] и изменении приоритетов в связи с внедрением информационных технологий в судебный процесс [10].

Одновременно с другими странами в России учёные также активно ведут исследования по различным направлениям организации работы судебной системы в период ограничений, вводимых с целью минимизации распространения коронавирусной инфекции: анализируются изменения взаимодействия органов власти [11], трансформации в деятельности высших судебных инстанций [12; 13], растёт уровень цифровизации уголовного [14–19], гражданского [20; 21] и арбитражного судопроизводства [22; 23]. Повышенное внимание именно к уголовному судопроизводству, по нашему мнению, оправдано наибольшими правовыми рисками с точки зрения прав человека. Процессуальные злоупотребления и их негативные последствия, с которыми рискует столкнуться общество в пандемию, наиболее существенным образом скажутся на значимых общественных отношениях, находящихся под особой защитой государства.

Однако отметим, что проблемы невозможности реализации права на защиту и отсутствие доступа граждан к правосудию, нарушение процессуальных сроков, техническая неготовность судов к внедрению и использованию информационных и цифровых технологий для осуществления правосудия носят системный характер, что, по мнению авторов, требует проведения комплексного

исследования без разграничения отраслевой принадлежности.

4. Изменения отправления правосудия в РФ в период пандемии

Трансформация судопроизводства в период пандемии началась с издания Постановлений Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808² и от 8 апреля 2020 года № 821³ (в настоящий момент утратили силу), в соответствии с которыми был приостановлен личный приём граждан и введены ограничения по рассмотрению отдельных категорий дел. Допускались к рассмотрению: дела безотлагательного характера; дела, рассматриваемые в порядке упрощённого производства; дела, рассматриваемые в порядке приказного производства; дела, по которым стороны направили ходатайство о рассмотрении дела в их отсутствие. Отметим, что категория «дела безотлагательного характера» отсутствует в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации⁴, Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации⁵, Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации⁶ и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁷, что в совокупности с открытым перечнем таких дел предоставляло возможность судам самостоятельно определять необходимость рассмотрения конкретного дела. По мнению авторов, факт отсутствия единообразия понимания данного феномена дискредитировал работу судебной системы в целом. В последующем это отразилось в противоречивой судебной практике в отдельных регионах России.

8 сентября 2020 г. на Форуме председателей Верховных судов стран БРИКС Председатель Верховного Суда России отметил⁸, что в условиях пандемии важное значение для доступа граждан к правосудию имеют правовые позиции, изложенные в обзорах по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), утверждённых Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.⁹, 30 апреля 2020 г.¹⁰ и 17 февраля 2021 г.¹¹

В обзорах обращено внимание судов на то, что сроки совершения процессуальных

действий, пропущенные в связи с мерами по противодействию распространению коронавирусной инфекции (ограничение свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях), подлежат восстановлению в соответствии с процессуальным законодательством, в том числе если у гражданина отсутствовала возможность своевременно обратиться в суд с иском, имеются основания для восстановления срока исковой давности. Здесь Верховный Суд РФ следовал мировой практике продления сроков до окончания кризисного периода¹². С одной стороны, эти разъяснения благоприятны для граждан, поскольку исключают возможность отказа в судебной защите по формальным основаниям. С другой стороны, после смягчения ограничительных мер и возвращения судов к работе в обычном режиме по всем делам, находящимся в производстве судьи более четырёх месяцев (включая и длительный период «самоизоляции»), необходимо было представить пояснительные справки в суд субъекта с указанием причин «затягивания» сроков. А, как известно, по процессуальным срокам оценивают эффективность работы конкретного судьи и суда соответствующего уровня в целом.

5. Проблемы российской системы судопроизводства в период пандемии

В настоящей работе авторами представлен анализ проблем, с которыми столкнулась судебная система России в период пандемии.

Так, наиболее остро обсуждаемой является проблема реализации права на судебную защиту, которая оказалась невозможна или затруднительна в связи с введёнными ограничительными мерами, и, соответственно, был затруднен или отсутствовал доступ граждан к правосудию. Несмотря на то, что в России давно ведется речь о необходимости обеспечения доступности правосудия путём внедрения электронных платформ и информационных технологий, позволяющих участникам процесса взаимодействовать дистанционно, не все виды российского судопроизводства осуществлялись в онлайн-формате в период осложнённой эпидемиологической ситуации¹³. 29 апреля 2020 г. президиумы Верховного Суда и Совета судей рекомендовали судам при наличии технической возможности и с учётом мнений участников су-

допроизводства проводить заседания с использованием системы видео-конференц-связи. Чтобы слушание процесса состоялось онлайн, согласие на это должны дать все участники спора: в суд должно поступить электронное заявление с документами, удостоверяющими личность и подтверждающими полномочия. И если в отношении гражданского, арбитражного и некоторых категорий дел административного судопроизводства это существенным образом облегчило судебную процедуру, то участники уголовного судопроизводства не давали согласия на онлайн-процессы или на рассмотрение дела в их отсутствие (там, где это допускается законом). Они указывали, что отсутствие реальной возможности представлять свою позицию и исследовать доказательства непосредственно перед судом противоречит всем процессуальным гарантиям лиц, оказавшихся вовлечёнными в уголовное судопроизводство – сферу, где порой решается судьба человека. А значит, были неоднократные отложения судебных заседаний, увеличение процессуальных сроков, скопление огромного количества «застывших без движения» дел, недовольство граждан (организаций) и нарушение их прав, в том числе на защиту и доступ к правосудию.

Несмотря на широкие возможности применения информационных технологий в судопроизводстве, учитывая масштабы и разнообразие территориальных образований Российской Федерации, многие суды оказались не готовы к проведению онлайн-заседаний ввиду отсутствия технических возможностей (в Самаре до сих пор существуют суды, в здании которых отсутствует выделенный канал для доступа в Интернет, судьи и аппарат суда пользуются личной мобильной связью в этих целях). Кроме того, нельзя повсеместно исключить технические сбои электронных сервисов, нестабильный уровень интернет-соединения, что критично для проведения судебных заседаний в режиме онлайн, неисправность аудио- или видеоустройств, низкое качество передаваемого изображения или звука, что существенно влияет на возможность восприятия сторонами и оценки судом доказательств.

Тем более сложно представить рассмотрение уголовного дела онлайн судом при-

сязных. Хотя 18 мая 2020 г. в штате Техас (США) прошёл первый судебный процесс с участием коллегии присяжных при использовании видео-конференц-связи. Рассматривалось гражданское дело (относится к подсудности суда присяжных в англо-американской судебной системе). Отбор присяжных транслировался в прямом эфире на YouTube¹⁴. Судья спрашивала кандидатов, к какому типу устройств они подключаются, и объясняла, как правильно настроить аудио- и видеосвязь. Есть основания полагать, что российский судебный корпус не обладает достаточными компетенциями в области информационных технологий, чтобы консультировать участников по техническим вопросам. Однако юридическое сообщество США солидарно с российским в опасениях, что дистанционное обсуждение доказательств и фактов по уголовному делу исключает такое взаимодействие сторон с присяжными, которое является ключевым во всей этой форме судопроизводства. Адвокаты скептически относятся к уголовному судопроизводству онлайн, поскольку в такой ситуации лишены, в частности, возможности общаться со своими доверителями наедине.

К тому же судьи выражают обеспокоенность отсутствием возможности идентификации лица, привлекаемого к участию в процессе дистанционно. Нет гарантий подлинности представленной в электронном виде информации, отсутствует возможность обозреть оригинал предъявленных документов. В России на сегодняшний день нигде не внедрён сервис идентификации участников судопроизводства по биометрическим данным, который мог бы снять проблему идентификации лица. В то же время арбитражные суды России используют Единый портал государственных услуг (gosuslugi.ru) для установления личности участников, функционирующий на Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). Это даёт основание предположить, что опасения судей являются относительно надуманными, так как судебная практика (прежде всего арбитражного судопроизводства) пока не продемонстрировала проблем, связанных со злоупотреблениями, свидетельствующими о критической уязвимости идентификации лиц в применяемой системе «Мой арбитр» с точки

зрения обеспечения процессуальных гарантий сторон либо защиты информации. Однако, отметим, что техническое обеспечение работы указанной системы остаётся не в идеальной форме: возникают проблемы с загрузкой документов в систему, синхронизацией данных с Единого портала государственных услуг и системы «Мой арбитр» и иные технические сбои, что влечёт за собой негативные последствия в виде невозможности участия в процессе, нарушения сроков и т. д. Таким образом, несмотря на существенный срок действия системы «Мой арбитр» прослеживается закономерность технической неготовности судебной системы по ряду объективных причин технического характера. Очевидно, что риски злоупотреблений в уголовном процессе выше, а негативные последствия могут быть существеннее, так как решаются принципиальные вопросы виновности / невиновности, причастности / непричастности, затрагивающие фундаментальные права человека.

6. Заключение

Выводы авторов статьи основываются, в частности, на решениях высших судебных органов России, которые на протяжении всего периода введённых ограничений оперативно реагировали на изменения санитарно-эпидемиологической ситуации и стремились придерживаться единой политики отправления правосудия, единообразной судебной практики.

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день неоспорим приоритет развития и широкого применения судами современных цифровых технологий в целях качественной и своевременной защиты прав граждан в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации. В ближайшей перспективе развитие информационных технологий с высокой вероятностью позволит в ряде случаев отказаться от проведения очных слушаний по широкому перечню дел. Ожидается, что это сделает правосудие не только более оперативным, но и более доступным для граждан и бизнеса. Однако остаются сомнения в том, что все виды судопроизводства смогут безболезненно для законности и обоснованности итоговых процессуальных решений внедрять новые форматы. Нет уверенности в том, что результат судопроизвод-

ства будет эффективным с точки зрения ожидаемого обществом эффекта по деэскалации конфликта и снятию социальной напряжённости, а показатели доверия населения к судебной власти повысятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кашанин А. В., Козырева А. Б., Курносова Н. А.* Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад. – URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf> (дата обращения 15.09.2020).

² Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV) : Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808. – URL: <http://base.garant.ru/73759931/> (дата обращения: 15.09.2020).

³ О приостановлении личного приёма граждан в судах : Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 (ред. от 29 апреля 2020 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (дата обращения: 15.09.2021).

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 22 июля 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.09.2021).

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г., с изм. от 15 июля 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 15.09.2021).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 23 сентября 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.09.2021).

⁸ Информация Верховного Суда РФ от 9 сентября 2020 г. «Форум председателей Верховных судов стран БРИКС в режиме видео-конференц-связи». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распростра-

нению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г.). – URL: <https://www.vsrif.ru/files/28856/> (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁰ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г.). – URL: <https://www.vsrif.ru/documents/all/28882/> (дата обращения: 14.09.2020).

¹¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г.). – URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/29689/> (дата обращения: 30.09.2021).

¹² Такие же решения были приняты в судебных системах Бельгии, Испании, Италии, Турции. См.: Суды мира во время пандемии COVID-19. Справка. – URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20200413/305702705.html (дата обращения: 15.09.2020).

¹³ В то время как, к примеру, в Казахстане ещё до пандемии был внедрён проект «SMART суд», позволяющий участвовать в судебных заседаниях посредством мобильного приложения «TrueConf». По состоянию на 3 апреля 2020 г. в Казахстане было проведено 1 825 судебных заседаний, свыше 80 % из них – по видеосвязи (гражданам разрешено использовать смартфоны и неспециализированное программное обеспечение для участия в заседаниях). См.: В Актау прошёл первый гражданский процесс в режиме онлайн. – URL: https://www.lada.kz/aktau_news/society/71910-v-aktau-proshel-pervyy-grazhdanskiy-process-v-rezhime-onlayn.html (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁴ Texas court holds first US jury trial via videoconferencing. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=u6lnI7FZRoc> (accessed 15 September 2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Denault V., Patterson M. L.* Justice and Nonverbal Communication in a Post-pandemic World: An Evidence-Based Commentary and Cautionary Statement for Lawyers and Judges // *Journal of Nonverbal Behavior*. – 2020. – № 45. – P. 1–10. – DOI: 10.1007/s10919-020-00339-x.
2. *Nomani M. Z. M., Sherwani F.* Legal Control of Covid-19 Pandemic and National Lockdown in India // *Journal of Cardiovascular Disease Research*. – 2020. – № 11 (4). – P. 32–35.
3. *Nomani M. Z. M., Hussain Z., Dhawan R.* Judicial policy for the covid-19 pandemic in comparative legal perspective // *International Journal of Pharmaceutical Research*. – 2021. – № 13 (1). – P. 261–266. – DOI: 10.31838/ijpr/2021.13.1.50.
4. *Nomani M. Z. M., Nusrati N. A., Mohataj M.* COVID-19 pandemic and challenges of public health administration & criminal justice system. *International Journal of Pharmaceutical Research*. – 2020. – № 12 (3). – P. 728–735. – DOI: 10.31838/ijpr/2020.SP3.102.
5. *Rossner M., Tait D., McCurdy M.* Justice reimagined: challenges and opportunities with implementing virtual courts // *Current Issues in Criminal Justice*. – 2021. – Vol. 33, iss. 1. – P. 94–110. – DOI: 10.1080/10345329.2020.1859968.
6. *Freckelton I.* COVID-19 and Family Law Decision-Making // *Journal of law and medicine*. – 2020. – № 27 (4). – P. 846–855. – Mode of access: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32880403/>.
7. *Greener M.* 'COVID bail': the response of Victorian courts and prisons in navigating the impact of COVID-19 // *Current Issues in Criminal Justice*. – 2021. – Vol. 33, iss. 1. – P. 89–93. – DOI: 10.1080/10345329.2020.1859969.
8. *Ribeiro F. O., Sallaberry J. D., Dos Santos E. A., Tavares G. O. D.* Actions by the courts of accounts to minimize effects of coronavirus | [Ações dos tribunais de contas no enfrentamento dos efeitos do coronavírus] // *Revista de Administracao Publica*. – 2020. – № 54 (5). – P. 1402–1416. – DOI: 10.1590/0034-761220200244.
9. *Campbell M., Fredman S., Reeves A.* Palliation or protection: How should the right to equality inform the government's response to Covid-19? // *International Journal of Discrimination and the Law*. – 2020. – № 20 (4). – P. 183–202. – DOI: 10.1177/1358229120969611.
10. *Legg M.* The COVID-19 Pandemic, the Courts and Online Hearings: Maintaining Open Justice, Procedural Fairness and Impartiality // *Federal Law Review, UNSW Law Research*. – Forthcoming. – 2021. – Vol. 49, iss. 2. – P. 161–184. – DOI: 10.1177/00675205X21093139.
11. *Salikov M.* Federalism in Russia: Current state and emerging trends // *BRICS Law Journal*. – 2020. – № 7 (4). – P. 127–152. – DOI: 10.21684/2412-2343-2020-7-4-127-152.
12. *Герман А. С.* Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации // *Правосудие*. – 2020. – № 3. – С. 100–118. – DOI 10.37399/2686-9241.2020.3.100-118.

13. *Новопавловская Е. Е.* Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в период пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 61–65. – DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-61-65.
14. *Андреева О. И., Качалова О. В.* Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 5–15. – DOI: 10.17223/22253513/36/1.
15. *Марковичева Е. В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. – 2020. – № 3. – С. 86–99. – DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99.
16. *Софийчук Н. В., Колпакова Л. А.* К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 11. – С. 71–80. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.071-080.
17. *Спесивов Н. В., Титов А. А.* Пандемия COVID-19 как фактор «Вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. – 2020. – № 3 (134). – С. 193–200. – DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10086.
18. *Шереметьев И. И.* Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 10 (74). – С. 97–107. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.097-107.
19. *Лазарева В. А.* Уголовный процесс в условиях пандемии и потом // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 3. – С. 84–90. – DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-84-90.
20. *Цепкова Т. М., Жаренкова А. В.* Гражданский процесс в условиях пандемии: вызовы и новации // Отечественная юриспруденция. – 2020. – № 3 (42). – С. 57–60.
21. *Порохов М. Ю., Данилов Д. Б.* К вопросу о перспективах развития онлайн-правосудия по гражданским делам // Общество и право. – 2020. – № 3 (73). – С. 140–144.
22. *Новикова К. С.* Цифровые новации и элементы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции // Образование и право. – 2020. – № 4. – С. 240–244. – DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10434.
23. *Дружинина А. А., Паулов П. А.* Особенности реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе // Юридическая наука. – 2021. – № 4. – С. 187–189.

Информация об авторах

Развейкина Надежда Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой социальных систем и права

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

Адрес для корреспонденции: 443086, Россия, Самара, ул. Московское шоссе, 34

E-mail: razveykinan@mail.ru

SPIN-код: 7274-0637, Author ID: 222347

ResearcherID: B-7473-2014

Шиханова Елена Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных систем и права

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

Адрес для корреспонденции: 443086, Россия, Самара, ул. Московское шоссе, 34

E-mail: EG.Shikhanova@yandex.ru

SPIN-код: 9974-9592, Author ID: 879991

ResearcherID: AAI-5475-2021

Информация о статье

Дата поступления – 26 июля 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Развейкина Н. А., Шиханова Е. Г. Трансформации судопроизводства в России, спровоцированные пандемией // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 50–58. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).50-58.

TRANSFORMATIONS OF COURT PROCEEDINGS IN RUSSIA CAUSED BY THE PANDEMIC

N.A. Razveykina, E.G. Shikhanova

Samara National Research University, Samara, Russia

Introduction. The spread of coronavirus infection has entailed restrictions that have affected all areas of public relations, including legal proceedings, all over the world. The works of Russian and foreign researchers emphasize the relevance of the problems of justice during a pandemic and the need to solve them. However, the judicial system of Russia is faced with real problems of organizational support of courts and a decrease in the effectiveness of justice. Obviously, the problems found are of a systemic nature. **Purpose.** In this regard, the purpose of this study is to analyze the problems of justice in Russia during a pandemic, in particular, difficulties in realization of citizens' right to defense, lack of access to justice, violation of procedural deadlines, technical unpreparedness of courts to implement and use information technologies for administering justice. **Methodology.** A set of methods was used in the work: subject search and theoretical analysis of sources on the research problem; content analysis of judicial practice and reviews of the highest judicial authorities; study of the experience of digitalization of judicial systems of foreign countries and its interpretation; participatory observation and practical experience of the authors. **Results.** The result of the work is the recognition by the authors of the indisputable positive trends in the introduction of information technologies in justice in arbitration and civil cases. Remote forms of legal proceedings using information technologies, video conferencing systems in the described conditions were the only possible solutions for urgent issues. The use of information technologies in the future, according to the authors, will not only be effective in certain categories of cases, but will also increase the accessibility of citizens and organizations to justice, as well as significantly reduce the time for consideration of cases. The reasons for the problems that arose in Russian courts during a pandemic lie both in the technical or organizational and in the psychological plane. The courts of Russia (the situation varies in different regions) turned out to be insufficiently technically equipped and prepared for the implementation of video conferencing systems, there is no possibility of identifying a person using biometric data. The other participants in the trials express distrust to methods of identification, presentation and study of evidence and materials remotely, they do not give their consent to the consideration of criminal cases in the online format. **Conclusion.** Thus, the authors come to the conclusion that, on the one hand, the pandemic and active digital transformation of courts served as a catalyst for the development of the judicial system in Russia, on the other hand, despite the positive foreign and Russian practice in arbitration disputes, the digital transformation of criminal proceedings remains problematic, especially, with the participation of the jury.

Keywords: digitalization of justice; online-justice; information technology in legal proceedings; pandemic.

REFERENCES

1. Denault V., Patterson M. L. Justice and Nonverbal Communication in a Post-pandemic World: An Evidence-Based Commentary and Cautionary Statement for Lawyers and Judges. *Journal of Nonverbal Behavior*, 2020, no. 45, pp. 1-10. DOI: 10.1007/s10919-020-00339-x.
2. Nomani M.Z.M., Sherwani F. Legal Control of Covid-19 Pandemic and National Lockdown in India. *Journal of Cardiovascular Disease Research*, 2020, no. 11 (4), pp. 32-35.
3. Nomani M.Z.M., Hussain Z., Dhawan R. Judicial policy for the covid-19 pandemic in comparative legal perspective. *International Journal of Pharmaceutical Research*, 2021, no. 13 (1), pp. 261-266. DOI: 10.31838/ijpr/2021.13.1.50.
4. Nomani M.Z.M., Nusrati N.A., Mohataj M. COVID-19 pandemic and challenges of public health administration & criminal justice system. *International Journal of Pharmaceutical Research*, 2020, no. 12(3), pp. 728-735. DOI:10.31838/ijpr/2020.SP3.102.
5. Rossner M., Tait D., McCurdy M. Justice reimaged: challenges and opportunities with implementing virtual courts. *Current Issues in Criminal Justice*, 2021, vol. 33, iss. 1. pp. 94-110. DOI: 10.1080/10345329.2020.1859968.
6. Freckelton I. COVID-19 and Family Law Decision-Making. *Journal of law and medicine*, 2020, no. 27(4), pp. 846-855. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32880403/>.
7. Greener M. 'COVID bail': the response of Victorian courts and prisons in navigating the impact of COVID-19. *Current Issues in Criminal Justice*, 2021, vol. 33, iss. 1. pp. 89-93. DOI: 10.1080/10345329.2020.1859969.
8. Ribeiro F.O., Sallaberry J.D., Dos Santos E.A., Tavares G.O.D. Actions by the courts of accounts to minimize effects of coronavirus | [Ações dos tribunais de contas no enfrentamento dos efeitos do coronavirus]. *Revista de Administracao Publica*, 2020, no. 54 (5), pp. 1402-1416. DOI: 10.1590/0034-761220200244.
9. Campbell M., Fredman S., Reeves A. Palliation or protection: How should the right to equality inform the government's response to Covid-19? *International Journal of Discrimination and the Law*, 2020, no. 20 (4), pp. 183-202. DOI: 10.1177/1358229120969611.

10. Legg M. The COVID-19 Pandemic, the Courts and Online Hearings: Maintaining Open Justice, Procedural Fairness and Impartiality. *Federal Law Review, UNSW Law Research*, Forthcoming, 2021, vol. 49, iss. 2, pp. 161-184. DOI: 10.1177/00675205X21993139.
11. Salikov M. Federalism in Russia: Current state and emerging trends. *BRICS Law Journal*, 2020, no. 7(4), pp. 127-152. DOI:10.21684/2412-2343-2020-7-4-127-152.
12. German A.S. Remote Proceedings in the Supreme Court of the Russian Federation. *Pravosudie = Justice*, 2020, no. 3, pp. 100-118. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.100-118. (In Russ.).
13. Novopavlovskaya E.E. Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (87), pp. 61-65. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-61-65. (In Russ.).
14. Andreeva O.I., Kachalova O.V. Russian criminal trial in the era of coronavirus: challenges of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2020, no. 36, pp. 5-15. DOI: 10.17223/22253513/36/1. (In Russ.).
15. Markovicheva E.V. Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings Justice. *Pravosudie = Justice*, 2020, no. 3, pp. 86-99. DOI 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99. (In Russ.).
16. Sofiiichuk N.V., Kolpakova L.A. On the Issue of the Access of Citizens to Justice in the Conditions of Digitalization of Criminal Proceedings. *Lex Russica*, 2020, T. 73, no. 11, pp. 71–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.071-080. (In Russ.).
17. Spesivov N.V., Titov A.A. COVID-19 pandemic as a factor in forced digitalization of russian criminal proceedings. *Vestnik SGYUA = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2020, no. 3 (134), pp. 193-200. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10086. (In Russ.).
18. Sheremetyev I.I. The possibilities of application of modern digital technologies to criminal cases consideration on distance procedure. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10 (74), pp. 97-107. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.097-107. (In Russ.).
19. Lazareva V.A. Criminal process in a pandemic and then. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 84-90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-84-90>. (In Russ.).
20. Tsepikova T.M., Zharenkova A.V. Civil process in a pandemic: challenges and innovations. *Otechestvennaya yurisprudenciya = Domestic jurisprudence*, 2020, no. 3 (42), pp. 57-60. (In Russ.).
21. Porokhov M.Yu., Danilov D.B. On the Prospects for the Development of Online Justice in Civil Cases. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2020, no. 3 (73), pp. 140-144. (In Russ.).
22. Novikova K.S. Digital innovations and elements of electronic justice in arbitration proceedings during the spread of coronavirus infection. *Obrazovanie i pravo = Education and law*, 2020, no. 4, pp. 240-244. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10434. (In Russ.).
23. Druzhinina A.A., Paulov P.A. Features of the implementation of electronic legal proceedings in the arbitration process. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2021, no. 4, pp. 187-189. (In Russ.).

About the authors

Razveykina Nadezhda – Ph.D., Head of the Department of Social Systems and Law

Samara National Research University

Postal address: 34, Moskovskoe shosse ul., Samara, 443086, Russia

E-mail: razveykinan@mail.ru

SPIN-code: 7274-0637, Author ID: 222347

ResearcherID: B-7473-2014

Shikhanova Elena – Ph D., Associate Professor of the Department of Social Systems and Law

Samara National Research University

Postal address: 34, Moskovskoe shosse ul., Samara, 443086, Russia

E-mail: EG.Shikhanova@yandex.ru

SPIN-code: 9974-9592, Author ID: 879991

ResearcherID: AAI-5475-2021

Article info

Received – July 26, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Razveykina N.A., Shikhanova E.G. Transformations of Court Proceedings in Russia Caused By the Pandemic. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 50-58. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).50-58. (In Russ.).

УДК 349.2

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).59-66

РЫНОК ТРУДА КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

М. А. Драчук

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. В настоящей статье даётся общая характеристика рынка труда как категории, потенциально ориентированной на её правовое регулирование. Рассматриваются роль и место отдельных элементов рынка труда, имеющих самостоятельное нормативное закрепление или основания для правового воздействия на них. **Цель.** Обосновать вывод о том, что на нынешнем этапе развития социальных процессов исключать действие права на экономические модели и механизмы их функционирования уже невозможно.

Методология. Достижение поставленной в настоящей работе цели исследования предопределило использование таких методов исследования, как метод научного анализа, а также формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, технико-юридический методы. **Результаты.** Автор констатирует, что выделяемые экономической наукой структурные элементы рынка труда (экономические программы, государственная идеология организации занятости и прочие управленческие решения, оформляющие и фиксирующие систему рынка труда, правовой статус субъектов рынка труда, механизм саморегулирования рынка труда и внешней организации занятости, механизм выявления, учёта и регулирования безработицы, рыночная инфраструктура, т. е. государственные и частные агентства занятости, посреднические компании любого типа и наименования, ориентированные на участие в организации спроса и предложения рабочей силы, а также органы власти, отвечающие за социальное обеспечение безработных и адаптацию их к условиям рынка) в настоящее время нормативно урегулированы, причём довольно системно, в той мере, в которой это предопределено спецификой того или иного элемента.

Заключение. Рынок труда – категория, потенциально подвластная правовому регулированию, имеющая своё место в системе социально-трудовых отношений. Рынок труда для целей права можно было бы определить как систему отношений в сфере труда и занятости населения граждан, организаций и государства, направленную на организацию и эффективное использование трудовых ресурсов, оборот вакансий (вакантных рабочих мест), мотивацию к занятости лиц, не имеющих работы, и обеспечение нуждающимся в ней временной социальной поддержки.

Ключевые слова: рынок труда; профессиональные стандарты; квалификационные требования; профессиональное образование.

1. Введение

Организация и регулирование рынка труда – одна из основных задач государственного уровня управления трудовыми ресурсами и экономикой в целом. Первооснову для соответствующих управленческих решений власти создают реальные макроэкономические, демографические и политические процессы, а закономерным итогом становится нормативное закрепление принимаемых за основу направлений развития социально-экономических отношений. В этой связи рынок труда – это категория, потенциально ориентированная на её правовое регулирование: либо как единого экономико-правового субстрата в трудовом праве или «праве занято-

сти», либо через нормативное оформление (моделирование) его отдельных элементов, в том числе различной отраслевой природы.

Обычно рынок труда как феномен объективной реальности воспринимают в контексте его экономического содержания. Однако современный мир, особенно в связи с появлением и распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, не может себе позволить формирование и функционирование рынка труда, основанного на принципах экономической свободы, саморегуляции и ситуативности, так как слишком большое количество задач связывается государством с состоянием трудовых ресурсов и эффективностью их использования.

В связи со сказанным возникает целесообразное правовое воздействие на рынок труда в целом и/или на его отдельные элементы. Однако этот процесс создаёт предпосылки к тому, чтобы начать рассматривать рынок труда или как социально-трудовые отношения, или как правовую категорию, часть механизмов которой строится по диспозитивному типу правового регулирования.

Автору работы представляется верным говорить о том, что на нынешнем этапе развития социальных процессов исключать действие права на экономические модели и механизмы их функционирования уже невозможно. Насколько актуальным для правовой науки и нормотворческой практики является утверждение о правовой природе модели современного отечественного рынка труда, проанализируем ниже.

2. Методология

Достижение поставленной в настоящей работе цели исследования предопределило использование таких общенаучных и частнонаучных методов исследования, как метод научного анализа, а также формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, технико-юридический методы.

3. Общие положения о рынке труда как правовой категории

Формирование правового статуса работника или работодателя напрямую связано с той макроэкономической отраслью, в которой предполагается их деятельность. В этой связи для целей взаимной адаптации субъектов трудовых отношений и отношений в сфере занятости населения государство при любом им сформированном типе рынка труда как минимум должно осуществлять следующие функции:

- создание системы образования, коррелирующей с системой рынка труда и занятости;
- формирование, регулирование и обеспечение функционирования системы, структуры и инфраструктуры рынка труда;
- информационное обеспечение субъектов рынка труда.

Степень вмешательства государства в процесс упорядочения структурных элементов рынка труда, что является условием формирования его типа на национальном уровне, может быть разной и варьироваться от свободного до монополистического типа рынка.

Реальные потребности государства в сфере экономики в современном мире обычно исключают возможность организации свободного рынка труда. Особенно ярко это проявляется в территориально сложных и многочисленных по заселённости странах и в любом случае в такой его подсистеме, как государственный сектор.

В любом случае внутренняя организация негосударственного сектора экономики может иметь и самостоятельный тип рыночной организации, и особые черты метода правового регулирования соответствующей группы отношений: такого рода подход можно назвать общеупотребимым для большинства ведущих экономик мира. Для целей права сказанное может означать создание системы специальных норм – либо об исключениях, допущенных для публичного сектора, либо наоборот – для частной формы собственности. Управленческое решение этого вопроса при переориентации рынка труда на новый или изменённый тип предполагается также.

Трудового права как отрасли данный вопрос касается непосредственно, поскольку одной из его основных функций является защитная, а работники могут иметь различный статус только лишь в силу занятости у соответствующего работодателя. Более того, динамика рынка может быть обеспечена только этим его фактором – разницей в правовом воздействии на работников разных секторов экономики (форм собственности их работодателей). Поэтому даже закрытость рынка или существенный приоритет интересов национального производителя над импортом не исключает собственно рыночной экономики при нескольких формах собственности в отдельно взятой стране.

Следовательно, предпосылки для включения в предмет отрасли трудового права Российской Федерации отдельных вопросов, касающихся организации и функционирования рынка труда имеются, тем более что в составе предмета отрасли присутствуют отношения по организации труда и управлению трудом (ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации¹).

Легальное определение понятия «рынок труда» в настоящее время не сформировано, однако данный термин используется законодательством о занятости населения в Россий-

ской Федерации² как некая предустановленная и общеупотребимая категория. У специалистов в области отраслевой правовой науки данный термин также не вызывает никакой сложности в его понимании и применении.

Так, С. П. Маврин пишет, что определение рынка труда, содержащее элементы, характерные для правовых категорий (объект рынка труда; субъектов рынка труда; характер взаимоотношений между субъектами по поводу объекта) пригодно к использованию в юридической науке [1, с. 59]. Г. Д. Данилин полагает, что рынок труда – это совокупность социально-экономических и правовых отношений, возникающих и функционирующих в сфере реализации спроса и предложения способности человека к труду (рабочей силы) [2, с. 58].

Упоминают данный термин в значении объекта правового воздействия, а не через констатацию факта его статистического сиюминутного состояния также О. Байдина [3], В. П. Беклемешев [4], А. В. Жильцова и Ю. В. Жильцова [5], К. Д. Крылов, А. К. Надирова [6] и другие авторы. Усиление нормативного регулирования на рынке труда практически одновременно повлекли за собой переход Российской Федерации к цифровой экономике и эпидемия новой коронавирусной инфекции.

Чтобы придать нормативную форму собственно правовой модели рынка труда, определив при этом её общую структуру и отраслевую принадлежность, представляется, что в числе структурных элементов рынка труда можно было бы выделить и нормативно оформить:

а) экономические программы, государственную идеологию организации занятости и прочие управленческие решения, оформляющие и фиксирующие систему рынка труда;

б) правовой статус субъектов рынка труда;

в) механизм саморегулирования рынка труда и внешней организации занятости;

г) механизм выявления, учёта и регулирования безработицы;

д) рыночную инфраструктуру – государственные и частные агентства занятости, посреднические компании любого типа и наименования, ориентированные на участие в организации спроса и предложения рабочей силы, а также органы власти, отвечающие за

социальное обеспечение безработных и адаптацию их к условиям рынка.

Большая часть данной работы законодателем уже реально проведена; осталось только наполнить реальным нормативным содержанием собственно определение рынка труда и соотнести его со сферой действия трудового законодательства, тем более что в настоящее время для этого имеются реальные предпосылки.

4. Урегулированность правом элементов рынка труда как основание для общего вывода о правовой природе модели рынка труда

На сегодняшний день имеются все основания утверждать, что правовое регулирование отдельных структурных элементов рынка труда происходит системно и полномасштабно. Так, имеют место:

– закрепление в нормативных правовых актах форм труда и занятости, их существенных признаков и коллизионных презумпций (ст. 11 и ст. 19.1 Трудового кодекса Российской Федерации),

– закрепление в нормативных правовых актах положений о правовой квалификации личного труда в отдельных спорных случаях его использования,

– унификация и одновременно обоснованная дифференциация налогообложения и обложения социально-страховыми взносами всех видов дохода от использования личного труда,

– пересмотр критериев для признания лица инвалидом,

– формализация безработицы и нацеленность на мотивацию к занятости (в том числе посредством создания системы неблагоприятных последствий для незанятого в экономике населения) и эффективное использование потенциала национальных трудовых ресурсов,

– прямое увязывание оснований для условно-досрочного освобождения осуждённых с трудом в местах лишения свободы для целей компенсации ущерба потерпевшим,

– создание национальных информационных ресурсов для поиска работы и внутригосударственной миграции,

– утверждение списка наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий,

– правовая формализация статуса иностранного работника и т. д.

Особое место в данном механизме занимает систематизация и регламентация основных отраслей экономической деятельности, так как обеспечение большинства актуальных технологических процессов пока невозможно в отрыве от использования труда человека.

Основу рыночного механизма спроса и предложения на рынке труда формирует понятие вакансии, которая является предметом того самого спроса. С позиций анализа структуры рынка труда как социально-экономической системы и правовой модели вакансии – это предмет формирования рыночной динамики спроса и предложения. Поскольку запрет принудительного труда провозглашен как основополагающий принцип международного трудового права, который, к сожалению, не всегда одинаково понимается и исполняется отдельными государствами [7, с. 108], на рынке труда во избежание нарушения основополагающих прав человека в сфере труда может быть легализован оборот не рабочей силы, а только лишь способа и пределов её использования.

Поэтому современное законодательство уделяет внимание описанию (регулированию) понятия и содержания вакансии (вакантной работы), хотя, по мнению автора, не вполне достаточно.

Вакантная должность (работа) – это свободная на постоянной или временной основе трудовая функция в структуре какого-либо вида экономической деятельности работодателя (нанимателя), сформированная в группу соответствующих ей трудовых действий и объявленная для её замещения. Л. А. Чиканова применительно к трудовым отношениям определяет вакансию как предусмотренную штатным расписанием организации должность, которая свободна, т. е. не замещена (не занята) каким-либо конкретным работником (в том числе совместителем), состоящим с организацией в трудовом правоотношении [8, с. 44]. Е. П. Ефремова отмечает, что в отличие от должности, замещённой (занятой) работником (служащим), вакантная должность соотносится с притязанием на неё кандидата, высказывающего волеизъявление только лишь о её получении [9, с. 58].

Степень вмешательства федерального законодателя в регулирование требований к деловым качествам работников качественно различается по отношению к должностям, формируемым работодателями на своё усмотрение, и в сфере действия профессиональных стандартов, особенно тех из них, соблюдение которых обязательно в силу абз. 3 ч. 2 ст. 57 и ч. 1 ст. 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации. Профессиональные стандарты применительно к описанным в них трудовым функциям устанавливают требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определённой работы. При этом характеристики квалификации, которые содержатся в тех профессиональных стандартах, обязательность применения которых не будет установлена, работодателям необходимо использовать в качестве основы для определения требований к квалификации работников с учётом особенностей выполняемых работниками трудовых функций, обусловленных применяемыми технологиями и принятой организацией производства и труда. Основу деловых качеств с позиций большинства профессиональных стандартов составили профессиональное образование и, в некоторых случаях, опыт работы по специальности (профессии, должности).

Указание ч. 1 ст. 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации на то, что «профессиональные стандарты обязательны для применения работодателями», если «настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определённой трудовой функции», необходимо трактовать во взаимосвязи с ч. 2 ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации.

В абз. 3 ч. 2 ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации указано, что если в соответствии с настоящим Кодексом, иными федеральными законами с выполнением работ по определённым должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений, то наименование этих должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны

соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках, утверждаемых в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, или соответствующим положениям профессиональных стандартов. Формально данная норма не говорит напрямую об обязательности профстандарта, она лишь указывает на необходимость соблюдения его в части наименования должностей, профессий или специальностей, по которым федеральным законодателем установлено обязательное предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений, а также выполнить зафиксированные в профстандарте квалификационные требования. То есть указания на обязательность профстандарта будет иметь место там, где нормативно закрепляется наличие у работников льгот либо запретов и/или ограничений, связанных с трудовой функцией.

Отдельные авторы полагают, что для коммерческих организаций частного сектора экономики и индивидуальных предпринимателей внедрение профессиональных стандартов необязательно, хотя имеет место и дискуссия по этому вопросу [10–13]. Утверждение такого рода представляется спорным: типовая технология, используемая частной и государственной компаниями, не может предполагать разных требований к её исполнителям. Суды также в случае спора, например, по вопросу квалификации работника при сокращении его должности и предложении ему вакансий, будут опираться на соответствующие профстандарты при их наличии. Следовательно, этот вопрос связан не с типом работодателя, а с видами его экономической деятельности и, как следствие, трудовыми функциями его работников. По ч. 2 ст. 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации характеристики квалификации, которые содержатся в профессиональных стандартах и обязательность применения которых не установлена, применяются работодателями в качестве основы для определения требований к квалификации работников с учётом особенностей выполняемых работниками трудовых функций, обусловленных применяемыми технологиями и принятой организацией производства и труда.

Для государственно-зависимых юридических лиц Правительство Российской Феде-

рации с учётом мнения Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений может устанавливать особенности применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности³. Иными словами, последние могут получать указания об обязательном использовании отдельных или всех профстандартов для организации своей деятельности просто в силу принятого решения, а не требований абз. 3 ч. 2 ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации (из-за специфики трудовой функции). Соответствующее постановление принято и введено в действие⁴.

Без учёта специфики применения профессиональных стандартов их обязательность вне взаимосвязи с особенностью труда соответствующего вида привязывает любую форму собственности к возможности использования только типовых технологий и схем организации труда. Поэтому регулирование профстандартами требований к работникам, их необходимым деловым качествам получилось вполне рыночным, так как часть их требований императивна, а часть – рекомендательна.

Такие элементы рынка труда, как экономические программы, правовой статус субъектов рынка труда, включая рыночную инфраструктуру, механизм выявления, учёта и регулирования безработицы существуют именно в силу права, а не за счёт естественно-экономической саморегуляции рынка труда [14; 15]. Пожалуй, в самой меньшей мере правовой регламентации подлежит государственная идеология [16] организации занятости, но и она берёт своё начало в области международного и конституционно-правового регулирования статуса человека, работника, экономической свободы собственника и обязанностей государства перед ними.

5. Заключение

Рынок труда для целей права можно было бы определить как систему отношений в сфере труда и занятости населения граждан, организаций и государства, направленную на организацию и эффективное использование трудовых ресурсов, оборот вакансий (вакантных рабочих мест), мотивацию к занятости лиц, не имеющих работы, и обеспечение нуждающимся в ней временной социальной поддержки.

Для системы, структуры и инфраструктуры современного отечественного рынка труда постепенно усиливаются доминантные начала государственного управления в сфере труда и занятости населения. В силу сказанного, последний в Российской Федерации приобретает черты административно-планового, особенно в государственном секторе экономики.

Тем не менее данные тенденции являются необходимыми для упорядочения отдельных (особенно подлежащих лицензированию и/или разрешительной регистрации) видов экономической деятельности, сферы государственной собственности в целом, информационного механизма рынка труда, обеспечивающего единообразие наименований работ для целей описания и поиска вакансий, организации занятости инвалидов, молодых специалистов, безработных и иностранцев и т. д.

При этом указанные выше процессы и тенденции создают реальные предпосылки для нормативного моделирования и существенно-содержательной правовой регламентации рынка труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

² О занятости населения в Российской Федерации : Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 18. – Ст. 565.

³ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 122-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 18. – Ст. 2625.

⁴ Об особенностях применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности : Постановление Правительства РФ от 27 июня 2016 г. № 584 // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (ч. III). – Ст. 4484.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс российского трудового права. В 3 т. Т. 2 : Рынок труда и обеспечение занятости (правовые вопросы) / под ред. С. П. Маврина, А. С. Пашкова, Е. Б. Хохлова. – М. : Юристъ, 2001. – 559 с.
2. Данилин Г. Д. Понятие рынка труда как объекта правового регулирования нормами трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 2. – С. 58–59.
3. Байдина О. Особенности расторжения трудовых договоров с возрастной категорией работников // Трудовое право. – 2019. – № 9. – С. 77–85.
4. Беклемешев В. П. Адаптационный механизм рынка труда в концепции отражения трансформации регионов // Налоги. – 2011. – № 1. – С. 19–24.
5. Жильцова Ю. В., Жильцова А. В. Ретроспективный анализ состояния безработицы в России как социального и экономического явления // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2019. – № 22. – С. 21–30.
6. Крылов К. Д., Надирова А. К. К вопросу о влиянии Евразийского экономического союза на трудовую правовую интеграцию // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 50–53.
7. Giving globalization a human face. International Labour Conference. 101st Session. – Geneva : Intem. labor office, 2012.
8. Чиканова Л. А. Некоторые спорные вопросы применения законодательства, регулирующего увольнение по сокращению численности или штата работников // Хозяйство и право. – 2011. – № 3. – С. 37–46.
9. Ефремова Е. П. Конкурсный порядок замещения вакантных должностей в период СССР // История государства и права. – 2013. – № 23. – С. 57–60.
10. Колосова И. Ю. Внедрение новых профстандартов – повод для увольнения? // Оплата труда: бухгалтерский учёт и налогообложение. – 2018. – № 12. – С. 50–58.

11. Герш М. В. Профессиональные стандарты: «обязаловка» или пожелание? // Отдел кадров коммерческой организации. – 2016. – № 7. – С. 55–60.
12. Митрофанова В. Профессиональные стандарты: приём на работу, перевод, аттестация и оплата // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2015. – № 11. – С. 18–29.
13. Митрофанова В. Профессиональные стандарты: дисциплина труда, прекращение трудового договора, ответственность // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2015. – № 12. – С. 17–25.
14. Чиканова Л. А., Серегина Л. В. Правовая защита граждан от безработицы в условиях информационных технологических новаций в сфере труда и занятости // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 149–171.
15. Зайцева Л. В., Чукуев А. А. Частные агентства занятости и заемный труд в России: сравнительно-правовое исследование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 1. – С. 84–94. – DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-84-94.
16. Клименко А. И. Структурные характеристики правовой идеологии современного государства // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 28–30.

Информация об авторе

Драчук Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового и социального права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: maria.omsu@mail.ru

SPIN-код: 8042-8310, Author ID: 314506

Информация о статье

Дата поступления – 11 октября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Драчук М. А. Рынок труда как правовая категория (на примере Российской Федерации) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 59–66. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).59-66.

THE LABOR MARKET AS A LEGAL CATEGORY (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

M.A. Drachuk

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. This article gives a general description of the labor market as a category potentially oriented to its legal regulation. The role and place of individual elements of the labor market that have independent regulatory consolidation or grounds for legal influence on them are considered. **Purpose.** To substantiate the conclusion that at the current stage of the development of social processes, it is no longer possible to exclude the right to economic models and mechanisms of their functioning. **Methodology.** The achievement of the research goal set in this paper predetermined the use of such research methods as the method of scientific analysis, as well as formal-logical, system-structural, comparative-legal, technical-legal methods. **Results.** The author states that the structural elements of the labor market highlighted by economic science (economic programs, state ideology of employment organization and other management decisions that formalize and fix the labor market system, the legal status of labor market entities, the mechanism of self-regulation of the labor market and external employment organization, the mechanism for identifying, accounting and regulating unemployment, market infrastructure, that is, public and private employment agencies, intermediary companies of any type and name, focused on participation in the organization of labor supply and demand, as well as the authorities responsible for the social security of the unemployed and their adaptation to market conditions) are currently regulated, and quite systematically, to the extent that this is predetermined by the specifics of one or another element. **Conclusion.** The labor market is a category potentially subject to legal regulation, which has its place in the system of social and labor relations. For the purposes of law, the labor market could be defined as a system of relations in the sphere of labor and employment of citizens, organizations and the state, aimed at organizing and efficient use of labor resources, turnover of vacancies (vacant jobs), motivation for employment of persons who do not have a job, and providing temporary social support to those in need of it.

Keywords: labor market; professional standards; qualification requirements; vocational education.

REFERENCES

1. Mavrin S.P., Pashkov A.S., Khokhlov E.B. (eds.) *The course of Russian labor law*, in 3 volumes. Moscow, Yurist Publ., 2001. Vol. 2. Labor market and employment security (legal issues). 559 p. (In Russ.).
2. Danilin G.D. The concept of the labor market as an object of legal regulation by labor law norms. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*, 2011, no. 2, pp. 58-59. (In Russ.).
3. Baydina O. Features of termination of employment contracts with the age category of employees. *Trudovoe pravo = Labor law*, 2019, no. 9, pp. 77-85. (In Russ.).
4. Beklemeshev V.P. The adaptation mechanism of the labor market in the concept of reflecting the transformation of regions. *Nalogi = Taxes*, 2011, no. 1, pp. 19-24. (In Russ.).
5. Zhiltsova Yu.V., Zhiltsova A.V. Retrospective analysis of the state of unemployment in Russia as a social and economic phenomenon. *Buhgalterskii uchet v byudzhetyh i nekommercheskikh organizatsiyah = Accounting in budgetary and non-profit organizations*, 2019, no. 22, pp. 21-30. (In Russ.).
6. Krylov K.D., Nadirova A.K. K voprosu o vliyaniy Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza na trudopravovyyu integratsiyu. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*, 2012, no. 4, pp. 50-53. (In Russ.).
7. Giving globalization a human face. International Labour Conference. 101st Session, Geneva, Intem. labor office Publ., 2012.
8. Chikanova L.A. Some controversial issues of the application of legislation regulating dismissal by reducing the number or staff of employees. *Khozyaistvo i pravo = Business & Law*, 2011, no. 3, pp. 37-46. (In Russ.).
9. Efremova E.P. Competitive procedure for filling vacant positions during the USSR. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and law*, 2013, no. 23, pp. 57-60. (In Russ.).
10. Kolosova I.Yu. Introduction of new professional standards – a reason for dismissal? *Oplata truda: buhgalterskii uchet i nalogooblozhenie = Remuneration of labor: accounting and taxation*, 2018, no. 12, pp. 50-58. (In Russ.).
11. Gersh M.V. Professional standards: “obligation” or wish? *Otdel kadrov kommercheskoi organizatsii = HR Department of a commercial organization*, 2016, no. 7, pp. 55-60. (In Russ.).
12. Mitrofanova V. Professional standards: recruitment, transfer, certification and payment. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya = Personnel service and personnel management of the enterprise*, 2015, no. 11, pp. 18-29. (In Russ.).
13. Mitrofanova V. Professional standards: labor discipline, termination of an employment contract, responsibility. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya = Personnel service and personnel management of the enterprise*, 2015, no. 12, pp. 17-25. (In Russ.).
14. Chikanova L.A., Seregina L.V. Legal protection of citizens from unemployment in the context of information technology innovations in the field of labor and employment. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 3, pp. 149-171. (In Russ.).
15. Zaitseva L.V., Chukreev A.A. Private employment agencies and borrowed labor in Russia: Comparative legal research. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2017, no. 1, pp. 84-94. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-84-94. (In Russ.).
16. Klimenko A.I. Structural characteristics of the legal ideology of the modern state. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law*, 2010, no. 4, pp. 28-30. (In Russ.).

About the author

Drachuk Maria – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Labor and Social Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: maria.omsu@mail.ru

SPIN-code: 8042-8310, Author ID: 314506

Article info

Received – October 11, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Drachuk M.A. The Labor Market as a Legal Category (on the Example of the Russian Federation). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 59-66. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).59-66. (In Russ.).

УДК 349.3

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).67-79

ДОБРОВОЛЬНОЕ УЧАСТИЕ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ ПЕНСИОННОМУ СТРАХОВАНИЮ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

О. С. Курченко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. История развития института добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в российском законодательстве насчитывает почти 20 лет. Тем не менее анализ правовых норм, регулирующих добровольное участие в системе обязательного пенсионного страхования, в их взаимосвязи с иными положениями пенсионного законодательства обнаруживает комплекс проблем, требующих теоретического осмысления. **Цель.** Целью настоящей статьи является обобщение опыта законодательного регулирования отношений по добровольному участию в российской системе обязательного пенсионного страхования, практики применения соответствующих правовых норм и формулирование предложений по их совершенствованию. **Методология.** Для достижения поставленных целей были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты.** Периоды уплаты добровольных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование подлежат зачёту в страховой стаж, однако место и значение таких периодов в составе страхового стажа характеризуются недостаточной определённой. Значительное количество теоретических и практических вопросов вызывают правовые нормы, устанавливающие минимальную и максимальную суммы страховых взносов, уплачиваемых в добровольном порядке. Такого рода вопросы связаны как с обоснованностью соответствующих величин, так и их влиянием на объём приобретаемых пенсионных прав. **Заключение.** Разрешение поставленных вопросов усилиями законодателя и правоприменителей, как представляется, может способствовать повышению степени востребованности добровольного участия в системе обязательного пенсионного страхования у лиц, этой системой не охватываемых.

Ключевые слова: застрахованное лицо; страховой стаж; право на страховую пенсию; периоды уплаты добровольных страховых взносов; минимальный и максимальный размер страховых взносов; индивидуальный пенсионный коэффициент; дополнительные страховые взносы на накопительную пенсию.

1. Введение

Построение и функционирование системы социального обеспечения, включая обязательное социальное страхование, в значительной степени определяются действием экономических, демографических и других факторов. Текущее состояние рынка труда в Российской Федерации характеризуется, в частности, такими показателями, как растущая численность самозанятого населения и существенная доля занятых в неформальном секторе экономики. Отмеченные тенденции носят во многом глобальный характер и являются вызовами для рынка труда и системы обязательного социального, в том числе пенсионного, страхования [1, с. 52; 2, с. 194–195; 3, с. 469; 4, с. 6], ориентированной на предоставление защиты от социальных рисков прежде всего лицам, работающим по

трудовым договорам. Необходимость распространения систем социального обеспечения (социального страхования) на категории граждан, ими не охватываемых (в том числе занятых в неформальном секторе), рассматривается Международной организацией труда в числе приоритетов развития социальной политики государства и законодательства в области социальной защиты [5, с. 60–61].

Известный российскому законодательству механизм добровольного вступления в правоотношения по обязательному социальному страхованию, введение которого связывалось в научной литературе в том числе с недостаточным развитием добровольного социального страхования и низким уровнем доверия населения к негосударственным субъектам системы социальной защиты [6, с. 69], как представляется, мог бы служить

одним из средств решения задачи по расширению круга лиц, вовлечённых в систему обязательного социального страхования.

В отечественном пенсионном законодательстве возможность добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию существует уже почти 20 лет – соответствующие правовые нормы впервые появились в Федеральном законе от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Закон № 167-ФЗ), введённом в действие с 1 января 2002 г. Однако указанное право используется гражданами крайне редко: по данным Счётной палаты РФ, по состоянию на 1 января 2020 г. добровольно вступили в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию и уплатили страховые взносы 4 637 человек¹ (очевидно, что эта цифра не учитывает плательщиков дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию).

За истекший период времени ст. 29 Закона № 167-ФЗ, посвящённая названному институту, многократно корректировалась и дополнялась законодателем. Тем не менее приобретенный за это время опыт правового регулирования обозначенной группы общественных отношений, сформировавшиеся подходы к применению норм указанной статьи в их взаимосвязи с иными положениями законодательства об обязательном пенсионном страховании требуют теоретического осмысления, которое позволило бы выявить проблемные аспекты правового регулирования и наметить пути их преодоления, что могло бы способствовать повышению востребованности данного института.

2. Методология

При анализе правовых норм, опосредующих добровольное участие в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию, были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

3. Категории граждан, имеющих право на добровольное вступление в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию

Анализ норм ст. 29 Закона № 167-ФЗ в их развитии – начиная с 1 января 2002 г. и до настоящего времени – обнаруживает

очевидную тенденцию к расширению перечня категорий граждан, которым законодатель предоставил право добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию (далее – ОПС). К двум основаниям для добровольного участия в системе ОПС, которые были указаны в первоначальной редакции закона (возможность вступления в правоотношения по ОПС для граждан России, работающих за пределами её территории, а также для физических лиц в целях уплаты страховых взносов за другое лицо, не охватываемое системой ОПС) впоследствии в разное время были добавлены ещё пять.

На увеличение количества категорий добровольных плательщиков повлияли несколько факторов. Прежде всего очевидной кажется связь между кругом застрахованных, которые признаются таковыми в силу закона, и теми, для кого участие в системе ОПС становится следствием их выбора: исключение какой-то категории лиц из первой группы должно сопровождаться появлением у её представителей возможности для добровольного участия в правоотношениях по ОПС. Немалое значение для формирования современного перечня категорий добровольных плательщиков в этом смысле имела практика Конституционного Суда РФ. Так, право уплаты добровольных страховых взносов за себя было предоставлено законодателем лицам, не признаваемым застрахованными в силу закона (пп. 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ), в целях учёта правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 23 декабря 2004 г. № 19-П [7, с. 455]. Включение в перечень, содержащийся в п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, адвокатов, являющихся «военными пенсионерами» (пп. 7 п. 1), было обусловлено стремлением законодателя исправить противоречия в их правовом положении в системе ОПС, выявленные Конституционным Судом РФ².

Предоставление лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее – самозанятые граждане), возможности добровольного вступления в правоотношения по ОПС (пп. 6 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ), причём на условиях, отличающихся от тех, которые сформулированы для «неработающих граж-

дан» (пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29), можно объяснить желанием законодателя повысить привлекательность для граждан названного налогового режима, сделав для них уплату страховых взносов на ОПС правом, а не обязанностью.

Кроме того, как верно отмечается исследователями, если изначально институт добровольного вступления в правоотношения по ОПС имел целью предоставить страховую защиту тем, на кого ОПС в силу закона не распространялось, то позднее он стал использоваться и как возможность повышения уровня страхового обеспечения для застрахованных лиц³. В связи с этим право добровольно участвовать в системе ОПС было предоставлено лицам, самостоятельно обеспечивающим себя работой и желающим уплачивать страховые взносы в размере, превышающем установленный законом фиксированный размер (пп. 3 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ). С некоторыми оговорками сюда можно отнести и возможность добровольного вступления в правоотношения по ОПС в целях уплаты дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию (пп. 4 п. 1 ст. 29), получившую специальную законодательную регламентацию.

4. Место периодов уплаты добровольных страховых взносов в составе страхового стажа

Несмотря на отмеченную тенденцию к расширению круга лиц, имеющих право добровольного участия в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию, российское законодательство долгое время не позволяло засчитывать периоды уплаты добровольных страховых взносов в страховой стаж. Это логическое противоречие, во многом обесмысливавшее конструкцию добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию (см., например: [8]), было устранено законодателем лишь в 2014 г. путём включения соответствующей нормы в содержание п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ.

Каково место указанных периодов в составе страхового стажа? На основе легальной дефиниции страхового стажа, появившейся в Федеральном законе «О трудовых пенсиях в РФ» и с незначительными изменениями воспроизведённой в Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (далее – Закон

№ 400-ФЗ), периоды, образующие страховой стаж, принято объединять в две группы, каждой из которых посвящена отдельная статья закона: 1) периоды работы и (или) иной деятельности, за которые были начислены и уплачены страховые взносы в бюджет Пенсионного фонда РФ (так называемые страховые периоды); 2) иные («нестраховые») периоды, не предполагающие уплату страховых взносов. Нужно отметить, что периоды уплаты добровольных страховых взносов в нормах Закона № 400-ФЗ, посвящённых страховому стажу, не упоминаются, за исключением уплаты страховых взносов гражданами России, работающими за границей (ч. 2 ст. 11 Закона № 400-ФЗ), а норма о возможности зачёта указанных периодов в страховой стаж была помещена законодателем, как было отмечено выше, в ст. 29 Закона № 167-ФЗ.

Периоды уплаты страховых взносов лицами, указанными в пп. 1, 3, 6 и 7 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, по сути, представляют собой страховые периоды, т. е. периоды работы или иной самостоятельной деятельности, сопровождаемые уплатой страховых взносов в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – ПФР). Признанию же страховыми периодов уплаты страховых взносов лицами, названными в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, препятствует отсутствие в законе требования о необходимости осуществления в эти промежутки времени какой-либо социально-полезной деятельности. Легальная дефиниция страхового стажа охватывает также «иные периоды, засчитываемые в страховой стаж», что, на первый взгляд, оставляет возможность отнесения к ним и обсуждаемых периодов уплаты добровольных страховых взносов, тем более что, следуя формулировке п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, эти периоды *засчитываются* в страховой стаж. Некоторое время назад в научно-практической литературе обращалось внимание на выводимую из текста Закона о трудовых пенсиях терминологическую разницу между двумя группами периодов, образующих страховой стаж: страховые периоды в него «включаются», а так называемые нестраховые («иные») периоды в него «засчитываются» (см., например: [7, с. 600; 9]). Однако отмеченные различия, как представляется, не могут служить надёжной ос-

новой для определения правовой природы тех или иных периодов, поскольку законодатель не всегда последователен при формулировании правовых предписаний, о чем свидетельствуют, к примеру, нормы, содержащиеся в ч. 4 и 7 ст. 13 Закона № 400-ФЗ.

Вполне очевидно, вместе с тем, что под «иными периодами, засчитываемыми в страховой стаж» подразумеваются периоды, перечисленные в одноименной ст. 12 Закона № 400-ФЗ. Таким образом, периоды уплаты добровольных страховых взносов лицами, указанными в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, в рамках конструкций, используемых Законом № 400-ФЗ, не могут быть отнесены ни к страховым периодам по причине отсутствия занятости лица, ни к «иным периодам» по причине того, что по определению предполагают уплату страховых взносов. Показательно в этом плане, что в Правилах подсчёта и подтверждения страхового стажа⁴ (далее – Правила) периоды уплаты добровольных страховых взносов (пп. «б»–«б(4)» п. 1 Правил) обособлены как от периодов работы и (или) иной деятельности, выполнявшейся на территории Российской Федерации (пп. «а» п. 1 Правил), так и от «иных периодов», перечисленных в пп. «в» Правил.

При этом периоды уплаты страховых взносов лицами, указанными в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, в силу оговорки, содержащейся в указанном пункте, не равноценны страховым периодам, поскольку их суммарная продолжительность не может составлять более половины страхового стажа, требуемого для назначения страховой пенсии по старости. Это положение интерпретируется исследователями как имеющее целью недопущение ситуации, при которой «периоды, оплаченные страховыми взносами, но не включающие трудовой вклад гражданина, полностью составляли бы его страховой стаж (строго не более половины)» [10, с. 19]. Справедливость указанного тезиса применительно к страховой пенсии *по старости* сомнений не вызывает. Вполне обоснованным видится также отказ законодателя от включения периодов уплаты добровольных страховых взносов в страховой стаж, дающий право на назначение страховой пенсии по старости за длительную работу (ч. 9 ст. 13 Закона

№ 400-ФЗ). Иной подход, по справедливому замечанию С. А. Чиркова, искажал бы концепцию данного вида пенсии как выплаты, предоставляемой гражданам ранее общеустановленного пенсионного возраста в связи с их многолетней трудовой занятостью [11, с. 23].

Однако может ли состоять только из периодов уплаты страховых взносов лицами, указанными в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, страховой стаж, необходимый для назначения страховых пенсий *по инвалидности* и *по случаю потери кормильца* с учётом того, что важен сам факт его наличия, а не продолжительность? Каких-либо прямых запретов или ограничений, относящихся к составу страхового стажа для названных целей, законодательство не предусматривает. Представляется, что системное толкование положений Законов № 400-ФЗ и № 167-ФЗ даёт основание для утвердительного ответа на этот вопрос.

Вероятным политико-правовым возражением против такого подхода могло бы стать утверждение о недопустимости разрыва связи между трудовым вкладом лица (пусть и символическим) и правом на пенсионное обеспечение, а также придания факту уплаты страховых взносов самостоятельного значения. Однако в контексте действующего правового регулирования применительно даже к отдельным «классическим» страховым периодам указанная связь поддерживается лишь формально. В качестве примера можно привести период осуществления лицом предпринимательской деятельности. Обязанность индивидуального предпринимателя по уплате страховых взносов за указанный период возникает из факта государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и сохраняется даже в том случае, если фактически предпринимательской деятельностью он не занимается⁵, за исключением периодов, когда соответствующая деятельность не осуществлялась по причинам, поименованным в п. 7 ст. 430 Налогового кодекса РФ.

Отсутствие какого-либо упоминания о периодах уплаты страховых взносов лицами, указанными в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, в нормах Закона № 400-ФЗ актуализирует, по крайней мере, ещё один практически значимый вопрос. Могут ли указанные

периоды учитываться для целей выполнения условия, сформулированного в ч. 2 ст. 12 Закона № 400-ФЗ? Следуя буквальному смыслу данной нормы, «нестраховые» периоды, перечисленные в ч. 1 ст. 12 Закона № 400-ФЗ, могут быть засчитаны в страховой стаж, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы и (или) иной деятельности, названные в ст. 11 Закона № 400-ФЗ.

Такое законодательное решение не кажется единственно возможным. Если смысл условия, установленного законом для зачёта в страховой стаж «нестраховых» периодов, состоит в том, чтобы придать особое значение тому факту, что гражданин когда-либо в своей жизни принимал хотя бы символическое участие в формировании страхового фонда, проявив солидарность с другими застрахованными лицами, то с этой точки зрения периоды уплаты страховых взносов за неработающих граждан ничем не отличаются от периодов, указанных в ст. 11 Закона № 400-ФЗ. Интересно, что практически сразу после вступления в силу Закона о трудовых пенсиях, содержащего названное условие для зачёта в страховой стаж «нестраховых» периодов (п. 2 ст. 11), к «иной деятельности» в литературе было предложено относить и добровольное вступление в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию (в то время это было возможно для граждан, работающих за границей, и граждан, уплачивающих страховые взносы за неработающих лиц) [12, с. 105]. Представляется, что буквальным смыслом анализируемой нормы охватываются лишь периоды уплаты добровольных страховых взносов гражданами РФ, работающими за границей, поскольку такие периоды являются страховыми и прямо упомянуты в посвящённой им статье закона (ныне ч. 2 ст. 11 Закона № 400-ФЗ), что, однако, не исключает возможности корректировки нормы ч. 2 ст. 12 Закона № 400-ФЗ посредством включения в неё также периодов уплаты страховых взносов иными категориями добровольных плательщиков (пп. 2, 5, 6, 7 п. 1 ст. 29).

Применительно к возможности добровольного формирования пенсионных прав у неработающих граждан (пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ) специалистами нередко используется словосочетание «докупить»

страховой стаж» (см., например: [13]). Формулировка, призванная подчеркнуть достаточность лишь факта уплаты страховых взносов для приобретения страхового стажа, может ошибочно восприниматься как допускающая возможность одномоментной «покупки» недостающего для возникновения права на страховую пенсию по старости страхового стажа. Подобная конструкция предусмотрена в некоторых зарубежных правовых порядках. Так, законодательство Украины разрешает однократную уплату лицом единого взноса за предыдущие периоды, в течение которых оно не подлежало общеобязательному государственному социальному страхованию⁶. Российское законодательство, в отличие от законодательства Украины, предполагает возможность приобретения страхового стажа только за периоды, имевшие место после добровольного вступления в правоотношения по ОПС. Такой подход представляется соответствующим сложившемуся пониманию стажа как отрезка времени, в течение которого проявляет себя волевая активность субъекта [14]. В противном случае стаж как юридический факт в механизме правового регулирования отношений по пенсионному обеспечению, по сути, заменялся бы фикцией, при которой связь между действиями лица по уплате страховых взносов и периодом времени, в котором уплата должна быть произведена, оказалась бы разорванной.

5. Исчисление периодов уплаты добровольных страховых взносов

Возможность зачёта в страховой стаж периодов уплаты добровольных страховых взносов на ОПС предполагает наличие специальных правил исчисления и подтверждения таких периодов. Определение продолжительности периода уплаты добровольных страховых взносов на ОПС, засчитываемого в страховой стаж, неразрывно связано с правилами исчисления размера страховых взносов, подлежащих уплате лицами, относящимися к указанной категории граждан. Не случайно правовые нормы, посвящённые названным аспектам добровольного вступления в правоотношения по ОПС, объединены законодателем в одном п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ.

Для следующих категорий физических лиц, добровольно вступающих в правоотношения по ОПС, – граждан, работающих за

пределами России, лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой и желающих уплачивать страховые взносы сверх обязательного для них фиксированного платежа, а также для лиц, указанных в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ – законом установлен минимальный размер страховых взносов. За почти 20-летнюю историю развития института добровольного участия в правоотношениях по ОПС правила определения минимального размера страховых взносов неоднократно менялись. В действующей редакции Закона № 167-ФЗ указанная величина определяется как произведение минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на начало финансового года, за который уплачиваются страховые взносы, и тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации (22 %), увеличенное в 12 раз (абз. 2 п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ). Введя в правовое регулирование рассматриваемой группы общественных отношений конструкцию минимального размера страховых взносов, законодатель оставил без ответа целый ряд вопросов, представляющих теоретический интерес и имеющих практическое значение.

Во-первых, обращает на себя внимание различие в порядке определения размера минимального платежа для лиц, добровольно вступающих в правоотношения по ОПС, и лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, для которых внесение страховых взносов в установленном ст. 430 Налогового кодекса РФ фиксированном размере является обязанностью. Например, в 2021 г. минимальный размер страховых взносов для первой из названных категорий плательщиков составляет 33 770,88 ($12\,792 \times 22\% \times 12$) руб., для второй – 32 448 руб.⁷ Более того, учитывая неоднократные изменения правил определения минимального размера страховых взносов, остаётся неясным, как минимальный (для лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, – фиксированный) размер страховых взносов соотносится с объёмом денежных средств, необходимых для исполнения обязательств Пенсионного фонда РФ по выплате страхового обеспечения указанным категориям граждан.

Во-вторых, законодатель не определил правовые последствия уплаты страховых

взносов в размере, меньшем, чем минимальный. Страховой стаж какой продолжительности будет приобретен лицом, добровольно вступившим в правоотношения по ОПС и уплатившим в отдельном расчётном периоде сумму, не достигающую минимального размера? Для лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой и желающих уплачивать страховые взносы сверх обязательного для них фиксированного платежа, ответ на этот вопрос не представляет практического интереса, поскольку в этом же расчётном периоде за ними сохраняется обязанность уплачивать за себя обязательные страховые взносы в виде фиксированного платежа, внесение которого даже не в полном объёме даёт основание, согласно правоприменительной практике органов ПФР, для включения периода предпринимательской деятельности в страховой стаж.

Гораздо более важное значение ответ на этот вопрос приобретает для тех застрахованных лиц, которые добровольно вступают в правоотношения по ОПС в соответствии с пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ. Норма, которая устанавливала бы порядок исчисления страхового стажа в случае, когда сумма добровольно уплаченных страховых взносов оказывается меньшей, чем минимальный размер, как отмечалось выше, в законодательстве отсутствует. Существующий пробел восполняется в правоприменительной практике органов ПФР посредством использования аналогии закона. Так, до 2019 г. по аналогии предлагалось применять норму, содержащуюся в ч. 7 ст. 13 Закона № 400-ФЗ, которая для лиц, выполняющих работу по договорам авторского заказа, предусматривает зачёт в страховой стаж периода такой деятельности, продолжительность которого определяется пропорционально сумме уплаченных за застрахованное лицо страховых взносов. Другими словами, продолжительность подлежащего зачёту в страховой стаж периода уплаты добровольных страховых взносов в рассматриваемой ситуации предлагалось определять пропорционально тому, как уплаченная сумма страховых взносов соотносится с минимальным размером страховых взносов⁸.

Примечательно, что, вводя для лиц, применяющих специальный налоговый ре-

жим «Налог на профессиональный доход», возможность добровольного вступления в правоотношения по ОПС, законодатель установил для них специальное правовое регулирование. Так, минимальный размер страховых взносов для них не предусмотрен, а продолжительность засчитываемого в страховой стаж периода уплаты добровольных страховых взносов определяется пропорционально отношению суммы уплаченных страховых взносов к фиксированному размеру страхового взноса, установленному для лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой (абз. 9 п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ). Именно указанные нормы в настоящее время предлагается применять по аналогии в случаях, если сумма страховых взносов, уплаченных лицами, указанными в пп. 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, не достигает минимального размера страховых взносов⁹. В связи с этим возникает вопрос о том, чем вызваны различия в правовом регулировании отношений по уплате страховых взносов разными категориями добровольных плательщиков?

Можно было бы предположить, что целью законодателя было подчеркнуть специфику периодов, за которые добровольно уплачиваются страховые взносы лицами, указанными в пп. 2 и 5 п. 1 ст. 29 Закона № 167-ФЗ (отсутствие в течение названных периодов общественно-полезной деятельности), но ведь минимальный размер страховых взносов установлен также, например, для граждан России, работающих за границей. К тому же применение правил исчисления периодов уплаты добровольных страховых взносов самозанятыми гражданами по аналогии к иным случаям добровольного вступления в правоотношения по ОПС, по сути, обесмысливает введённую законодателем дифференциацию правового регулирования. В таком контексте продолжительность периода уплаты добровольных страховых взносов, подлежащего зачёту в страховой стаж, следовало бы определять для всех категорий добровольных плательщиков единообразно в зависимости от того, как сумма внесенных страховых взносов соотносится с минимально необходимой суммой, которая должна быть внесена за застрахованное лицо в течение календарного года.

6. Особенности исчисления суммы страховых взносов, уплачиваемых добровольно

Добровольное вступление в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию предполагает, что сумма страховых взносов, которую плательщик готов уплатить, определяется им по собственному усмотрению. Это, однако, не исключает возможности установления законодателем пределов такого усмотрения. Так, в соответствии с абз. 5 п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ физические лица, добровольно вступающие в правоотношения по ОПС (за исключением тех, кто вступает в указанные правоотношения в целях уплаты дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию), самостоятельно определяют размер страховых взносов, подлежащих уплате за расчётный период, с учётом ограничений, предусмотренных указанным пунктом. К таким ограничениям относятся минимальный размер страховых взносов, введённый для отдельных категорий добровольных плательщиков (о нём шла речь выше), и максимальный размер страховых взносов, применяемый ко всем категориям плательщиков, за исключением лиц, уплачивающих дополнительные страховые взносы на накопительную пенсию.

Максимальный размер страховых взносов для добровольных плательщиков определяется в законе как произведение восьмикратного минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на начало финансового года, за который уплачиваются страховые взносы, и тарифа страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации (22 %). При этом, как и в случае с минимальным размером страховых взносов (и по той же причине), максимальная сумма страховых взносов начиная с 2018 г. не является одинаковой для добровольных плательщиков и для лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой. Так, в 2021 г. для добровольных плательщиков максимальный размер страховых взносов составляет 270 167,04 ($12\,792 \times 8 \times 12 \times 22\%$) рублей, в то время как для лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой – 259 584 ($32\,448 \times 8$) рубля (п. 1 ст. 430 Налогового кодекса Российской Федерации). Столь незначительные расхождения между максимальными сумма-

ми вряд ли можно объяснить различие целей указанной конструкции в каждом из названных случаев её использования: если для добровольных плательщиков максимальный размер страховых взносов должен определять объём приобретаемых таким образом пенсионных прав, то для лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, эта конструкция также выполняет функцию ограничителя финансовой нагрузки.

Интересно, что необходимость введения максимального размера страховых взносов для добровольных плательщиков в своё время обосновывалась потребностью в устранении неравенства в возможностях формирования пенсионных прав разными категориями застрахованных лиц: в отличие от наёмных работников, для которых сумма уплачиваемых за них страховых взносов фактически была лимитирована использованием регрессивной шкалы, для добровольных плательщиков верхней границы суммы, которая могла быть ими внесена, не существовало [15, с. 61]. В условиях действующего правового регулирования в менее выгодном положении оказались уже добровольные плательщики: если для лиц, работающих по трудовому договору, максимальное значение индивидуального пенсионного коэффициента (далее – ИПК), определяемое за календарный год, составляет 10 (ч. 19 ст. 15 Закона № 400-ФЗ), то для добровольных плательщиков применение максимального размера страховых взносов позволяет рассчитывать на приобретение за календарный год ИПК меньшей величины. Так, за 2021 г. для указанной категории граждан максимальное значение ИПК составит $8,392 ((12\,792 \times 8 \times 12 \times 16 \% / 1\,465\,000 \times 16 \%) \times 10)$.

Более того, в случае если заявление о добровольном вступлении в правоотношения по ОПС подано лицом после начала расчётного периода (например, в середине календарного года), размер подлежащих уплате страховых взносов, как следует из абз. 7 п. 5 ст. 29 Закона № 167-ФЗ, должен определяться пропорционально количеству месяцев, в течение которых лицо состояло в правоотношениях по ОПС в этом расчётном периоде. Следовательно, максимально возможная к уплате сумма страховых взносов, по мнению ПФР, в этом случае будет определяться пропорционально времени нахождения в право-

отношениях по ОПС¹⁰, что, разумеется, в той же пропорции ограничивает и величину ИПК, которую может приобрести добровольный плательщик за неполный расчётный период. Это обстоятельство не всегда учитывается гражданами, добровольно вступающими в правоотношения по ОПС с целью приобретения недостающей для возникновения права на страховую пенсию по старости величины ИПК, что порождает судебные споры¹¹. Представляется, что такой подход законодателя направлен на поддержание связи между продолжительностью периода добровольного участия в правоотношениях по ОПС и приобретаемыми пенсионными правами (страховым стажем и величиной ИПК).

7. Добровольное участие в накопительном механизме обязательного пенсионного страхования как средство достижения участником целей, не предусмотренных законом

Добровольное вступление в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в целях уплаты дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию регулируется Федеральным законом от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» (далее – Закон № 56-ФЗ). Статья 12 указанного закона (в редакции, действовавшей до 5 ноября 2014 г.) предоставляла право на получение государственной поддержки формирования пенсионных накоплений застрахованным лицам, подавшим заявления о добровольном вступлении в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в период с 1 октября 2008 г. до 1 октября 2013 г. Тем самым федеральный законодатель предпринял попытку стимулирования индивидуальной ответственности застрахованных лиц за собственное благополучие.

В 2012–2013 гг. механизм добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию, установленный положениями Закона № 56-ФЗ, оказался неожиданно востребованным у граждан, достигших возраста, дающего право на трудовую пенсию по старости. Вероятное объяснение этому¹² видится в том, что нормы Закона № 56-ФЗ (в редакции, действовавшей

в названный период времени) не содержали ограничений права указанной категории застрахованных лиц на получение государственной поддержки в виде взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений. Кроме того, с вступлением с 1 июля 2012 г. в силу Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счёт средств пенсионных накоплений» (далее – Закон № 360-ФЗ) круг лиц, имеющих право на единовременную выплату средств пенсионных накоплений, был расширен путём включения в него застрахованных лиц, которые приобрели право на трудовую пенсию по старости, но не могли претендовать на установление накопительной части указанной пенсии по причине незначительности суммы средств пенсионных накоплений (п. 2 ч. 1 ст. 4 Закона № 360-ФЗ), что повлекло за собой существенное увеличение количества получателей этого вида страхового обеспечения. При этом запрета на неоднократное получение единовременной выплаты Закон № 360-ФЗ не предусматривал.

В результате стала возможной ситуация, когда застрахованные лица, получающие трудовую пенсию по старости, добровольно вступали в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию, ежегодно уплачивали страховые взносы в размере, дающем право на получение от государства софинансирования (не менее 2 тысяч и не более 12 тысяч рублей в год) с тем, чтобы в следующем календарном году после перевода взносов на софинансирование из федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда РФ и отражения этой информации в индивидуальных лицевого счетах получить единовременную выплату средств пенсионных накоплений, состоявших из дополнительных страховых взносов и равной им суммы взносов на софинансирование. Как следствие, смысл конструкции добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в этом случае оказался искажённым: механизм личного финансового участия застрахованного лица в формировании пенсионных прав в рамках накопительного компонента страховой пенсионной системы фактически превратился в инструмент краткосрочного «вложения» застрахованным лицом денежных средств с гаранти-

рованной стопроцентной доходностью. Такой вариант поведения плательщиков дополнительных страховых взносов является собой пример расхождения, описанный в литературе [16, с. 86], между целью защиты от социальных рисков, которая ставится перед системой управления ими, и целями отдельных субъектов, формулируемыми при вступлении в соответствующие правоотношения.

Меры по исправлению указанной ситуации были предприняты федеральным законодателем в 2014 г. Во-первых, открывая вновь, хоть и на весьма короткий срок (с 5 ноября 2014 г. по 31 декабря 2014 г.¹³), возможность подачи гражданином заявления о добровольном вступлении в правоотношения, регулируемые Законом № 56-ФЗ, с правом на государственную поддержку в виде взноса на софинансирование, законодатель обусловил указанное право неполучением большинства видов пенсии, назначенных в соответствии с законодательством Российской Федерации¹⁴. Во-вторых, ст. 4 Закона № 360-ФЗ была дополнена ч. 1.2, исключающей возможность повторного обращения лица, получившего единовременную выплату за счёт средств пенсионных накоплений, с заявлением о её назначении ранее чем через пять лет со дня предыдущего обращения за указанной выплатой¹⁵.

8. Заключение

Предпринятое в настоящей статье исследование добровольного участия граждан в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию не претендует на полноту охвата всех вопросов, возникающих в процессе реализации соответствующих правовых норм. Тем не менее ряд выводов может быть сделан уже на этом этапе.

Во-первых, признание возможности зачёта периодов уплаты добровольных страховых взносов в страховой стаж оказалось недостаточным для однозначного понимания места и значения указанных периодов в составе страхового стажа, особенно принимая во внимание разнородность оснований для добровольного вступления в правоотношения по ОПС. Как представляется, отношения, возникающие в связи с зачётом таких периодов в страховой стаж, должны регулироваться нормами Федерального закона «О страховых пенсиях».

Во-вторых, законодательного решения требует вопрос о правовых последствиях

внесения лицом добровольных страховых взносов в объёме, меньшем, чем установленный законом их минимальный размер. Правовые нормы, посвящённые этому аспекту добровольного участия в системе ОПС, вполне могли бы быть унифицированы для разных категорий плательщиков: продолжительность приобретаемого таким путём страхового стажа зависела бы от соотношения суммы уплаченных страховых взносов и установленной законом минимально необходимой в расчёте на календарный год суммой.

В-третьих, максимальный размер страховых взносов, которые могут быть уплачены добровольно за полный расчётный период, должен устанавливаться таким образом, чтобы плательщик страховых взносов имел возможность приобрести такой же максимальный индивидуальный пенсионный коэффициент, как и другие категории застрахованных лиц.

Наконец, опыт правового регулирования добровольных пенсионных накоплений показывает, что институт добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию может использоваться участниками таких правоотношений в целях, отличающихся от тех, что имелись в виду законодателем при установлении соответствующих правовых норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчёт Счётной палаты РФ о результатах проверочного мероприятия «Проверка деятельности Пенсионного фонда РФ по организации индивидуального (персонифицированного) учёта, расходованию средств на его функционирование, а также по соблюдению прав застрахованных лиц в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/cc3/cc3f734f6ee3b7008e0a3438487fed47.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 5-П.

³ *Роценко Н. В.* Единство публичных и частных начал в правовом регулировании социально-страховых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2016. – С. 39.

⁴ Утверждены Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015.

⁵ См.: пункт 4 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением законодательства об обязательном пенсионном страховании, доведённого информационным письмом Прези-

дума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 августа 2004 № 79, пункт 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ 9 апреля 2021 г. № 12-П.

⁶ См.: часть 5 статьи 10 Закона Украины от 8 июля 2010 г. № 2464-VI «О сборе и учёте единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование». – URL: <https://www.profiwins.com.ua/legislation/laws/916.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

⁷ Здесь стоит напомнить, что с 2018 г. российский законодатель отказался от «привязки» фиксированного размера страховых взносов, подлежащего уплате лицами, самостоятельно обеспечивающими себя работой, к минимальному размеру оплаты труда. В связи с заметным увеличением последнего, влекущим повышение финансовой нагрузки на указанную категорию плательщиков, фиксированный размер страховых взносов стал устанавливаться для каждого расчётного периода непосредственно в законе (п. 1 ст. 430 Налогового кодекса РФ) в виде твёрдой денежной суммы.

⁸ Пенсия. – 2015. – № 12. – С. 10–11.

⁹ Пенсия. – 2020. – № 9. – С. 28.

¹⁰ Как делать добровольные взносы на пенсию. – URL: https://pfr.gov.ru/press_center~2019/10/25/192076 (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ См., например: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 сентября 2020 г. № 88-14677/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Увеличение числа участников программы софинансирования пенсионных накоплений в указанный период специалисты связывают также «с ростом реальных доходов населения и доверием к государственной пенсионной программе». См.: *Усов И.* Накопления без отчислений // Коммерсант. – 2019. – 23 дек.

¹³ См.: часть 1 статьи 12 Закона № 56-ФЗ в редакции Федерального закона от 4 ноября 2014 г. № 345-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившего в силу с 5 ноября 2014 г.

¹⁴ Исключение было сделано только для получателей пенсий, назначенных в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-

исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей».

¹⁵ См.: подпункт «в» пункта 4 статьи 28 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О страховых пенсиях” и “О накопительной пенсии”», вступившего в силу с 1 января 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куртин А. В. Особенности современных национальных рынков труда и изменения в пенсионных системах стран Евразии (на примере Российской Федерации) // Пенсия. – 2017. – № 7. – С. 47–58.
2. Роик В. Д. Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт : монография. – М. : Юрайт, 2018. – 336 с.
3. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 41. – С. 454–477. – DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477.
4. Воронин Ю. В., Столяров А. В., Тучкова Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора // Социальное и пенсионное право. – 2020. – № 1. – С. 3–8.
5. Мачульская Е. Е. Всеобщая социальная защита – будущее социального обеспечения // Пенсия. – 2019. – № 2. – С. 60–62.
6. Федорова М. Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования : монография. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2003. – 382 с.
7. Комментарий к законодательству о страховых взносах и пенсиях / отв. ред. Ю. В. Воронин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 1088 с.
8. Азарова Е. Г., Кондратьева З. А. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Чирков С. А. Нестраховые периоды в системе обязательного пенсионного страхования. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Сивакова И. В. Трансформация категориальной определенности страхового стажа в условиях развития пенсионного страхования // Социальное и пенсионное право. – 2017. – № 1. – С. 15–20.
11. Чирков С. А. Актуальные вопросы досрочного назначения страховой пенсии лицам, имеющим длительный страховой стаж // Пенсия. – 2018. – № 12. – С. 16–27.
12. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г., Севостьянова В. Б. Комментарий к новому пенсионному законодательству (постатейный комментарий к Федеральным законам «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»). – М. : ТК Велби, 2002. – 336 с.
13. Чирков С. А. Об уточнении правил подсчета и подтверждения страхового стажа в 2017 году. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Агашев Д. В. Стаж как элемент отраслевого механизма правового регулирования в российском праве социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. – 2017. – № 2. – С. 15–19.
15. Шушков В. В. Добровольное вступление в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию // Финансы и кредит. – 2007. – № 16 (256). – С. 59–67.
16. Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовой механизм управления социальными рисками : монография. – Екатеринбург : Изд-во УИУ РАНХиГС, 2018. – 240 с.

Информация об авторе

Курченко Олег Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и социального права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: olegpost2001@mail.ru

SPIN-код: 7480-6188, Author ID: 1052946

Информация о статье

Дата поступления – 6 октября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Курченко О. С. Добровольное участие в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию: проблемы правоприменения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 67–79. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(3).67-79.

VOLUNTARY PARTICIPATION IN LEGAL RELATIONS ON COMPULSORY PENSION INSURANCE: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

O.S. Kurchenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The history of the development of the institution of voluntary entry into legal relations on compulsory pension insurance in Russian legislation has almost 20 years. Nevertheless, the analysis of the legal norms regulating voluntary participation in the compulsory pension insurance system, in their relationship with other provisions of pension legislation, reveals a set of problems that require theoretical understanding.

Purpose. The purpose of this article is to summarize the experience of legislative regulation of relations on voluntary participation in the Russian compulsory pension insurance system, the practice of applying relevant legal norms and the formulation of proposals for their improvement. **Methodology.** Formal-legal and comparative-legal research methods were used to achieve these goals. **Results.** Periods of payment of voluntary insurance contributions for compulsory pension insurance are to be included in the insurance record, however, the place and significance of such periods in the insurance record are characterized by insufficient certainty. A significant number of theoretical and practical issues are caused by legal norms that establish the minimum and maximum amounts of insurance contributions paid on a voluntary basis. These issues are related both to the validity of the such values and their impact on the amount of pension rights acquired. **Conclusion.** The resolution of the issues by the efforts of the legislator and the bodies applying the law, it seems, can contribute to increasing the degree of demand for voluntary participation in the compulsory pension insurance system for persons not covered by this system.

Keywords: insured person; insurance experience; the right to an insurance pension; payment of voluntary contributions periods; minimum and maximum amount of insurance contributions; individual pension coefficient; additional insurance contributions for a funded pension.

REFERENCES

1. Kurtin A.V. Features of Modern national labor markets and changes in pension systems of Eurasian countries (on the example of the Russian Federation). *Pensiya = Pension*, 2017, no. 7, pp. 47-58. (In Russ.).
2. Roik V.D. Retirement age and modernization of pension systems: domestic and foreign experience. Moscow, Yurait Publ., 2018. 336 p. (In Russ.).
3. Vasilyeva Yu.V., Shuraleva S.V. On the Formation and Current Status of the Paradigms of Russian Labor Law and Social Security Law. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, iss. 41, pp. 454-477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477. (In Russ.).
4. Voronin Yu.V., Stolyarov A.V., Tuchkova E.G. On the issue of developing a new social contract. *Social'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2020, no. 1, pp. 3-8. (In Russ.).
5. Machul'skaya E.E. Universal social protection – the future of social security. *Pensiya = Pension*, 2019, no. 2, pp. 60-62. (In Russ.).
6. Fedorova M.Yu. *Theoretical problems of legal regulation of social insurance*. Omsk, Omsk State University Publishing House, 2003. 382 p. (In Russ.).
7. Voronin Yu.V. (ed.) *Commentary on the legislation on insurance contributions and pensions*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2012. 1088 p. (In Russ.).
8. Azarova E.G., Kondrat'eva Z.A. Article-by-article commentary on the Federal Law "On Labor Pensions in the Russian Federation". Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
9. Chirkov S.A. *Non-insurance periods in the compulsory pension insurance system*. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
10. Sivakova I.V. Transformation of Categorical Determination of Experience in Terms of Pension Insurance Development. *Social'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2017, no. 1, pp. 15-20. (In Russ.).
11. Chirkov S.A. Topical issues of early appointment of an insurance pension to persons with long insurance experience. *Pensiya = Pension*, 2018, no. 12, pp. 16-27. (In Russ.).
12. Zaharov M.L., Tuchkova E.G., Sevost'yanova V.B. Commentary on the new pension legislation (article-by-article commentary on the Federal Laws "On Labor Pensions in the Russian Federation", "On State Pension provision in the Russian Federation". Moscow, Velbi LLC Publ., 2002. 336 p. (In Russ.).
13. Chirkov S.A. *On clarifying the rules for calculating and confirming insurance experience in 2017*. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
14. Agashev D.V. Tenure as Element of Branch Mechanism of Legal Regulation in the Russian Social Security Law. *Social'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2017, no. 2, pp. 15-19. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).

15. Shushkov V.V. Voluntary entry into legal relations on compulsory pension insurance. *Finansy i kredit = Finance and credit*, 2007, no. 16 (256), pp. 59-67. (In Russ.).
16. Istomina E.A., Fedorova M.Yu. *Legal mechanism of social risk management*. Ekaterinburg, Ural Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2018. 240 p. (In Russ.).

About the author

Kurchenko Oleg – PhD in Law, Associate Professor at the Department of Labour and Social Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: olegpost2001@mail.ru

SPIN-code: 7480-6188, Author ID: 1052946

Article info

Received – October 6, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Kurchenko O.S. Voluntary Participation in Legal Relations on Compulsory Pension Insurance: Problems of Law Enforcement. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 67-79. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).67-79. (In Russ.).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 80–89.

УДК 343

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).80-89

ПРЕСТУПНЫЕ СООБЩЕСТВА В ЯПОНИИ

М. П. Клеймёнов¹, М. Г. Козловская²

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия,
Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

² Прокуратура Омской области, г. Омск, Россия

Введение. Япония является единственной страной в мире, где за преступными сообществами признаётся право на существование и они легализованы. **Методология.** Изучение преступных сообществ в Японии опирается на сравнительно-исторический, системный, культурологический и криминологический подходы. **Цель.** Установить особенности преступных сообществ и их место в системе власти в Японии. **Результаты.** Преступным сообществам в Японии, во-первых, поручено осуществление контроля над неорганизованной преступностью. Во-вторых, преступные сообщества используются как для прямого (с использованием насилия) подавления профсоюзного движения, так и для его подмены лжепрофсоюзными организациями. В-третьих, якудза делегировано исполнение роли хранителей самурайских традиций как части культурного наследия Японии. В-четвёртых, якудза призваны укреплять идеал японской семьи как единицы политической системы, в которой предпочтение отдаётся иерархии власти, а не родственным отношениям. В-пятых, якудза принимают активное участие в формировании идеологии японцев в духе крайнего правового патриотизма. В-шестых, преступные сообщества являются спонсорами правящих партий. В-седьмых, якудза выступают связующим звеном в контактах между политиками и бизнесменами. В-восьмых, преступные сообщества используются в качестве «силового гаранта» сопровождения коммерческих сделок, обеспечивая «теневую правопорядок». В-девятых, якудза занимаются нелегальным и криминальным бизнесом, который закономерно встроен в капиталистическую систему, и в этом смысле занимают ту нишу капитализма, которая составляет его чёрную сторону и без которой он существовать не может. **Заключение.** Борёкудан (якудза) – криминальные объединения, использующие насилие, являются составной частью японской системы власти. В этой системе якудза выполняют множество функций. Бизнес якудза, названный инфильтрационным, характеризует те сферы предпринимательской деятельности, куда проникли преступные сообщества и стали их неотъемлемой частью. Это сферы банкротства, погашения долгов, аренды, урегулирования споров, реализации прав акционеров, кредитования.

Ключевые слова: преступные сообщества; организованная преступность; борёкудан; якудза; японская система власти.

1. Введение

Япония является единственной страной в мире, где за преступными сообществами признаётся право на существование, и поэтому они легализованы. Это уникальная ситуация, и, конечно, она не могла пройти мимо внимания зарубежных криминологов. По мнению Куртиса Милхаупта и Марка Веста, Япония служит чрезвычайно плодотворной почвой для теоретического и эмпирического исследования организованной преступности, поскольку здесь легко установить связь меж-

ду легальными и нелегальными институтами: транзитивная экономика обеспечивается высокой активностью криминальных сетей. Члены организованной преступности играют видную роль в обеспечении поставок для производственных отношений, силового инструментария в механизме медиации, при оценке имущества в мониторинге деятельности корпораций и даже в контроле над преступностью. В то же время организованная преступность в Японии характеризуется опережающей самобытностью [1, с. 44].

2. Методология

Методология изучения преступных сообществ в Японии опирается на сравнительно-исторический, системный, культурологический и криминологический подходы.

3. Кодекс самураев – визитная карточка преступных сообществ в Японии

Самобытность организованной преступности в Японии во многом определяется историей и культурным своеобразием этой страны, сформировавшимся за многие века национальным менталитетом, «особым духом Страны восходящего солнца». В историческом плане важно учесть, что долгое время (вплоть до буржуазной революции Мэйдзи 1868 г.) страна находилась в самоизоляции, поэтому причины возникновения организованной преступности следует искать во внутренних факторах. Среди их множества наиболее криминогенными выступают постоянные межклановые войны, обострившиеся в эпоху сёгуната (XII–XIX вв.) и вовсе не закончившиеся во время правления сёгуната Токугавы (XVII–XIX вв.), который контролировал только четвертую часть территории страны [2]. Именно эти межклановые войны, конфликты и стычки обусловили появление сословия профессиональных воинов (самураев) с выработкой правил боевой подготовки и этическим кодексом.

В кодексе самураев (Бусидо – «путь воина») есть множество наставлений: о семейном долге, родственниках, бережливости, снаряжении, учтивости, красноречии, выборе друзей, вреде злословия, снаряжении, правилах поведения воина, готовности к бою и др. [3]. С точки зрения нравственности самураи наиболее поучительны три раздела: о правильных и неправильных поступках; чести и славе; самопожертвовании. Правильные и неправильные поступки средневековой самурай Тайра Шигесуке предлагает оценивать с точки зрения совести, которая помогает различать добро и зло [3, с. 66–72]. Честь воина – в его доблести, верности своему господину и готовности принять геройскую смерть. «Трус, расстающийся с жизнью, как с самым ценным своим достоянием, не достоин сожаления, а только презрения, – и нет ничего более позорного для воина и печального для его семьи, чем такая бесславная смерть» [3, с. 131]. Мысль

о славной смерти как награде за достойную жизнь должна постоянно сопутствовать самураю. Такова смерть от ритуального самоубийства – харакири, но прежде чем его совершить, надлежит изловить врага своего господина и расправиться с ним – заколоть или отрубить ему голову. «После исполнения казни надлежит самураю немедленно исполнить свой долг и воспользоваться привилегией, совершив сэппуку – обряд древний и очистительный. И не будет тогда расследования строгого и пристрастного, не ляжет позор на господина вашего. И воцарится мир в хижинах убогих и замках богатых» [3, с. 213].

Таким образом, справедливость, верность своему господину и презрение к смерти – вот главные ценности, провозглашаемые кодексом самураев. И эти ценности стали девизом борёкудан – объединений, использующих насилие, лидеры и члены которых считают себя наследниками и продолжателями славных самурайских традиций. В энциклопедии «Британика» указано, что термин «борёкудан» принят японскими официальными лицами в конце XX в., чтобы служить заменой термину «якудза» («ни на что не годный»), который приобретал всё более позитивные коннотации в Японии. Члены борёкудан продолжают называть себя «якудза» или «гангу» (гангстерами), следуют самурайским традициям и наносят сложные татуировки на тело¹. «Перед церемонией вступления в наследование верховной власти в организации я составил три принципа жизни и деятельности якудза. Они потом сделались основополагающими для всех, кто входит в наш мир, – написал босс (кумитё) самого крупного преступного сообщества в Японии «Ямагути гуми» Кадзуо Таока в своих опубликованных мемуарах. – Во-первых, иметь профессию (легализоваться). Во-вторых, получать по заслугам и сполна нести ответственность за ошибку или отступничество. В-третьих, подобно Бандзуйин Тёбэю и Дзиротё из Симидзу, стоять на стороне народа, даже если это потребует выступления против властей» (цит. по: [4, с. 43]).

4. Место преступных сообществ в Японии в системе власти

Как поясняют исследователи японской организованной преступности, термин «якудза» возник в среде профессиональных кар-

тёжников (бакуто) и означает наихудшую комбинацию цифр в картежной игре «ойтёкабу» (8 – Я, 9 – Ку и 3 – Дза), которая означает проигрыш. Происхождение якудза связывают также с бродячими торговцами (тэкия) и городскими стражами (мати-ёкко)². Такая версия представляется довольно поверхностной, как и утверждение, что группировки *бакуто* и *тэкия* полнились *ронинами* – самураями, потерявшими своих сюзеренов (даймё) [5, с. 447–449]. Они не учитывают сложного характера японского общества, характеризуя организованную преступность в привычной манере – как антипод государству. Если это верно по отношению к миру Запада, то принципиально неверно по отношению к Японии. Это доказал Карел ван Вольферен в своей глубокой аналитической работе о Японии «Загадка власти в Японии: народ и политика в безгосударственной нации» [2].

Карел ван Вольферен отмечает, что в Японии нет государства в общепринятом понимании этого слова, а есть система власти. Она исторически сложилась так, что здесь нет социальной группы или слоя, стоящих над всеми остальными. Ныне наиболее влиятельные группы включают определённых министерских чиновников, некоторые политические клики и кучки бюрократов-бизнесменов. Есть ещё много менее значимых групп, таких как сельскохозяйственные кооперативы, полиция, пресса и гангстеры. Все они – составные части системы. Устойчивость системы обеспечивается воспитанием японцев в сознании, что их жизнь во многом устраивается другими. Почти всем совместным мероприятиям, будь то школьные вечера или осмотр цветущих вишен, предшествует кропотливая подготовка, и сценарий их проведения соблюдается столь неукоснительно, что внешний наблюдатель видит прежде всего их заорганизованность, убивающую всякое веселье. «То, что верно в отношении отдельно взятого японца, – что он ведёт себя так, будто постоянно в точности знает, какое пространство ему предназначено, – в общем верно и в отношении японских организаций», – утверждает К. Вольферен [2, с. 5, 53].

Собственную социальную нишу занимают якудза. «Самый поразительный пример того, как система использует группы аутсайдеров для своих целей, – это связи между по-

лицией и преступными бандами. В Японии имеется процветающий и весьма романтизированный преступный мир, включающий примерно 100 тысяч гангстеров, именуемых якудза» [2, с. 100].

Системе якудза, во-первых, поручено осуществление контроля над неорганизованной преступностью. Ещё при сёгунате Токугавы чиновники, ведавшие поддержанием общественного порядка, проявили себя мастерами прагматического правления: исходя из того, что с преступностью никогда не удастся полностью разделаться, они решили свести к минимуму неорганизованную преступность, используя против неё организованные преступные группы. В те времена преступность сосредоточивалась на Токайдо, знаменитой дороге между Киото и Эдо (ныне Токио), использовавшейся знатными людьми, которые постоянно становились жертвами нападений разбойничьих шаяк и различного рода грабителей. Самым простым решением для сёгунских чиновников было возложить поддержание порядка на этой дороге на группы тёмных элементов, занимавшихся организацией подпольных азартных игр и проституции [6].

Во-вторых, якудза используются как для прямого (с использованием насилия) подавления профсоюзного движения, так и для его подмены лжепрофсоюзными организациями. Гангстеры могут использоваться для подавления любого инакомыслия.

В-третьих, якудза делегировано исполнение роли хранителей самурайских традиций как части культурного наследия Японии. «Фильмы о якудза, подобно самурайским фильмам, романтизируют традиционную мужественность вымышленного военного прошлого. В реальной жизни якудза, особенно старшего поколения, считают, что они и в самом деле стоят на страже традиций. “Чисто” японское поведение на экране действительно отражается на поведении представителей организованной преступности, которым нравятся эти фильмы» [2, с. 101].

В этом содержится определённое противоречие, поскольку, по данным криминологических исследований, основная масса членов японских преступных сообществ – это баракумины [7, с. 9], которые в Японии традиционно признавались социальными марги-

налами. Кроме того, среди якудза много корейцев (от 10 до 30 %) [8, с. 244]. Складывается парадоксальная ситуация: самурайские традиции олицетворяют маргиналы и корейцы. Это противоречие, как справедливо отмечает Джефф Кингстон, указывает на то, что символичность и традиционность в Японии являются показными и фактически они сведены на нет в современных условиях развития капитализма [8, с. 229].

В-четвёртых, якудза призваны укреплять идеал японской семьи (нэ) как единицы политической системы, в которой предпочтение отдаётся иерархии власти, а не родственных отношений. «Показательно, что режим Токугавы выделил нэ как основной строительный блок своей политической системы. Фактически она стала корпорацией, члены которой не имели права собственности и были обязаны подчиняться формально признанной власти. Такими путями традиционная семья, которая в Китае могла существовать как противовес государству, в Японии была поглощена государством» [8, с. 52]. Это выражено в самой структуре преступных кланов, которая носит название «оябун-кобун» (табл. 1).

Таблица 1
Структура японского преступного сообщества

Table 1

Structure of the Japanese criminal community

Уровень	Наименование
Лидер (глава семьи)	Кумитё (оябун)
Старший консультант	Сайко комон
Начальник штаба	Со-хонбутё
Юриисконсульт	Сигиин
Бухгалтер	Кайкэй
Куратор нескольких кланов семьи	Вакагасира
Руководитель отдельного клана семьи	Сятэйгасира
Старший брат	Кёдай
Младший брат	Сятэй
Рядовой гангстер	Дэката (кобун)
Новичок	Кумиин
Стажер	Сансита

Источник: Kaplan D. E., Dubro A. *Yakuza: Japan's Criminal Underworld*. – Berkeley : University of California Press, 2003. – 400 p.

«Оябун» означает личность со статусом «оя» (родитель), «кобун» – личность со статусом «ко» (ребёнок). «Оябун» – глава объединения, «кобун» – все остальные его члены [9, с. 15]. В действительности организационная структура японских преступных сообществ более сложная, о чём будет сказано ниже, но семейный принцип её построения остаётся незыблемым.

В-пятых, якудза принимают активное участие в формировании идеологии японцев в духе крайне правового патриотизма. Отсюда демонстративная благотворительность преступных сообществ во время общенациональных событий, широко освещаемая средствами массовой информации. Например, якудза оказали огромную помощь при минимизации последствий фукусимской трагедии [10, с. 51–70].

Кроме того, якудза являются собой красноречивый пример формирования японского менталитета, который лишён мировоззренческих основ. К. ван Вольферен отмечает: «Одна из причин, по которой Япония относительно легко вошла в современный индустриальный мир, в отличие от Китая и других азиатских стран, заключается в самом отсутствии каких-либо твердых принципов, основанных на трансцендентальных представлениях, поскольку такие принципы мешают адаптироваться к крупным переменам. Не было ни интеллектуального, ни морального сопротивления, достаточно сильного, чтобы воспрепятствовать влиянию многих новых идей, в которых страна нуждалась для своей модернизации» [2, с. 242]. Иначе говоря, японцы не только могут говорить одно, а делать другое, они легко меняют образ мыслей. Это воспринимается совершенно естественно, поскольку прагматизм в японском менталитете выше мировоззренческих основ и нравственных принципов.

В-шестых, преступные формирования давно являются спонсорами правящих партий, и это стало недоброй традицией Японии [11].

В-седьмых, якудза выступают связующим звеном в контактах между политиками и бизнесменами, поскольку они хорошо осведомлены о дзиммяку (личных связях, в том числе порочащих) тех и других. «Бюрократ без хорошего дзиммяку не может подняться

на большие высоты», – пишет К. ван Вольферен [2, с. 110–111].

В-восьмых, якудза используются в качестве «силового гаранта» сопровождения коммерческих сделок, обеспечивая «теневой правопорядок» [1, с. 44–45], а по существу, выполняя функции криминальной юстиции – часто более эффективной, чем юстиция легальная.

В-девятых, якудза занимаются нелегальным и криминальным бизнесом, который закономерно встроен в капиталистическую систему, и в этом смысле занимают ту нишу капитализма, которая составляет его чёрную сторону и без которой он существовать не может.

5. Криминальный бизнес преступных сообществ

Криминальный бизнес якудза имеет два основных течения своего развития: а) обычный – находящийся в тренде транснациональной организованной преступности; б) инфильтрационный – проникающий в различные сферы легальной экономики.

Обычный криминальный бизнес – это торговля людьми (проституция, порнография, трансферы «живого товара», организация незаконной миграции), наркобизнес, рэкет, игровой бизнес.

Мозн Дарелл в статье «Сексуальное рабство в Японии сегодня» приводит интервью тайландки, которая, соблазнившись на щедрые посулы вербовщиков, попала в Японию в возрасте 17 лет. Из аэропорта её сразу привезли к «маме-сан», объявившей о долге в 3 млн иен, которые придётся отработать. «Отрабатывала» этот долг женщина в течение пяти лет, принимая еженедельно 10–12 клиентов, среди которых часто встречались извращенцы. Японии она не видела, поскольку находилась в заточении, все передвижения осуществлялись под конвоем «охраны». Домой она вернулась без гроша в кармане. В этой же статье приводятся данные о существовании в Японии детской проституции [12].

Якудза организуют «секс-туры» в зоны мирового секс-туризма (одной из них является Таиланд), поставку «живого товара» в Японию (в том числе из России), обеспечивают «секс-эскортами» состоятельных японцев в их деловых или развлекательных поездках, создают «социальные порно-сети». Как утверждает американский исследователь транснациональной организованной пре-

ступности Салли Стокер, якудза при этом работают под прикрытием легальных фирм: «Кокусай Коджио 21» (официальный вид деятельности – консультационные услуги легальным мигрантам), «Зенгейрен» (ассоциация работодателей в сфере развлечений), «Кейюкай» (оказание детективных услуг) [13]. Последняя фирма состоит из полицейских, ушедших на пенсию, и это вызывает особую тревогу, указывая на тесную связь якудза и полиции, практически имеющих один и тот же менталитет [4, с. 40–45].

Что касается наркобизнеса, то Япония пережила бум потребления психостимуляторов в 1951–1955 гг. Позднее – вплоть до настоящего времени – японцы стали потреблять также героин, кокаин и марихуану, однако стимуляторы (метамфетаминовой группы) остаются наиболее популярным наркотиком [14, с. 876; 15, с. 966; 16]. Понятно, что японская организованная преступность в контакте с транснациональными преступными организациями стала активно поставлять и продавать наркотические средства. При этом активность членов японских преступных сообществ в этом направлении стабильно высока. В 2014 г. за преступления, связанные с наркотиками, было арестовано 13 120 членов борёкудан, в 2015 г. – 13 524, в 2016 г. – 13 411, в 2017 г. – 13 544, в 2018 г. – 13 862. Полиция признаёт, что именно преступные синдикаты организуют это направление криминального бизнеса³.

Традиционная статья дохода организованной преступности в любой стране – организованное вымогательство (рэкет) – закономерно присутствует и в деятельности борёкудан. Рэкету подвергаются рестораны, бары, массажные салоны, игорные заведения – вся инфраструктура развлечений. В целом можно констатировать, что участие якудза практически во всех видах криминальной деятельности позволяет им успешно её диверсифицировать и акцентировать внимание на тех сферах, которые в данное время дают наибольшую прибыль. Цели получения сверхприбыли от криминальных операций соответствует и многозвенная типичная структура преступного сообщества. Она представлена в табл. 1. Такая структура позволяет сочетать иерархический принцип организации сообщества с сетевым принципом его деятельности.

В то же время в структуре активности якудза доля чисто криминальной деятельности внутри Японии снижается⁴. Такая тенденция обусловлена, с одной стороны, их интересом к транснациональной преступности. Как справедливо отмечает Н. А. Морозов, якудза начинает всё шире выходить на международную арену. Впрочем, иначе и быть не может, учитывая свойство японского менталитета быстро приспосабливаться к меняющейся обстановке в чисто прагматических интересах².

С другой стороны, якудза успешно проникают в легальную сферу предпринимательской деятельности. Они хорошо оценивают соотношение прибыли и рисков и понимают, что эти оценки не в пользу чисто криминального бизнеса.

Бизнес якудза, названный инфильтрационным, характеризует те сферы предпринимательской деятельности, куда проникли преступные сообщества и стали их неотъемлемой частью. Это сферы:

– банкротства (в которой представители от якудза (далее – ПЯ), называемые *сейрия*, обеспечивают порядок выплат кредиторам);

– погашения долгов (здесь ПЯ именуется в зависимости от выполняемой роли: если они помогают получить долги, их называют *ториатея*, а если избавиться от долгов – *ёнигея*);

– аренды (как и в предыдущем случае ПЯ могут представлять интересы арендодателя (*дзигея*) или арендатора (*анаатоя*));

– урегулирования споров – осуществления третейских функций (*дзидания*);

– реализации прав акционеров (*сокайя*);

– финансового обслуживания – ростовщичества (*саракин*) [1, с. 71].

Их роли в принципе понятны, за исключением *сокайя*, которых часто характеризуют как вымогателей, действующих в отношении корпораций [9, с. 35–37]. Это не в полной мере соответствует действительности, поскольку *сокайя* действуют на легальном поле, показывая, что у миноритарных акционеров в Японии есть права. Кроме того, деятельность *сокайя* свидетельствует о том, что у любой корпорации в Японии есть своя «тайная история», которую они пытаются тщательно скрыть от внимания общественности: репутационные потери в этой стране оцениваются очень дорого.

6. Тенденции развития преступных сообществ

Занимая «теневую» нишу в легальном бизнесе, связанную с выполнением более или менее «грязной работы», якудза на этом не останавливаются и идут дальше, легализуясь уже в полной мере в определённых секторах экономики. Так, их активность в схемах выселения арендаторов жилых помещений закономерно привела к захвату ими строительной индустрии: в настоящее время им принадлежит значительная доля строительного рынка. И можно выразить уверенность, что такая тенденция имеет долгосрочную перспективу. Японские гангстеры уверенно обосновались на Фукусимской АЭС и успешно осваивают бюджетные средства, постоянно выделяемые правительством для устранения последствий катастрофы 2011 г. [7, с. 10–15].

С нашей точки зрения, главная тенденция развития японской организованной преступности выражается в её стремлении раствориться в легальном бизнесе. В пользу правильности такого суждения говорят материалы табл. 2.

Из таблицы хорошо видна устойчивая тенденция снижения численности членов борёкудан. Если учесть, что в начале 1960-х гг. она составляла около 180 000 человек, то этот тренд становится ещё более очевидным. Характерна также тенденция исчезновения некоторых организаций преступного сообщества (по данным НАП Японии, в обозримый период, кроме «Кокую-кай» и «Кюсю Сеидо-кай», исчезли «Кудоренга Кусано-икка», «Яmano-кай», Кёкуто Сокурай-Соке-Ренго-кай», «Нидаиме Даинхон Хейва-кай» с численностью от 100 до 600 человек) и появления новых («Номикава-кай», «Канто Секинегуми»), наблюдается раскол самой крупной организации преступного сообщества борёкудан – «Ямагути-гуми». Вместо одной организации появилось три: «Ямагути-гуми (Рокудаймё)», «Кобе Ямагути-гуми», «Нинкё Ямагути-гуми». Первый раскол «Ямагути-гуми», ведущей свою историю с 1915 г., произошёл в год её столетнего юбилея – в августе 2015 г. (тогда образовалась «Кобе Ямагути-гуми»), а второй – в апреле 2017 г., когда Есинори Ода, младший босс Кобе Ямагути-гуми, создал «Нинкё (Дантай) Ямагути-гуми», или в свободном переводе «гуманитарную

**Число зарегистрированных членов преступных сообществ в Японии
в 1995, 2010, 2013, 2018 гг., абс.**

Table 2

**Number of registered members of criminal communities in Japan
in 1995, 2010, 2013, 2018, abs.**

№ n/n	Наименование организации	Главный офис	Год			
			1995	2010	2013	2018
1	Ямагути-гуми (Рокудаймё)	Хиого	18 300	19 000	13 100	4 400
2	Инагава-кай	Токио	5 600	4 700	3 700	2 200
3	Сумиеси-кай	Токио	6 700	6 100	5 000	2 800
4	Кудо-кай	Фукуока	–	690	590	300
5	Гокюрю-кай	Окинава	310	270	520	320
6	Окинава Кекурю-кай	Окинава	470	370	–	–
7	Айсюкокетсю-кай	Киото	1 300	470	280	40
8	Кусей-кай	Хиросима	300	290	230	140
9	Года-икка	Ямагучи	–	160	150	70
10	Кодзакура-икка	Кагосима	–	100	70	60
11	Асано-гуми	Окинава	130	130	110	70
12	Додзин-кай	Фукуока	500	840	720	480
13	Синва-кай	Кагава	80	70	50	40
14	Соаи-кай	Сибя	400	230	210	140
15	Киодо-кай	Хиросима	200	180	140	80
16	Таисю-кай	Фукуока	120	170	160	90
17	Сакэуме-гуми	Осака	340	110	60	30
18	Кекуто-кай	Токио	2 000	1 200	920	520
19	Адзума-гуми	Осака	180	170	170	130
20	Матсуба-кай	Токио	1 800	1 200	990	420
21	Фукухакю-кай	Фукуока	–	300	240	110
22	Кюсю Сеидо-кай	Фукуока	–	380	340	–
23	Номикава-кай	Фукуока	–	–	–	210
24	Кобе Ямагути-гуми	Хиого	–	–	–	1 700
25	Нинкё Ямагути-гуми	Хиого	–	–	–	400
26	Канто Секине-гуми	Ибараки	–	–	–	130
27	Кокусю-кай	Токио	580	–	–	–
Всего			37 510	35 760	27 750	14 880

Примечание. Составлено по: Белая книга полиции Японии 1997. – URL: <http://www.law.edu.ru/script/cntsource>; White Paper on Police 2011. – URL: <http://www.npa.go.jp/english/index.htm>; Police on Japan 2014. – URL: <http://www.npa.go.jp/english/index.htm>; White Paper on Police 2019. – URL: <http://www.npa.go.jp/english/index.htm> (дата обращения: 29.08.2021).

Ямагути-гуми». Ода дал интервью, опубликованное в еженедельном журнале FLASH, в котором заявил, что он хотел бы реализовать план преобразования своей организации в Полицию безопасности, которая могла бы защитить японских граждан, работающих за границей. Он в полной мере понимает сложившуюся ситуацию: якудза должна быть законной, чтобы выжить⁵. И это только одно

из многочисленных интервью Ода, в которых он объявляет о «перестройке» криминального подполья Японии и заявляет, что его организация открыта для всех якудза, которые готовы отказаться от насилия и стать полезными членами общества. Впрочем, полиция считает «бандитскую перестройку», ведущую к появлению нового типа организованной преступности – гангстеров с социальной ответствен-

ностью, тактической уловкой⁶. С нашей точки зрения, это не просто тактическая уловка, а выражение глубинных процессов, происходящих в японской системе власти, частью которой, как отмечалось, являются якудза. Такие процессы, по всей видимости, преследуют цель вторичной легализации японской организованной преступности с делегированием ей определённых функций силового содержания, от которых официальные политические круги желают дистанцироваться.

7. Заключение

1. Борёкудан (якудза) – объединения, использующие насилие, являются составной частью японской системы власти. В этой системе якудза выполняют множество функций.

2. Типичная структура преступного сообщества позволяет сочетать иерархический принцип организации с сетевым принципом его деятельности.

3. Якудза успешно проникают («просачиваются») в легальную сферу предпринимательской деятельности. Они хорошо оценивают соотношение прибыли и рисков и понимают, что эти оценки не в пользу «чисто» криминального бизнеса. Бизнес якудза, названный инфильтрационным, характеризует те сферы предпринимательской деятельности, куда проникли преступные сообщества и уже стали их неотъемлемой частью. Это сферы банкротства, погашения долгов, аренды, урегулирования споров, реализации прав акционеров, кредитования.

4. Главная тенденция развития японской организованной преступности выражается в её стремлении «раствориться» в легальном бизнесе. Этот процесс преследует цель вторичной легализации японской организованной преступности в системе японской власти с делегированием ей определённых функций силового содержания, от которых официальные политические круги желают дистанцироваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борёкудан. Японская организованная преступность. – URL: <http://www.britannica.com> (дата обращения: 15.08.2021).

² Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – С. 158.

³ Organized Crime Department of NPA of Japan. – URL: <http://www.npa.go.jp> (дата обращения: 15.08.2021).

⁴ Rankin A. 21st-Century Yakuza: Recent Trends in Organized Crime in Japan // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2012. – Vol. 10, iss. 7, № 2. – URL: <https://apjff.org/2012/10/7/Andrew-Rankin/3688/article.html> (дата обращения: 23.08.2021).

⁵ Adelstein J. Why One Of Japan's Largest Organized Crime Groups Is Looking For Legitimate Work // Forbes. – 2017. – 2 oct. – URL: <https://forbes.com...adelsteinjake/2017/10/02...legitimate...> (дата обращения: 23.08.2021).

⁶ Мануков С. Круг смерти // Коммерсант. – 2017. – 10 дек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Milhaupt C. J., West M. D. The Dark Side of Private Ordering: An Institutional and Empirical Analysis of Organized Crime // The University of Chicago Law Review. – 2000. – Vol. 67, № 1. – P. 41–98.
2. Wolfereen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. – London : Macmillan London Ltd, 1989. – 496 p.
3. Клири Т. Кодекс самурая. Современный перевод «Бусидо Сосинсю» Тайра Шигесуке. – Ростов н/Д. : Феникс, 2001. – 224 с.
4. Цветов В. Я. Мафия по-японски. – М. : Политиздат, 1985. – 65 с.
5. Макарова Н. Н. Бандформирования всех стран мира. – М. : Литература, 1997. – 639 с.
6. Вольферен К. ван. Загадка власти в Японии: народ и политика в безгосударственной нации. Реферативное изложение Л. Ф. Блохина // Русский исторический журнал. – 1999. – Т. 2, № 1. – С. 205–273.
7. Ramseyer M. J. Nuclear Power and the Mob: Extortion and Social Capital in Japan // Washington University Global Studies Law Review. Discussion Paper No. 817. – 2015. – Mar. – 36 p.
8. Kingston J. Contemporary Japan: History, Politics and Social Change since the 1980s. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – 324 p.
9. Иванов А. М. Организованная преступность и борьба с ней в Японии. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. – 188 с.
10. Mihic T. Re-imagining Japan after Fukushima. – Canberra : ANU Press, 2020. – 174 p.
11. Коробеев А. И., Морозов Н. А. Особенности современной организованной преступности в Японии // Всероссийский криминологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 159–164.
12. Moen D. Sex Slaves in Japan Today // Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 2012. – Vol. 44, № 2. – P. 35–53.

13. *Стокер С.* Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией. – 2008. – № 2. – С. 29–34.
14. *Friman R.* The United States, Japan and the International Drug Trade: Troubled Partnership // *Asian Survey*. – 1991. – Vol. 31, № 9. – P. 875–890.
15. *Friman R.* Gaijinhanzai: Immigrants and Drugs in Contemporary Japan // *Asian Survey*. – 1996. – Vol. 36, № 10. – P. 964–977.
16. *Konsberg M.* Methamphetamine Solution: Drugs and the Reconstruction of Nation in Postwar Japan // *The Journal of Asian Studies*. – 2013. – Vol. 72, № 1. – P. 141–162.

Информация об авторах

Клейменов Михаил Петрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского; профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: klim798@mail.ru

SPIN-код: 4431-6452, AuthorID: 596245

Козловская Маргарита Германовна – помощник
прокурора Одесского района Омской области

Прокуратура Омской области

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kaf-up-310@mail.ru

SPIN-код: 6145-7289, AuthorID: 1086028

Информация о статье

Дата поступления – 1 октября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Клейменов М. П., Козловская М. Г. Преступные сообщества в Японии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 80–89. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).80-89.

CRIMINAL COMMUNITIES IN JAPAN

M. P. Kleymenov¹, M. G. Kozlovskaya²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

² Prosecutor's Office of the Omsk region, Omsk, Russia

Introduction. Japan is the only country in the world where the right to exist is recognized for criminal societies and therefore they are legalized. **Methodology.** The methodology of studying criminal communities in Japan is based on comparative-historical, systemic, cultural, and criminal-legal approaches. **Purpose.** To establish the features of criminal communities and their place in the System of power in Japan. **Results.** First, the criminal communities are entrusted with the implementation of the control over unorganized crime. Secondly, criminal communities are used both for direct (with the use of violence) suppression of the trade union movement, and for its replacement by false trade union organizations. Thirdly, the Yakuza delegated the role of guardians of samurai traditions as part of the cultural heritage of Japan. Fourth, the Yakuza are designed to strengthen the ideal of the Japanese family as a unit of the political system, in which the hierarchy of power is given preference, rather than family relations. Fifth, the Yakuza take an active part in shaping the ideology of the Japanese in the spirit of extreme legal patriotism. Sixth, criminal communities are sponsors of the ruling parties. Seventh, the yakuza act as a link in contacts between politicians and businessmen, and eighth, the yakuza are used as a "power guarantor" for supporting commercial transactions, providing "shadow law and order". Ninth, the Yakuza are engaged in illegal and criminal business, which is naturally embedded in the capitalist system, and in this sense they occupy the niche of capitalism that constitutes its black side and without which it cannot exist. **Conclusion.** Borekudan (yakuza) – associations that use violence are an integral part of the Japanese System of power. In this System, the Yakuza perform many functions. The Yakuza business, called infiltration, characterizes those areas of entrepreneurial activity where criminal societies have penetrated and have already become an integral part of them. These are the areas of bankruptcy, debt

repayment, lease, dispute settlement, exercise of shareholders' rights, and lending. The main trend in the development of Japanese organized crime is expressed in its desire to "dissolve" in legal business.

Keywords: criminal communities; organized crime; boroku-dan; Yakuza; the Japanese system of power.

REFERENCES

1. Milhaupt K.J., West M.D. The dark side of the private order: An institutional and empirical analysis of organized crime. *Law Review of the University of Chicago*, 2000, vol. 67, no. 1, pp. 41-98.
2. Wolferen K. van. *The riddle of Japanese power: people and politics in a country without citizenship*. London, Macmillan London Ltd, 1989. 496 p.
3. Cliri T. *The Code of the Samurai. A modern translation of "Bushido Sosinshu" by Taira Shige-suke*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2001. 224 p. (In Russ.).
4. Tsvetov V.Ya. *Mafia in Japanese*. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 65 p. (In Russ.).
5. Makarova N.N. *Gangs of all countries of the world*. Moscow, Literatura Publ., 1997. 639 p. (In Russ.).
6. Wolferen K. van. The Riddle of Power in Japan: People and Politics in a Stateless nation. Abstract presentation by L.F. Blokhin. *Russkii istoricheskii zhurnal = Russian Historical Journal*, 1999, vol. 2, no. 1, pp. 205-273. (In Russ.).
7. Ramseyer M.J. Nuclear energy and the Mafia: Extortion and social capital in Japan. *Legal Review of Global Studies at the University of Washington. Discussion paper No. 817*. 2015. March. 36 p.
8. Kingston J. *Modern Japan: History, politics and Social changes since the 1980s*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2013. 324 p.
9. Ivanov A.M. *Organized crime and the fight against it in Japan*. Vladivostok, Publishing House of the Far Eastern University Publ., 2000. 188 p. (In Russ.).
10. Mihic T. *Re-imagining Japan after Fukushima*. Canberra, ANU Press, 2020. 174 p.
11. Korobeev A.I., Morozov N.A. Features of modern organized crime in Japan. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2013, no. 3, pp. 159-164. (In Russ.).
12. Moen D. Sexual slaves in Japan today. *Journal of Social Research Hitotsubashi*, 2012, vol. 44, no. 2, pp. 35-53.
13. Stoker S. Japanese organized crime: promoting human trafficking on a large scale. *Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'ju i korrupciei = Problems of combating organized crime and corruption*, 2008, no. 2, pp. 29-34. (In Russ.).
14. Freeman R. The United States, Japan and the international drugs trade: the troubled partnership. *Asian Survey*, 1991, vol. 31, no. 9, pp. 875-890.
15. Friman R. Gaijinhazai: Immigrants and Drugs in Contemporary Japan. *Asian Survey*, 1996, vol. 36, no. 10, pp. 964-977.
16. Kongsberg M. Methamphetamine Solution: Drugs and the Reconstruction of Nation in Postwar Japan. *The Journal of Asian Studies*, 2013, vol. 72, no. 1, pp. 141-162.

About the authors

Kleymentov Mikhail – Honoured Scientist of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University; Professor at the Department of Criminal Law and National Safety, Novosibirsk State University of Economics and Management Dostoevsky Omsk State University
 Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
 E-mail: klim798@mail.ru
 SPIN-code: 4431-6452, AuthorID: 596245

Kozlowskaya Margarita – Assistant Prosecutor of the Odessa district of the Omsk region
 Prosecutor's Office of the Omsk region
 Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
 E-mail: kaf-up-310@mail.ru
 SPIN-code: 6145-7289, AuthorID: 1086028

Article info

Received – October 1, 2021
 Accepted – October 12, 2021

For citation

Kleymentov M.P., Kozlowskaya M.G. Criminal Communities in Japan. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 80-89. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).80-89. (In Russ.).

УДК 343.01

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).90-100

К «СЕРЕБРЯНОМУ» ЮБИЛЕЮ ЧЕТВЁРТОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ: ИТОГИ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

П. С. Метельский, Н. И. Верченко, И. В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

Введение. Публикация посвящается непростой судьбе четвёртого по счёту Уголовного кодекса Российской Федерации, который за годы своего действия настолько много и часто правится и корректируется законодателем, что на сегодняшний день, по сути, уже не похож на свой исходный, «стартовый» вариант. Он во многом «подрастерял» былую цельность и чёткость (хотя бы относительную) используемых формулировок. **Цель.** Авторами поставлена цель осветить основные проблемы, сопровождающие процесс «обновления» российского уголовного законодательства, прежде всего с позиций практики. **Методология.** Используются формально-юридический и сравнительно-исторический анализ норм уголовного права, а также научные исследования, посвящённые проблемам развития российского уголовного законодательства. **Результаты.** Многолетняя нестабильность отечественного уголовного законодательства реально препятствует его эффективному применению, по существу, дестабилизируя практику, расходится с принципами законности и справедливости в уголовном праве.

Ключевые слова: уголовный закон; законотворчество; дополнения и изменения уголовного закона; нестабильность уголовного закона; уголовный кодекс; преступления; юридическая техника; правоприменительная практика.

Нам ни к чему сюжеты и интриги, –
Про всё мы знаем, про всё, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю кодекс уголовный наш.

В.С. Высоцкий

1. Введение

Наверное, никто не станет оспаривать, что для того, чтобы уголовный закон действительно полноценно «работал», решая стоящие перед ним задачи, в том числе предупреждение преступлений, он должен быть чётким и понятным, как минимум для тех, кто будет его применять, а также обладать хотя бы относительной стабильностью. К огромному сожалению, вот уже много лет этого никак нельзя сказать о действующем Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ). Принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. четвёртый по счёту Уголовный кодекс страны через 12 дней был одобрен Советом Федерации, 13 июня 1996 г. подписан Президентом и с 1 января 1997 г. вступил в законную силу, заменив УК РСФСР 1960 г., который за годы своей «жиз-

ни» вместил в себя, как тогда представлялось, настолько много поправок, что даже истинные «профи» жаловались на трудности в работе с его текстом. «Рождённый» в СССР, он несколько лет «служил» в постсоветский период, его продолжали интенсивно править. Тем не менее и в последней своей редакции он явно не стал актуальным, так полностью и не избавившись от социалистической патетики. Многие в нём не было отражено, в частности, целый ряд уже проявивших себя объективно общественно-опасных деяний, что было явным анахронизмом, как, впрочем, и название, в котором Россия по-прежнему выступала в образе союзной республики уже несуществующего государства. Его стали воспринимать как бы «не всерьёз».

Вновь принятый УК РФ, конечно, не был полностью идеален и «чист». Некоторые нормы попали в него «авансом», по соображениям «высшей политики», к примеру, ст. 49, 53, 54, посвящённые не вводимым тогда в действие наказаниям (одно же из них остаётся «мёртвым» до сих пор), или ст. 174

УК РФ, установившая ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых незаконным путём, что было не более чем декларацией.

Иначе как «ребусом» нельзя было назвать многие формулировки конкретных составов, не исключавшие разночтений, а следовательно, и ошибок, во всяком случае, до выхода разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Несмотря на то, что новый УК РФ немало перенял от предшественника, практике пришлось, по сути, заново «открывать» для себя и применять его нормы. И не только те, что предусматривали незнакомые раньше составы (в частности, фальсификацию доказательств или организацию преступного сообщества (преступной организации)), но и содержавшие в себе иначе сформулированные дефиниции, квалифицирующие признаки или категории, к примеру, касающиеся приготовления к преступлению и добровольного отказа соучастников, что было весьма принципиально для оценки деяний лиц, пытавшихся «заказать» убийство. На первых порах неудобство доставляла даже «новая» в сравнении с УК РСФСР 1960 г. нумерация статей, когда в поисках нужной нормы приходилось пролистывать чуть ли не половину кодекса. Однако именно с «приходом» УК РФ практика стала не так бояться «пробовать на зуб» введённое ещё в 1993 г. понятие организованной группы, которое «смотрелось» в нём как-то логичнее.

Вступление УК РФ в силу не оказалось «сюрпризом» для практики, заранее готовившейся к этому, однако для того чтобы он действительно «заработал», потребовалось ещё много усилий и времени. Сама по себе «наработка» практики применения нового уголовного закона уже по определению предполагает, что дела о преступлениях, подпавших под его действие, должны «пройти» через суды как первой, так и последующих инстанций, а это растягивало процесс на месяцы и даже годы. И хотя совсем скоро в адрес едва появившегося УК РФ пойдут первые критические высказывания [1], очень многие, восприняв кодекс как добрый знак начала конца «лихих 1990-х», всё же верили, что он и в первоизданном виде «прослужит» долго, став гарантом незыблемости уголовно-

правового регулирования, по которому так истосковалась практика. Тем более, на тот момент он был всё же достаточно компактен и логичен, а основная часть его положений, хотя и не сразу, встречала понимание практиков. Но и этот кодекс, увы, не смог пережить, особенно с приходом третьего тысячелетия, такое обилие трансформаций, что во многом стал очень не похож на свой «стартовый» вариант. Законодатель то исключал из него одни статьи и вводил новые – с «двойной» нумерацией, то начисто «перелицовывал», да ещё и не на один раз, как нормы-дефиниции, так и нормы, формулирующие собственно уголовно-правовые запреты. Счёт поправкам идёт уже в четырёхзначных цифрах, и по этому «показателю» УК РФ обошёл предшественника (в который за 35 лет было внесено более 700 изменений и дополнений) [2, с. 10].

2. Методология

В ходе исследования использовались формально-юридический и сравнительно-исторический анализ норм уголовного права, научные исследования, посвящённые проблемам развития российского уголовного закона.

3. Немного о смысле и последствиях самих поправок

Четверть века – срок не такой уж и малый, особенно если учесть, как много за это время поменялось и в нашей стране, и во всём мире, и, пожалуй, самое главное, – в людях. Строго говоря, УК РФ разрабатывался и принимался ещё не совсем в том государстве, которое мы имеем сейчас, тогда было просто невозможно предвидеть многие сегодняшние реалии. Так что корректировка его была неизбежна: ведь уголовный закон должен отвечать времени, в котором действует. Безусловно, «пришлись к месту» поправки федеральных законов от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ и 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, которые привели ч. 4 ст. 35; 210; 290 и 291 УК РФ в соответствие с Конвенциями Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности и коррупции; дополнение Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ ст. 303 УК РФ ч. 4 – о фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, отнесение Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 71-ФЗ доказательств по административным делам к предмету фальсификации доказательств.

По частоте и регулярности обновлений УК РФ встал чуть ли не в один ряд с операционной системой «Windows». Немало поправок в дальнейшем признавались ошибочными, и законодатель возвращался к прежнему status quo. Так, почему-то решив, что клевета не содержит отныне общественной опасности, а потому ей не место в УК РФ, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ законодатель поспешил принять признанные утратившими силу ст. 129 (о клевете) и ст. 298 (о клевете в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя). Однако немногим более чем через полгода Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «возродил» оба состава, правда, уже с «новыми» номерами статей – 128.1 и 298.1 и в слегка изменённом виде.

Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «вычленил» из ст. 159 УК РФ ст. 159.4 УК РФ, заложив в ней специальный (и привилегированный) состав мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ ст. 159.4 исключена из кодекса, и ответственность за мошенничество, сопряжённое с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в указанной сфере, отошла к «компетенции» ч. 5–7 всё той же ст. 159 УК РФ. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ исключил конфискацию имущества из системы наказаний, а Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ вернул её на «игровое поле» как меру уголовно-правового характера. И, наконец, тот же Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ изъясил из Особенной части УК РФ все упоминания о специальном рецидиве преступлений как квалифицирующем или особо квалифицирующем признаке, но и эта позиция была пересмотрена Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ с введением в действие ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ.

Даже когда просто листаешь кодекс, сразу бросается в глаза, что огромное количество норм «перекраивалось» много раз. Метания законодателя из крайности в крайность испытывала на себе и ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, имеющая прямое отноше-

ние к уголовному праву, так как именно здесь проводится грань между мелким и уголовно наказуемым хищением чужого имущества. В любом случае уголовное законодательство не должно служить ареной для каких бы то ни было «экспериментов», сопровождающихся принятием произвольных, по сути, решений, порождающих неуместную здесь неопределённость.

Отдельные нововведения в УК РФ в той или иной степени «возвращали к жизни», казалось бы, навсегда канувшие в лету нормы, от которых когда-то уже отказался законодатель. Так, Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ дополнил УК РФ ст. 205.6 (несообщение о преступлении). И хотя она касается только ряда составов глав о преступлениях против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и человечества, а сама эта норма включена в первую из названных глав, даже поневоле приходишь к мысли о частичной реанимации отменённой ещё с принятием УК РФ 1996 г. уголовной ответственности за недонесение о преступлениях, ознаменовавшей собой, по словам А. С. Горелика, отказ государства от возложения на граждан правовой обязанности содействовать в такой форме предупреждению и расследованию преступлений [3, с. 215].

В ст. 205.6 УК РФ законодатель осознанно отошёл от дискредитировавшего себя термина «недонесение о преступлениях». Обратное его значение в условиях нашей страны приобрело настолько «ярко выраженную негативную эмоциональную окраску», что не могло найти одобрения в «новой» России, тем самым предрешив декриминализацию недонесительства¹ [4].

Однако несообщение о преступлении представляет собой точно такое же деяние в форме бездействия, и, безусловно, может быть отнесено к субинституту прикосновенности к «чужому» преступлению, который, в отличие от УК РСФСР 1960 г., по-прежнему не представлен в Общей части УК РФ. И если основным непосредственным объектом несообщения о преступлении является всё же общественная безопасность, то дополнительный объект – правосудие [5] – уже не оставляет сомнений по поводу его несомненного «родства» с недонесением, как раз

и входившим в главу УК РСФСР 1960 г. «Преступления против правосудия».

А вот и ещё один «звонок из прошлого»: Федеральный закон от 8 апреля 2011 г. № 66-ФЗ, дополнив УК РФ ст. 314.1, «оживил» отменённую ещё в 1993 г. уголовную ответственность за уклонение от административного надзора, а Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 514 – ещё и административную преюдицию по подобным делам, присутствовавшую когда-то и в ст. 198.2 УК РСФСР 1960 г. Так что развитие нашего уголовного законодательства напоминает «блуждание по кругу».

Изрядным корректировкам подвергались и санкции статей Особенной части: по мере расширения набора реально действующих видов наказаний за счёт обозначенных ранее лишь на бумаге; подвижек в определении «векторов силы» в отечественной уголовной политике, если, конечно, таковая действительно имеет место. Но даже, казалось бы, «частные», во всяком случае, на взгляд законодателя, не столь «принципиальные» поправки могли породить эффект «снежной лавины».

Достаточно вспомнить один только Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 420-ФЗ, «всего то» исключивший указания на нижний предел санкции в виде лишения свободы во многих распространённых составах, который надолго «погрузил» федеральные суды общей юрисдикции в череду пересмотров состоявшихся ранее приговоров в порядке ст. 10 УК РФ с непременным «смягчением» прежнего наказания хотя бы на месяц².

Наибольшую «славу» о себе оставил Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, который изобиловал погрешностями и надолго стал притчей во языцех. В числе прочего он блокировал возможность назначения наказания по ч. 1, 2 ст. 165 УК РФ, установив за основной состав преступления более строгое наказание, чем за квалифицированный; приведённая в нём формулировка диспозиции ч. 1 ст. 222 УК РФ не признавала уголовно наказуемым оборот так называемых «обрезов» гладкоствольных охотничьих ружей, и эта «дефектная ведомость» включает ещё немало позиций. Увидев такие «поправки», многие не могли даже поверить, что всё это брак законодателей, а не просто досадные

опечатки издательства (тем более, что такое тоже встречалось), а вот в дальнейшем стали опасаться возможного подвоха едва ли не от каждого нового закона. Лишь через 7 месяцев выйдет Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, устранивший очевидные «ляпы» Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, но разрешение проблем, связанных с исключением им же такой категории, «как неоднократность» [6], заняло куда больше времени. Тем не менее сразу после данной поправки, может, и впрямь продиктованной стремлением законодателя соблюсти справедливость [7, с. 90], те, кому доводилось иметь дело с «серийными» убийцами, нередко «не заморачивавшие» себя иными квалифицирующими признаками ч. 2 ст. 105 УК РФ (за исключением, как раз упразднённого п. «н» – «убийство, совершённое неоднократно»), стали задумываться, что справедливость от этого и пострадала. И, действительно, может ли о ней идти речь, если субъект, раз за разом совершающий преступления, квалифицируемые ч. 1 ст. 105 УК РФ, даже если их набиралось 5, 10 и более эпизодов, мог «заслужить» за всё за это никак не свыше 22 лет 6 месяцев лишения свободы, хотя пока существовал п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ, вполне мог «схлопотать» и пожизненный срок? То есть для указанной категории лиц новелла законодателя оборачивалась очевидным «бонусом», неоправданно уменьшив профилактическую «отдачу» уголовного закона [8, с. 266–283].

Несмотря на то, что теория уголовного права и судебная практика на протяжении многих лет последовательно «разводили» убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и убийство, совершённое неоднократно, в зависимости от того, охватывались ли преступления единым умыслом или же умысел на убийство возникал каждый раз самостоятельно, для исправления создавшегося положения им всё же пришлось «подправить» свои позиции, но точка в этом вопросе была поставлена только с принятием Пленумом Верховного Суда РФ Постановления № 4 от 3 апреля 2008 г. «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”», в котором

в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ дана новая трактовка п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

4. Позиция юридической науки

Ситуация «вокруг» УК РФ не могла не вызвать сначала растерянность, а потом и раздражение практиков. Не осталась она незамеченной и юридической наукой. Нестабильность уголовного закона, как и качество вносимых в него поправок, много раз привлекали внимание учёных, включая самых «маститых», каждый из которых, углубляясь под тем или иным углом в суть этой проблемы, приходил в общем-то к весьма невеселым мыслям.

Ещё в 2008 г. А. Э. Жалинский писал, что отсутствие стабильности отрицательно сказывается на справедливости и эффективности уголовного закона, усиливает его неопределённость и коррупциогенность, препятствует формированию единой правоприменительной практики [9, с. 15].

Спустя два года С. В. Полубинская констатировала, что в результате поправок и изменений УК РФ приобрёл те же недостатки, что были присущи прежнему уголовному закону и привели к его замене [10, с. 249].

А. В. Наумов полагает, что множественные изменения и дополнения УК РФ «привели его к бессистемности, нестабильности, препятствующим эффективной деятельности правоприменителя». Законодатель, по его мнению, неверно оценивает возможности уголовного закона и, подобно тому, как это было в советское время, использует его как инструмент для достижения политических и социально-экономических целей; в качестве фактора, непосредственно влияющего на прохождение и принятие поправок, выступает «партийная дисциплина» [11, с. 206], (см. также: [6, с. 255, 257, 261, 44, 206]).

С точки зрения А. И. Коробеева, УК РФ «разбух до неприличия в результате мутного вала нескончаемой криминализации» [12]. Бесконечная череда изменений и дополнений привела к «деструкции и десистематизации уголовного закона, и сам он превратился в... подобие лоскутного одеяла, наполнился внутренними противоречиями, стал включать в себя совершенно ненужные для него нормы, оказался захламлён громоздкими, неудоб-

бонаримыми статьями, дублирующими друг друга и при этом “растворяющимися” в общих нормах» [13]. Происходит «гиперинфляция» уголовного закона, который содержит настолько много «законодательных глупостей и нелепостей», что при сохранении этой тенденции его и вовсе придётся «девальвировать», т. е. разрабатывать и принимать абсолютно новый [14].

Похожие оценки дают и другие авторы, отмечая, в частности, появление в уголовном законе норм, не учитывающих уже существующие или вступающих с ними в противоречие, казуистику при «конструировании» новых составов преступлений, дублирование общественно опасных деяний, разрастание числа специальных норм, объясняемое отсутствием системных знаний о нормах уголовного права, непониманием «материи уголовного закона», «способов юридической техники», конъюнктурным подходом и кампанейщиной в законотворчестве, принятием «поправок ради поправок» и в политических целях, пренебрежением принципами уголовного права; при этом некоторые поправки вообще расцениваются как издевательство над Уголовным кодексом [15].

Некоторые исследователи вообще склонны считать, что УК РФ превратился в сборник не работающих, порою абсурдных норм, не способных влиять на реальную криминальную ситуацию [16], (см. также: [17–24]). К слову, и спикер Совета Федерации В. И. Матвиенко в своё время признавала, что «шлифовка» УК и УПК производится иногда в угоду моменту, той или иной популистской идее или эффектной «пиар-кампании»³. Однако законы по «совершенствованию» УК РФ продолжают выходить с завидным постоянством, по-прежнему содержат громоздкие формулировки, перегруженные информацией, растёт и количество «запускаемых» в действие специальных норм.

Статья 222 УК РФ, традиционно воспринимаемая как «носитель» бланкетной диспозиции, в редакции Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ обзавелась примечанием, раскрывающим понятия «огнестрельное оружие» и «боеприпасы» (несмотря на то, что всё это уже было прописано в Федеральном законе «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ в действующей его

редакции, откуда они и «позаимствованы»). Если законодатель и впредь станет следовать такой логике, продолжив «разъяснительную работу» для всех остальных статей, использующих понятийный аппарат нормативных актов других отраслей права, то непосредственно в Кодекс могут попасть и такие понятия: наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры и даже критерии определения степени тяжести вреда здоровью, списки наркотиков и психотропных веществ, что однозначно превратит УК РФ в увесистый многотомник. Кроме того, Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «породил» ещё одну специальную норму, вычленив из ст. 222 УК РФ ст. 222.2, посвятив её незаконному обороту крупнокалиберного огнестрельного оружия. Согласно примечанию к этой статье под крупнокалиберным должно пониматься оружие калибра свыше 20 мм, что не стыкуется с ГОСТ 28653-90 «Оружие стрелковое. Термины и определения», который относит к этой категории «нарезное стрелковое оружие калибра свыше 9 до 20 мм, включительно⁴, а больший калибр должен относиться к артиллерийским орудиям. Создаётся впечатление, что дополнив таким образом Уголовный кодекс РФ, законодатель непременно хотел сказать что-то новое ещё и в оружейном деле.

Согласно позиции Л. Д. Гаухмана, в создавшейся ситуации «оптимальным... и логичным стало бы не внесение многочисленных и порой бессистемных изменений и дополнений в УК РФ, а принятие нового кодекса...» [7, с. 97–107]. В то же время А. Е. Якубов, отмечая бессистемность и противоречивость ряда новелл в уголовном законе, как и тот факт, что они зачастую носят конъюнктурный характер, а порой демонстрируют «уголовно-правовую безграмотность», считает, что в этом всё же «виноват» не сам УК РФ, а недостаточно квалифицированный законодатель, поэтому пока можно ограничиваться новыми редакциями действующего кодекса [25].

5. А как же практика?

Всё, что происходит с уголовным законом, вызвано не только действительно «небogatymi» познаниями нашего депутатского корпуса в вопросах уголовного права: свою роль здесь играют куда более значимые фак-

торы системного порядка. Тем не менее и мы склоняемся к мысли, что новый кодекс принимать всё же нужно. Действующий кодекс не столько всё-таки «устарел», сколько оказался заполнен далеко не всегда удачными новеллами. Современное состояние российского уголовного законодательства отображает не только проблемы и противоречия, с которыми сталкивается государство, но и «несёт на себе печать» тех мер, что предпринимаются властью по их устранению, блокированию или нейтрализации, а нередко и просто для того, чтобы выразить таким образом «забоченность конкретными фактами и процессами, так или иначе “напрягающими” общество, в стремлении показать, что она, так сказать, “держит руку на пульсе”». Манипулируя уголовным законом, законодатель не особо озадачивается тем, насколько вносимые поправки и изменения «вписываются» в фактуру действующего УК РФ и тем более соотносятся с потребностями практики и ожиданиями, мнением учёных.

Безусловно, нестабильность действующего УК РФ затрагивает и тех, кто попал или рискует попасть под его действие, и даже вполне законопослушных граждан, в том числе посвятивших себя науке уголовного права или получающих юридическое образование. Но всё же с наибольшей силой она «бьёт» именно по практикам – тем, кто, собственно, и должен претворять в жизнь положения уголовного закона.

Та нестабильность, которая уже многие годы творится с кодексом, ставит практиков в непростое положение. Ведь даже если изменения и дополнения вполне обоснованы и безупречны с точки зрения юридической техники, они всё равно усложняют саму процедуру применения уголовного закона. Тут недостаточно только отслеживать появляющиеся новеллы, дабы элементарно не «прозевать» момент, когда настанет пора «переключаться» на применение нормы уже в её новой редакции или вообще начнёт действовать совершенно новая норма, что относится, скорее, к технической работе. Гораздо более важно разобраться в самой сути поправки или изменения, что требует вдумчивого и «грамотного» прочтения, вероятнее всего не единожды, текста закона как в новой, так и в прошлой его редакции, с тем чтобы уло-

вить и правильно понять смысл состоявшейся поправки или изменения и, разумеется, научиться «пользоваться» ими на деле. А вот это куда как непросто, особенно если нет никаких ориентиров или внятных подсказок, да и откуда, собственно, они могут взяться, если практика на данный момент начисто отсутствует. Поэтому и приходится, буквально «засучив рукава», её наработать, становясь «первопроходцами» и рискуя набить неизбежные шишки на этом ещё неизведанном пути, буквально «вгрызаться» в новые для себя нормы или изменившиеся формулировки, сначала в мыслях, а затем и на бумаге или в электронном виде «примерять» норму под конкретную фактуру. Помочь тут может разве что терпение, опыт и знания, постоянная «оглядка» на принципы уголовного права и, наконец, наработки науки уголовного права, разумеется, при их наличии, вот только некоторые из поправок способны поставить в тупик и учёных. Впрочем, не раз бывало и так, что норма, едва «прописанная» на практике, когда следователи и судьи только-только научились оперировать ею, вдруг существенно перекраивалась.

Самое принципиальное значение в условиях нестабильности уголовного закона приобретает вопрос о выборе конкретной редакции нормы, которая подлежит применению при оценке содеянного и назначении наказания. Здесь надо чётко придерживаться правил о действии уголовного закона во времени и обратной силе уголовного закона, детально анализируя «новые» и «старые» его положения, сопоставляя их и санкции. Независимо от того, к каким носителям информации приходится обращаться – бумажным или электронным, – в любом случае придётся смотреть и в текст закона о поправках в УК РФ, и в Кодекс в прошлой его редакции, что очень неудобно.

Долгие годы практики, пытаясь угнаться за законодателем, обзаводились всё новыми и новыми изданиями УК РФ по мере их публикации, а пока не вышла новейшая его версия, исправно вклеивали в ту, что так быстро «состарилась», настоящие «портянки» с распечаткой внесённых изменений и дополнений. Однако знающие люди не спешили избавляться от, казалось бы, вышедших из употребления УК РФ, предпочитая держать при

себе целую стопку кодексов просто потому, что так куда нагляднее сопоставлять тексты норм до и после их правки и, соответственно, ориентироваться при выборе их редакции. Столь популярные ныне «лоскутные», «точечные» поправки, нередко затрагивающие сразу несколько разных глав и разделов УК РФ, в разы увеличивают риск что-либо пропустить, не заметить и не зафиксировать в сознании суть произошедшего изменения просто в силу эффекта так называемого «замыливания глаза», когда утрачивается свежесть восприятия чего-либо, ставшего привычным, обыденным, и субъект настолько привыкает видеть, а его мозг анализировать привычную для него информацию, что вследствие «расфокусировки» внимания отвлекается от деталей и перестаёт реагировать на произошедшие изменения.

Иначе говоря, смысл многих новелл, по крайней мере, при первом, тем более беглом прочтении, не «улавливается» сознанием, субъект, ещё какое то время следуя инерции, продолжает «видеть перед собой» старый, т. е. уже недействующий, «фантомный» закон, на который он и ориентируется. Так, усвоив когда-то, что добровольная сдача оружия или боеприпасов при действии УК РСФСР 1960 г. служила основанием освобождения от уголовной ответственности за отсутствием состава преступления, не все сразу «заметили», что в примечании к ст. 222 УК РФ 1996 г. подобное рассматривается как форма деятельного раскаяния в уже совершённом преступлении. Наличие в деле явки с повинной долгое время означало возможность назначения не более трёх четвертей максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного за преступление, пока Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ не установил более льготную планку в две трети срока. Однако некоторые судьи, не «заметив» поправки, как бы на «автомате» продолжили следовать уже пересмотренным правилам. Всё это может служить подтверждением того, что в вопросах, касающихся уголовного права, не следует полагаться только на память. А в современных условиях, учитывая частоту и количество изменений и дополнений, вносимых в УК РФ, требуется регулярно заглядывать в кодекс, сверяя с ним едва ли не каждую мысль и во

многим заново открывая для себя уголовное право, но уже, так сказать, в «редакции» данного кодекса.

6. Заключение

Множественные и частые изменения и дополнения, вносимые в Уголовный кодекс Российской Федерации, даже независимо от их качества и обоснованности, «вредят» практике, препятствуя её становлению. Конечно, речь не может идти о каком-то искусственном «замораживании» УК РФ в неизменном виде и его стагнации, в любом случае он должен своевременно и по возможности адекватно отвечать тем вызовам, которые его касаются, но одинаково неприемлем и чрезмерный «динамизм» уголовного закона, по сути, сбивающий с толку практику, что в конечном счёте препятствует его нормальной «работе».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крутикина Ю. А. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Академия управления МВД РФ, 2020. – С. 3.

² Верховный Суд Российской Федерации: Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 7 марта 2011 г.

№ 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <https://www.vsrf.ru/files/14034/> (дата обращения: 10.08.2021) ; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации”, Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других».

³ Замахина Т. Кодексы на ревизии. – URL: <https://rg.ru/2013/11/19/peresmotr.html> (дата обращения: 08.08.2021).

⁴ ГОСТ 28653-90. Оружие стрелковое. Термины и определения. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015064> (дата обращения: 08.08.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л. Нужен новый УК РФ // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22–25.
2. Развитие уголовного законодательства Российской Федерации : учебно-практическое пособие / отв. ред. В. П. Кашепов. – М. : Юрист, 2007. – 748 с.
3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 491 с.
4. Крутикина Ю. А. Проблемы несообщения о преступлении // Закон и право. – 2018. – № 7. – С. 131–136.
5. Клименко Ю. П. Несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ): соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9. – С. 163–171.
6. Черненко Т. Г. Множественность преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации и уголовно-правовой доктрине // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 100–112.
7. Гаухман Л. Д. Нестабильность уголовного законодательства как угроза разрушения правопорядка // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 3. – С. 97–107.
8. Бабий Н. А. Квалификация убийств при отягчающих обстоятельствах : монография. – М. : Инфра-М, 2014. – 288 с.
9. Жалинский А. Э. К вопросу об инструментальной оценке справедливости и эффективности мер уголовной ответственности // Уголовное право и современность : сб. статей. Вып. 2. – М. : Высшая школа экономики, 2009. – С. 8–17.
10. Полубинская С. В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 4. – С. 234–250.
11. Наумов А. В. Избранные труды о реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.). – М. : Университет Генеральной прокуратуры РФ, 2019. – 384 с.
12. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. – 2015. – № 8. – С. 46–59.
13. Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 247–250.

14. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Русский закон. – 2014. – № 12. – С. 1399–1410.
15. Габеев В. С., Чернов А. В. 20 лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации: основные итоги законотворческого процесса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД РФ. – 2016. – № 4. – С. 16–24.
16. Зыков Д. А., Семенов С. А., Шахназарова Е. В. Некоторые проблемы развития уголовного законодательства в РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 215–217.
17. Савенков А. Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 5–13.
18. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. – М. : Проспект, 2017. – 384 с.
19. Непранов Р. Г., Ненашева Н. В. Назад в будущее или Уголовный кодекс Российской Федерации 20 лет спустя // Юристъ-правовед. – 2017. – № 3. – С. 41–46.
20. Дубровина Е. С. Актуальные проблемы модернизации уголовного законодательства в Российской Федерации // Новый юридический вестник. – 2018. – № 5 (7). – С. 35–40.
21. Руева Е. О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона // Российское государствоведение. – 2015. – № 2. – С. 81–89.
22. Рарог А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Бизнес в законе. – М. : Издат. дом «Юр-ВАК», 2009. – № 2. – С. 108–111.
23. Чекмезова Е. И. Дефекты новелл Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 4. – С. 64–67.
24. Хабиева З. Д. Современные проблемы уголовного законодательства Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 320–322.
25. Якубов А. Е. Проблемы уголовного законотворчества: нужен ли новый Уголовный кодекс // Вестник Московского университета. – 2015. – № 4. – С. 73–85.

Информация об авторах

Метельский Павел Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Адрес для корреспонденции: 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

E-mail: kaf-upnb@nsuem.ru

Author ID: 382846

Верченко Надежда Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и национальной безопасности

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Адрес для корреспонденции: 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

E-mail: kaf-upnb@nsuem.ru

SPIN-код: 6986-2213, AuthorID: 242035

Матвеев Илья Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной безопасности

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Адрес для корреспонденции: 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

E-mail: kaf-upnb@nsuem.ru

SPIN-код: 8680-4683, AuthorID: 758432

Информация о статье

Дата поступления – 1 октября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Метельский П. С., Верченко Н. И., Матвеев И. В. К «серебряному» юбилею четвертого Уголовного кодекса России: итоги и разочарования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 90–100. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).90-100.

TO THE "SILVER" ANNIVERSARY OF THE FOURTH CRIMINAL CODE OF RUSSIA: RESULTS AND DISAPPOINTMENTS

P.S. Metelsky, N.I. Verchenko, I.V. Matveev

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Introduction. The publication is dedicated to the difficult fate of the fourth Criminal Code of the Russian Federation, which over the years of its operation has been so much and often corrected and corrected by the legislator that today, in fact, it is no longer very similar to its original, "starting" version, in many respects "losing" the former integrity and at least the relative clarity of the formulations used. **Purpose.** The purpose of the article is to highlight the main problems that accompany the process of "updating" the Russian criminal legislation, primarily from the standpoint of practice. **Methodology.** The author uses a formal legal and comparative historical analysis of the norms of criminal law, as well as scientific research devoted to the problems of the development of Russian criminal legislation. **Results.** The long-term instability of the domestic criminal legislation really hinders its effective application, in essence, destabilizing practice, is at odds with the principles of legality and justice in criminal law.

Keywords: criminal law; lawmaking; additions and changes to the criminal law; instability of the criminal law; Criminal Code; Crimes; legal technique; law enforcement practice.

REFERENCES

1. Gaukhman L. We need a new Criminal Code of the Russian Federation. *Zakonnost' = Legality*, 1998, no. 7, pp. 22-25. (In Russ.).
2. Kashepov V.P. (ed.). *Development of the criminal legislation of the Russian Federation*, training manual. Moscow, Yurist Publ., 2007. 748 p. (In Russ.).
3. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2005. 491 p. (In Russ.).
4. Krutikina Yu.A. Problems of failure to report a crime. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2018, no. 7, pp. 131-136. (In Russ.).
5. Klimenko Yu.P. Failure to report a crime (Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation): correlation with concealment and complicity in terrorism. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2017, no. 9, pp. 163-171. (In Russ.).
6. Chernenko T.G. The plurality of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation and the criminal law doctrine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2016, no. 3, pp. 100-112. (In Russ.).
7. Gaukhman L.D. Instability of criminal legislation as a threat of destruction of law and order. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2014, no. 3, pp. 97-107. (In Russ.).
8. Babiy N.A. *Qualifying for Aggravated Murders*, monograph. Moscow, Infra-M Publ., 2014. 288 p. (In Russ.).
9. Zhalinsky A.E. On the question of the instrumental assessment of justice and the effectiveness of measures of criminal responsibility, in: *Criminal law and modernity*, collection of articles. Issue 2. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2009, pp. 8-17. (In Russ.).
10. Polubinskaya S.V. Changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation in assessments of criminal law science. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 4, pp. 234-250. (In Russ.).
11. Naumov A.V. *Selected works on the reform of the Criminal Code of the Russian Federation (publications 2009-2019)*. Moscow, University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2019. 384 p. (In Russ.).
12. Korobeyev A.I. Criminal and legal policy of modern Russia: problems of penalization and de-penalization. *Zakon = Law*, 2015, no. 8, pp. 46-59. (In Russ.).
13. Korobeyev A.I. Criminal policy of modern Russia: state and prospects. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 247-250. (In Russ.).
14. Golik Yu.V., Korobeev A.I. Reform of the criminal legislation of Russia: to be or not to be. *Russkii zakon = Russian law*, 2014, no. 12, pp. 1399-1410. (In Russ.).
15. Gabeev V.S., Chernov A.V. 20 years of the Criminal Code of the Russian Federation: the main results of the legislative process. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD RF = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2016, no. 4, pp. 16-24. (In Russ.).

16. Zikov D.A., Semenov S.A. Shakhnazarova E.V. Some problems of the development of criminal legislation in the Russian Federation. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2019, no. 12, pp. 215-217. (In Russ.).
17. Savenkov A.N. Issues of improving criminal law, process and criminal law policy. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 3, pp. 5-13. (In Russ.).
18. Rarog A.I. (ed.). *The quality of criminal law: problems of the Special part*, monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 384 p. (In Russ.).
19. Nepranov R.G., Nenasheva N.V. Back to the Future or the Criminal Code of the Russian Federation 20 years later. *Yurist-pravoved = Lawyer-jurist*, 2017, no. 3, pp. 41-46. (In Russ.).
20. Dubrovina E.S. Actual problems of modernization of criminal legislation in the Russian Federation. *Novyi juridicheskii vestnik = New legal bulletin*, 2018, no. 5 (7), pp. 35-40. (In Russ.).
21. Rueva E.O. Violation of the principle of justice as a result of imperfection of the legal technique of criminal law. *Rossiiskoe gosudarstvovedenie = Russian state science*, 2015, no. 2, pp. 81-89. (In Russ.).
22. Rarog A.I. Gaps and redundancy in the Russian criminal law. *Biznes v zakone = Business in law*, 2009, no. 2, pp. 108-111. (In Russ.).
23. Chekmezova E.I. Defects of short stories of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Omskoi juridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2016, no. 4, pp. 64-67. (In Russ.).
24. Khabieva Z.D. Modern problems of the criminal legislation of the Russian Federation. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2019, no. 12, pp. 320-322. (In Russ.).
25. Yakubov A.E. Problems of criminal law-making: is there a need for a new Criminal Code. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*, 2015, no. 4, pp. 73-85. (In Russ.).

About the authors

Metelsky Pavel – Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law and National Security

Novosibirsk State University of Economics and Management

Postal address: 52/1, Kamenskaya ul.,
Novosibirsk, 630099, Russia

E-mail: kaf-upnb@nsuem.ru

Author ID: 382846

Verchenko Nadezhda – Ph.D. in Law, Head of Department of Criminal Law and National Security
Novosibirsk State University of Economics and Management

Postal address: 52/1, Kamenskaya st.,
Novosibirsk, 630099, Russia

E-mail: kaf-upnb@nsuem.ru

SPIN-code: 6986-2213, Author ID: 242035

Matveev Ilya – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and National Security
Novosibirsk State University of Economics and Management

Postal address: 52/1, Kamenskaya st.,
Novosibirsk, 630099, Russia

E-mail: kaf-upnb@nsuem.ru

SPIN-code: 8680-4683, Author ID: 758432

Article info

Received – October 1, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Metelsky P.S., Verchenko N.I., Matveev I.V. To the "Silver" Anniversary of the Fourth Criminal Code of Russia: Results and Disappointments. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 90-100. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).90-100. (In Russ.).

УДК 343.151

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).101-111

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В. А. Константинова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Статья посвящена судебным решениям, принимаемым в рамках особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которые изменяются под влиянием неординарной процедуры. **Цель** данного исследования – выделить особенности системы, содержания, значения и свойств судебных решений данного порядка. **Методология.** Содержащиеся в работе выводы и рекомендации основаны на комплексном применении формально-юридического, системно-структурного и сравнительно-правового методов. **Результаты.** Отмечено взаимовлияние элементов уголовно-процессуальной формы – порядка производства и фиксации процессуальных действий. Принимаемые в рамках особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве решения выступают в качестве самостоятельного признака данного дифференцированного производства. **Заключение.** Изменение процедуры судебного разбирательства влечёт трансформацию системы итоговых и промежуточных судебных решений, в этой связи отмечаются следующие тенденции: появление специфических разновидностей, исчезновение или существенное сокращение отдельных решений; изменение значения, содержания и свойств некоторых решений. Формулируется вывод о необходимости совершенствования норм уголовно-процессуального закона в исследуемой области.

Ключевые слова: судебное решение; промежуточное решение; итоговое решение; приговор; особый порядок судебного разбирательства; досудебное соглашение о сотрудничестве.

1. Введение

Одной из неординарных форм судебного производства является предусмотренный гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – особый порядок при заключении досудебного соглашения).

Дифференциация уголовно-процессуальной формы судебного разбирательства влечёт изменение системы, содержания, значения и свойств промежуточных и итоговых судебных решений, а в некоторых случаях порождает их специфические разновидности, существующие исключительно в рамках соответствующего производства. Отмечается взаимовлияние элементов уголовно-процессуальной формы – порядка производства и фиксации процессуальных действий. Изменение процедуры судебного разбирательства оказывает влияние на принимаемые в его рамках решения, которые, в свою очередь, выступают в

качестве самостоятельного признака данного производства. Являясь дифференцированной формой судебных решений, они нуждаются в самостоятельном научном осмыслении, поскольку характеризуются обусловленной порядком производства спецификой.

2. Методология

Содержащиеся в работе выводы и рекомендации основаны на комплексном применении формально-юридического, системно-структурного и сравнительно-правового методов.

3. Промежуточные решения

При проведении судебного разбирательства в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве могут быть вынесены различные промежуточные решения в форме постановлений (определений), часть которых совпадает с решениями, принимаемыми в рамках общего порядка (например, об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайств, об отложении судебного разбирательства и др.).

Однако некоторые промежуточные решения, характерные для общего порядка, в особом порядке при заключении досудебного соглашения минимизированы или вовсе не выносятся. Так, например, отсутствует значительная часть решений, функциональное назначение которых заключается в направленности на собирание доказательств (например, о назначении экспертиз, вызове и допросе свидетелей по обстоятельствам предъявленного обвинения и др.), что обусловлено сокращением судебного следствия в связи с согласием подсудимого с предъявленным ему обвинением. Специфика субъектного состава особого порядка при заключении досудебного соглашения исключает, например, возможность вынесения промежуточных решений о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, о допуске (отстранении) законного представителя подсудимого, что обусловлено обязательным участием в рамках данного производства подсудимого, а также неприменением его в отношении несовершеннолетних¹ и невменяемых.

Из приведённых выше положений очевидно, что просматривается частичное совпадение промежуточных решений, выносимых в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) и особом порядке при заключении досудебного соглашения (гл. 40.1 УПК РФ) [1]. Это обусловлено близостью данных процедур, поскольку согласно ст. 317.7 УПК РФ судебное заседание в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение, проводится в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ.

Однако предусмотренный гл. 40.1 УПК РФ порядок продуцирует особенности системы принимаемых в его рамках промежуточных судебных решений, что выступает своеобразным признаком данного производства. Как отмечает А. В. Боярская, упразднение отдельных элементов стандартной процедуры может сопровождаться введением в процессуальную форму новых составляющих, адаптированных для целей конкретного дифференцированного производства, заменяющих или дополняющих элементы прежней структуры [2, с. 104]. В развитие данного положения отметим, что система промежу-

точных, как, впрочем, и итоговых решений, в неординарной процедуре трансформируется, на что нами обращалось внимание и применительно к предусмотренному гл. 40 УПК РФ порядку [1, с. 115].

Так, особенности предмета доказывания влекут вынесение промежуточных судебных решений об удовлетворении (отказе в удовлетворении) ходатайств о приобщении к уголовному делу материалов, подтверждающих соблюдение подсудимым условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

Особенности субъектного состава обусловливают появление специфичного основания для вынесения промежуточных решений о самоотводе, об удовлетворении (отказе в удовлетворении) ходатайств об отводе. Так, согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»² (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16) в силу конституционных принципов независимости, объективности и беспристрастности судей судья, принимавший участие в рассмотрении дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение, не может участвовать в рассмотрении дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвинялось такое лицо, и наоборот.

Некоторые промежуточные решения особому порядку при заключении соглашения наиболее характерны ввиду наличия катализатора, в роли которого выступает изобличение подсудимым соучастников. Так, при необходимости обеспечить безопасность подсудимого, с которым заключено соглашение, его родственников и близких лиц суд может вынести решения о применении предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер безопасности (о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании; о сохранении в тайне данных о личности участника судебного действия; о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров; о предъявлении лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым; о проведении допроса без оглашения подлинных

данных о личности и в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства и др.).

Яркой спецификой в рамках предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ порядка обладают промежуточные решения, определяющие движение производства по делу (о назначении судебного заседания, возвращении дела прокурору, прекращении особого порядка и др.).

Так, предстоящий неординарный порядок обуславливает особенности постановления о назначении судебного заседания. Обоснованность указанного решения имеет нестандартную смысловую наполненность, поскольку судье необходимо установить не только наличие оснований для назначения судебного заседания, но и убедиться в достаточности доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого. Кроме того, для вынесения данного решения, помимо ординарных для стадии подготовки к судебному разбирательству вопросов, судье необходимо выяснить, подтверждено ли прокурором выполнение требований соглашения, заключено ли соглашение добровольно и при участии защитника. Таким образом, к моменту принятия анализируемого постановления судом должна быть осуществлена предварительная комплексная оценка доказательств [3, с. 210], что отличает его от большинства промежуточных решений, посвящённых одному, как правило, процессуальному вопросу.

Следующим промежуточным решением, обладающим спецификой, вызванной неординарной процессуальной формой предстоящего судебного разбирательства (в данном случае – спецификой оснований вынесения), является постановление о возвращении уголовного дела прокурору. Согласно ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено соглашение, подлежит выделению в отдельное производство. Если дело поступило в суд в отношении всех обвиняемых, то назначается предварительное слушание для решения вопроса о возвращении его прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Кроме того, в силу п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 в случае принятия решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства суд при наличии оснований вправе возвра-

тить уголовное дело прокурору для соединения уголовных дел.

Любым дифференцированным процедурам характерны промежуточные решения, обрамляющие переход в ординарный (а иногда и другой дифференцированный) порядок.

В особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, такой переход оформляется промежуточным решением о прекращении особого порядка и назначении рассмотрения уголовного дела в общем (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Аналогичное решение характерно и для особого порядка, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ, хотя нормы данной главы и не содержат такого наименования, как «решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства». Однако с учётом того, что ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ распространила действие ст. 316 УПК РФ на особый порядок при заключении досудебного соглашения, его употребление допустимо. Именно такой термин используется в п. 14, 15, 19 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16.

Вместе с тем основания для вынесения промежуточного судебного решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства в рамках гл. 40.1 УПК РФ не тождественны основаниям для вынесения такого решения в рамках гл. 40 УПК РФ, они совпадают лишь частично.

Совпадение прослеживается в части прекращения данного порядка по инициативе суда в связи с применением ч. 7 ст. 316 УПК РФ к анализируемому производству, толкование которой с учётом ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ свидетельствует о том, что принятию данного решения должен предшествовать анализ не только процессуальных условий, но и оценка доказанности обвинения. В уголовно-процессуальной науке обоснованность обвинения и подтверждение его собранными по делу доказательствами неоднократно подчёркивалась как обязательное условие особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [4, с. 83; 5, с. 300–301]. Таким образом, свойство обоснованности данного решения обладает спецификой – к моменту его принятия (как и в упомянутом выше случае вынесения решения о назначении судебного разбиратель-

ства) должна быть осуществлена комплексная оценка доказательств, что не характерно для большинства промежуточных решений.

Различие же заключается в появлении дополнительных оснований для принятия рассматриваемого решения – оно выносится при несоблюдении условий, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 317.6 УПК РФ (представление прокурора; активное содействие следствию; заключение соглашения добровольно и при участии защитника). При этом в силу п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 постановление о прекращении особого порядка выносится также в случае, если подсудимым представлены ложные сведения или сокрыты иные существенные обстоятельства совершения преступления либо содействие заключалось лишь в сообщении сведений о собственном участии в преступной деятельности или не соблюдены условия (не выполнены обязательства), предусмотренные соглашением.

Также решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства принимается судом, если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением (по смыслу положений ст. 316, 317.7 УПК РФ), поскольку такое согласие, как верно утверждает О. Н. Тисен, является обязательным условием легитимности досудебного соглашения о сотрудничестве [6, с. 131]. Однако возражения потерпевшего основанием для принятия данного решения в рамках гл. 40.1 УПК РФ не являются. Данное положение реализуется на основании разъяснений высшей судебной инстанции (п. 13, 15 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16), тогда как этот неоднозначный вопрос, как представляется, следует урегулировать законодательно.

Таким образом, решение о прекращении особого порядка направлено на выбор процедуры рассмотрения уголовного дела, разрешение которого, по существу, на данном этапе не происходит. Переход в общий порядок осуществляется при несоблюдении процессуальных условий либо с целью проверки обоснованности обвинения и установления объективной истины по делу.

В системе промежуточных судебных решений особого порядка при заключении досудебного соглашения следует особо выделить решение, обрамляющее переход из

одного дифференцированного порядка в другой. Так, согласно п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16, если в силу тех или иных предусмотренных законом оснований невозможно проведение разбирательства в порядке гл. 40.1 УПК РФ, то суд вправе при наличии ходатайства подсудимого, согласия обвинителя и потерпевшего продолжить разбирательство с соблюдением требований гл. 40 УПК РФ (по уголовным делам о преступлениях, указанных в ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Примечательно, что данное решение не предусмотрено положениями гл. 40.1 УПК РФ. В этой ситуации имеет место расширительное толкование Пленумом Верховного Суда Российской Федерации норм действующего УПК РФ, тогда как вопросы вынесения судебных решений, как представляется, следует урегулировать законодательно.

Таким образом, видоизменение процедуры судебного разбирательства влечёт трансформацию системы, содержания, значения и свойств промежуточных судебных решений. Перечисленные тенденции придаток особому порядку судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве ещё большую самостоятельность, а особенности принимаемых в его рамках промежуточных решений выступают в качестве самостоятельного признака данного производства.

4. Итоговые решения

Дифференциация формы судебного разбирательства также влияет на систему, содержание, значение и свойства итоговых судебных решений.

К числу итоговых судебных решений на основании п. 53.2 ст. 5 УПК РФ и с учётом разъяснений, содержащихся в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»³ относятся: 1) приговор; 2) постановление (определение) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; 3) постановление (определение) о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера; 4) постановление (определение) о прекращении

уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Вынесение последних двух итоговых решений в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве исключено. Ввиду специфики субъектного состава предусмотренное гл. 51 УПК РФ «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» несовместимо с особым порядком судебного разбирательства, предусмотренным гл. 40.1 УПК РФ, поскольку в силу ст. 433 УПК РФ данное производство осуществляется в отношении лица, совершившего запрещённое уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Аналогичный вывод можно сделать применительно к гл. 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», поскольку согласно ч. 2 ст. 420 УПК РФ производство по уголовному делу о преступлении, совершённом несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке. Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁴, п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 закон не предусматривает возможности принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке, в том числе в порядке гл. 40.1 УПК РФ.

Далее отметим, что предусмотренное ч. 9.1 ст. 316 УПК РФ итоговое решение о прекращении уголовного дела с учётом ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ может быть вынесено и в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Аналогичная позиция изложена в п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16, согласно которому гл. 40.1 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения. В частности, преступление

может быть переквалифицировано, а уголовное дело прекращено (в связи с изменением уголовного закона, истечением сроков давности, актом об амнистии и т. д.), если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Таким образом, перечень итоговых судебных решений, выносимых в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращается до двух возможных вариантов: приговор или постановление о прекращении уголовного дела. Данные разновидности итоговых решений под влиянием неординарного порядка приобретают существенные особенности.

Основания для принятия решения о прекращении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, в том числе и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотрены ст. 239, 25.1 и 28.1 УПК РФ, большинство из них носит нереабилитирующий характер. Некоторые основания прекращения приобретают специфику применительно к особому порядку при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Например, такое основание, как отказ государственного обвинителя от обвинения в связи с его недоказанностью в рамках анализируемого порядка, как правило, не применимо, поскольку обвинитель может принять данное решение только после всестороннего исследования доказательств⁵. Полагаю, что в связи с тем, что предусмотренный гл. 40.1 УПК РФ порядок не предполагает исследования подтверждающих обвинения доказательств, убеждение прокурора в необходимости отказа от обвинения должно применяться в очевидных случаях, которые не могут быть опровергнуты в ходе дальнейшего исследования доказательств.

В процессе принятия решения о прекращении уголовного дела необходимо учитывать волеизъявление обвиняемого, которое, как обоснованно отмечается исследователями, выступает одним из компонентов оснований процессуальных решений [7]. При этом заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не тождественно согласию на прекращение уголовного дела и при наличии нескольких нереабилитирующих оснований приобретает содержательный характер.

Среди требований к указанному итоговому решению наибольшего внимания заслуживает обоснованность. Нормы ч. 1 ст. 317.7, ч. 7 ст. 316 УПК РФ относятся не только к приговору, но и к решению о прекращении, в связи с чем его принятию должна предшествовать оценка доказанности обвинения, а не только анализ процессуальных условий. В рамках особого порядка при заключении досудебного соглашения возможности исследования доказательств сокращены, что не способствует достижению объективной истины. В связи с изложенным необходимо закрепить в УПК РФ право суда непосредственно исследовать отдельные доказательства (когда основания к этому возникли после назначения судебного заседания и нет возможности воспользоваться ресурсами предварительного слушания, проводимого на основании п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ), а также отражать результаты их исследования в постановлении о прекращении.

Основным итоговым судебным решением особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является обвинительный приговор. Нормы гл. 40.1 УПК РФ, а также разъяснения Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 не содержат прямого запрета на постановление оправдательного приговора, в них используются формулировки «приговор» и «обвинительный приговор». В п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁶ содержалось разъяснение, согласно которому при рассмотрении дела в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве законом предусмотрено постановление лишь обвинительного приговора, а в тех случаях, когда имеются основания для оправдания, суд выносит постановление о прекращении неординарного порядка судебного разбирательства и назначает рассмотрение уголовного дела в общем порядке. В связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»⁷ указанное разъяснение признано утратившим силу.

Также, как было указано выше, п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 разъясняет, что гл. 40.1 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения.

Содержание приведённых норм закона и разъяснений высшей судебной инстанции не вполне однозначно. Как представляется, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и заключение им досудебного соглашения о сотрудничестве наряду с наличием в уголовном деле оснований для постановления оправдательного приговора свидетельствует о существенных противоречиях, разрешить которые суд может только посредством полноценного судебного следствия в общем порядке. Невозможность постановления оправдательного приговора связана с тем, что обвинение нельзя лишать права доказать виновность обвиняемого, а такой возможности особый порядок судебного разбирательства, в том числе при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, ему не предоставляет ввиду отсутствия судебного следствия. При наличии сомнений в виновности подсудимого судья должен провести полноценное судебное следствие, по результатам которого решить, следует оправдать подсудимого или признать его виновным [8, с. 1041, 1052–1053].

Вместе с тем для исключения подобных дискуссий исчерпывающий перечень итоговых решений особого порядка судебных решений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве следует закрепить в отдельной норме УПК РФ.

Под влиянием дифференцированного порядка судебного разбирательства приобретает существенные особенности и обвинительный приговор.

Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»⁸ нормами уголовно-процессуального закона установлены различные требования к описательно-мотивировочной части обвинительных приговоров, постановленных по результатам рассмотрения дела в особом порядке, в том числе при заключении досудеб-

ного соглашения о сотрудничестве (ч. 8 ст. 316, ч. 6 ст. 317.7 УПК РФ) и в общем порядке (ст. 307 УПК РФ). Согласно ч. 6 ст. 317.7 УПК РФ, п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», п. 22, 22.1 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 16 описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, постановленного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, а также выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключённым с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. Также в этой части указывается, что обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами; подсудимый понимает существо предъявленного ему обвинения и соглашается с ним в полном объёме; досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно при участии защитника; какое содействие следствию оказано, в чем именно оно выразилось (приводятся результаты проведённого в судебном заседании исследования обстоятельств, указанных в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Причиной изменения описательно-мотивировочной части приговора является, с одной стороны, отсутствие характерного для общего порядка полноценного судебного следствия, с другой стороны, видоизменение предмета доказывания, необходимость исследования дополнительных обстоятельств, связанных с характером и пределами сотрудничества. В связи с этим М. К. Свиридов и А. В. Пилюк справедливо отмечают: «Будет логичным, если суд в судебном заседании будет изучать прежде всего вопросы доказанности деяния, в котором обвиняется лицо, сотрудничающее со следствием, и лишь затем оценивать, как, в чём и насколько реально обвиняемый помогал органам расследования» [5, с. 300–301].

В особом порядке при заключении досудебного соглашения происходит сужение возможностей по исследованию доказательств, однако обвинительный приговор может быть постановлен, как указано выше, только при

условии, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается собранными по делу доказательствами. Как справедливо отмечает Н. Н. Ковтун, «...если суд видит, что обвинение, внесенное в суд, не соответствует его убеждению о фактической или юридической стороне содеянного, он должен исправить любую “неправду”, иначе приговор не может быть оценен как акт правосудия» [9, с. 23].

Однако механизм контроля за реализацией данной нормы в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. Суд даёт оценку обоснованности обвинения без непосредственного исследования судом доказательств, путём опосредованного изучения материалов дела, что свидетельствует об изменении классического подхода к требованию обоснованности обвинительного приговора под влиянием дифференциации уголовного судопроизводства.

Так, по мнению И. И. Писаревского, особый порядок судебного разбирательства не в полной мере обеспечивает постановление обоснованных приговоров, в связи с чем необходимо предусмотреть обязанность судьи отражать в приговоре доказательства, положенные в основу обвинения [10, с. 59–60]. Ю. В. Кувалдиной предложено расширить описательно-мотивировочную часть приговора за счёт отражения в ней исследованных доказательств⁹. Подобные предложения представляются заслуживающими внимания, поскольку содержат определённый механизм контроля за изучением судьей материалов дела.

Также авторами неоднократно высказывались предложения о необходимости совершенствования судебного следствия в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [5, с. 300–301; 11, с. 120–121, 163; 12, с. 199]. Следует поддержать предложения о необходимости непосредственного исследования отдельных доказательств в рамках сокращённого судебного следствия, поскольку они направлены на минимизацию возможности вынесения необоснованного обвинительного приговора.

В обсуждаемом контексте также возникает вопрос отражения в постановленном в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве объектив-

ной истины. Как точно отмечает В. А. Азаров, законодатель открывает возможности проявления в судопроизводстве формальной истины [13, с. 14], что увеличивает вероятность судебных ошибок и принятия неправосудных решений [14, с. 16]. Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи (см., например: [15, с. 3]). Представляется, что однозначно ответить на вопрос о характере истины, выраженной в постановленном в особом порядке приговоре, не представляется возможным.

Отсутствие у суда возможности непосредственного исследования доказательств в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может привести к постановлению необоснованных, отражающих формальную истину приговоров, что не отвечает сущности правосудия. Полагаем необходимым наделить суд правом проведения отдельных судебных действий и изложения в описательно-мотивировочной части приговора результатов оценки непосредственно исследованных судом доказательств.

5. Заключение

Подводя итог, резюмируем, что дифференциация процедуры судебного разбирательства в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве влечёт трансформацию системы, содержания, значения и свойств промежуточных и итоговых судебных решений. В этой связи отмечается несколько тенденций: 1) появление специфических разновидностей промежуточных решений, существующих исключительно в рамках соответствующего производства и не характерных общему порядку судебного разбирательства; 2) исчезновение или существенное сокращение отдельных промежуточных решений (направленных на собирание доказательств, обусловленных спецификой субъектного состава данного производства и др.); 3) сокращение перечня итоговых судебных решений; 4) изменение содержания и свойств некоторых итоговых и промежуточных решений. Особенности принимаемых в рамках особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве решений можно рассматривать в качестве самостоятельного признака данного производства. При этом специфика производства оказывает влияние на принимаемые в его рамках

решения, которые также приобретают дифференцированный характер. В действующем УПК РФ необходимо закрепить исчерпывающий перечень итоговых решений особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также предусмотреть право суда непосредственно исследовать отдельные доказательства и отражать результаты их исследования в приговоре или постановлении о прекращении уголовного дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 (п. 4) // Российская газета. – 2012. – 11 июля.

² О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 // Российская газета – 2012. – 10 июля.

³ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 // Российская газета. – 2012. – 7 дек.

⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета. – 2011. – 11 февр.

⁵ Приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного процесса» (п. 7). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 // Российская газета. – 2004. – 25 марта.

⁷ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 // Российская газета. – 2006. – 20 дек.

⁸ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. – 2016. – 7 дек.

⁹ Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разреше-

ния уголовно-правовых конфликтов в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2011. – 21 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константинова В. А. Судебные решения особого порядка судебного разбирательства // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 109–118. – DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).109-118.
2. Боярская А. В. Упрощённое уголовно-процессуальное производство: понятие и способы образования // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 99–108. – DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).99-108.
3. Качалова О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 248 с.
4. Грчичаниченко А. Особый порядок принятия судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 81–85.
5. Свиридов М. К., Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. – Томск : Издат. дом Том. гос. ун-та, 2019. – 348 с.
6. Тисен О. Н. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением как условие легитимности досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2016. – Т. 15, № 4 (33). – С. 131–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.20>.
7. Артамонова Е. А. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как уголовно-процессуальная категория // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 6. – С. 1025–1034. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1025-1034.
8. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. – М. : Статут, 2016. – 1278 с.
9. Ковтун Н. Н. «Кабальная сделка» (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 2. – С. 18–24.
10. Писаревский И. И. Внешнее выражение обоснованности приговора (сравнительно-исторический аспект) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 24. – С. 59–66. – DOI: 10.17223/22253513/24/6.
11. Боярская А. В. Доказывание в упрощённых судебных производствах уголовного процесса России : монография. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 258 с.
12. Машишников Н. О. Особенности рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2019. – Т. 29, вып. 2. – С. 194–199.
13. Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 14–15.
14. Азаров В. А., Беккер Т. А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве : монография. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 208 с.
15. Свиридов М. К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 10 : Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сборник статей / под ред. Ю. К. Якимовича. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 160 с.

Информация об авторе

Константинова Виктория Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: vak5577@yandex.ru

SPIN-код: 6269-9313, Author ID: 741170

Информация о статье

Дата поступления – 4 октября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Константинова В. А. Судебные решения особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 101–111. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(3).101-111.

JUDICIAL DECISIONS OF SPECIAL ORDER WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

V.A. Konstantinova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The article is devoted to court decisions made within the framework of a special order judicial trial when concluding a pre-trial cooperation agreement, which are changed under the influence of a simplified procedure. **Purpose.** The purpose of this study is to identify the features of the system, content, meaning and properties of court decisions of this order. **Methodology.** The conclusions and recommendations contained in the work are based on a comprehensive application of formal legal, system-structural and comparative legal methods. **Results.** The change in the procedure of judicial trial entails the transformation of the system of final and intermediate court decisions, in this regard, the following trends are noted: the appearance of specific varieties, the disappearance or significant reduction of individual decisions; changes in the meaning, content and properties of some decisions. The conclusion is formulated about the need to improve the norms of the criminal procedure law in the area under study.

Keywords: court decision; intermediate judgment; final judgment; sentence; special procedure of trial; pre-trial cooperation agreement.

REFERENCES

1. Konstantinova V.A. Judicial decisions of special order judicial trial. *Vestnik Omskogo universiteta. Seria "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 109-118. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).109-118. (In Russ.).
2. Boyarskaya A.V. Simplified criminal procedure: concept and methods of education. *Vestnik Omskogo universiteta. Seria "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 99-108. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(2).99-108. (In Russ.).
3. Kachalova O.V. *Types of accelerated proceedings in the Russian criminal procedure*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 248 p. (In Russ.).
4. Grichanichenko A. Special arrangements with judicial decision-making: a comparative analysis of the content of Chapter 40 and Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, problems of their application. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 1, pp. 81-85. (In Russ.).
5. Sviridov M.K., Piyuk A.V. *Theoretical foundations of simplifying the form of settlement of criminal cases by the court in the Russian Federation*. Tomsk, Publishing House of TSU, 2019. 348 p. (In Russ.).
6. Tisen O.N. The defendant's consent with the accusation as a condition of the legitimacy of pre-trial agreement on cooperation. *Vestnik VolGU. Seriya 5. Yurisprudenciya = Science Journal of VolSUy. Series 5. Jurisprudence*, 2016, vol. 15, no. 4 (33), pp. 131-137. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.20>. (In Russ.).
7. Artamonova E.A. The expression of the will of the accused (the suspect) as a criminal procedural category. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian criminological journal*, 2019, no. 6, pp. 1025-1034. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1025-1034. (In Russ.).
8. Golovko L.V. (ed.). *Course of criminal procedure*. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p. (In Russ.).
9. Kovtun N.N. Oppressive transaction (on the actual essence of the institution stipulated by Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2020, no. 2, pp. 18-24. (In Russ.).
10. Pisarevskiy I.I. External expression of sentence validity (comparative-historical aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2017, no. 24, pp. 59-66. DOI: 10.17223/22253513/24/6. (In Russ.).
11. Boyarskaya A.V. *Proving in simplified court proceedings of the criminal process of Russia*, monograph. Omsk, Omsk State University Publishing House, 2015. 258 p. (In Russ.).
12. Mashinnikova N.O. Features of consideration of a criminal case in the order of Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo" = Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and law"*, 2019, vol. 29, iss. 2, pp. 194-199. (In Russ.).
13. Azarov V.A. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Double Standards in Establishing the Truth? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2003, no. 4, pp. 14-15. (In Russ.).
14. Azarov V.A., Becker T.A. *Establishing the truth as the basis for preventing miscarriages of justice in criminal proceedings*, monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 208 p. (In Russ.).

15. Sviridov M.K. Competitiveness and the establishment of truth in criminal proceedings (article), in: Yakimovich Yu.K. (ed.). *Legal problems of strengthening Russian statehood. Part 10: Problems of criminal procedure in the light of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation*, collection of articles. Tomsk, National Research Tomsk State University Publishing House, 2002, pp. 3-7. (In Russ.).

About the author

Konstantinova Viktoria – Ph.D. in Law, Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: vak5577@yandex.ru

SPIN-code: 6269-9313, Author ID: 741170

Article info

Received – October 4, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Konstantinova V.A. Judicial Decisions of Special Order when Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 101-111. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).101-111. (In Russ.).

УДК 343

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).112-120

ПОНЯТИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

К. Б. Макарова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. В статье приводится характеристика сущности и природы экономической организованной преступности, специфика подходов к определению данного криминологического явления. **Цель.** Цель статьи – проанализировать доктринальные взгляды и позиции на предмет категориального определения организованной экономической преступности. Определение рассматриваемого понятия также предполагает изучение и формирование подробной характеристики правоприменительного толкования. **Методология.** Сопоставляются авторские концепции дефиниций «организованная экономическая преступность», производится анализ компонентов «экономическая преступность» и «организованная преступность». При помощи эмпирического метода сравнения сопоставляются различные виды экономической преступности. В результате произведённого исследования необходимым видится сформировать индуктивное умозаключение по основным вопросам научной работы. **Результаты.** Уточнены термины «экономическая преступность» и «организованная преступность», сконструированы основания и критерии для отграничения различных видов экономической преступности, проанализированы доктринальные позиции на предмет сущностных характеристик организованной экономической преступности. **Заключение.** В статье представлено авторское видение понятия организованной экономической преступности, а также сделан вывод о том, что на сегодняшний день особенностью понятия экономическая организованная преступность является сращивание его с категорией «организованная преступность», что обусловлено совершенствованием и развитием общественных отношений в условиях рыночной экономики.

Ключевые слова: организованная экономическая преступность; экономические преступления; рыночный механизм экономики; преступные организации.

1. Введение

В юридической доктрине на сегодняшний день нет единого, общепризнанного взгляда на понятие организованной экономической преступности как криминологического явления. Для того чтобы исследовать категорию «организованная экономическая преступность», необходимо рассмотреть составляющие элементы данной категории: организованная преступность и экономическая преступность. Данный тезис поддерживают ряд авторов в своих научных работах об экономической преступности и организованной преступности, отмечая, что организованная экономическая преступность представляет собой предмет углублённого криминологического исследования, который невозможен без анализа составляющих её компонентов [1, с. 59].

Понятие «организованная преступность» вошло в отечественное криминологическое исследование в середине 70-х гг. XX в.

Наиболее известными и признанными являются работы А. Э. Жалинского, В. В. Овчинского, В. Н. Кудрявцева, Г. В. Миньковского, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева и других. Но, по мнению Р. Ш. Шегабудинова, несмотря на высокую значимость этих трудов в основном они были посвящены преступности в целом, её закономерностям, личности преступника и превенции в условиях плановой системы управления экономикой, и лишь небольшая часть исследований была изучена в контексте рыночной экономики [2, с. 51].

2. Методология

В статье сопоставляются авторские концепции дефиниций «организованная экономическая преступность», производится анализ компонентов «экономическая преступность» и «организованная преступность». При помощи эмпирического метода сравнения сопоставляются различные виды экономической преступности. В результате произведённого исследования необходимым

видится сформировать индуктивное умозаключение по основным вопросам научной работы.

3. Позиции учёных на предмет понятийной характеристики категории «организованная преступность»

Так, Э. Ф. Побегайло считает, что «организованная преступность выступает в качестве формы социальной патологии, которая обладает высокой степенью общественной опасности и выражается в постоянном и относительно массовом воспроизводстве и функционировании преступных сообществ» [3, с. 25]. А. И. Гуров полагает, что организованная преступность представляет собой «относительно массовое функционирование управляемых сообществ преступников, отличающихся особой устойчивостью и занимающихся совершением преступлений как промыслом, бизнесом и создающих при помощи коррупции систему защиты от общественного контроля» [4, с. 66].

По мнению профессора М. П. Клейменова, при изучении организованной преступности необходимо использование социологического, экономического, политического и правового подходов. Социологический подход предполагает, что организованная преступность выражена в деятельности организации преступных субъектов. В контексте экономического подхода рассматриваемое явление признается преступностью в сфере бизнеса, т. е. преступной деятельностью, нацеленной на получение прибыли. Политический подход трактует организованную преступность как «государство в государстве», т. е. желание субъектов занять ниши, которые не заполнило государство, а в дальнейшем – приспособить государственные структуры для собственных преступных целей. Последний юридический подход ориентирует организованную преступность исключительно на правовые характеристики [5, с. 171].

По мнению А. В. Шатилова, наиболее неудачными формулировками при конструировании понятия «организованная преступность» признаются: «плановность», «широкие масштабы осуществления преступной деятельности», «значительная опасность для общества в связи с оказанием существенного влияния на различные сферы общественной жизни» и др. [6, с. 136].

Профессор В. В. Лунеев при исследовании определения «организованная преступность» через призму криминологической точки зрения выделил несколько её уголовно-правовых признаков. Думается, что использование уголовно-правового подхода весьма объяснимо и целесообразно. Автор выделил ключевым признаком организованной преступности не столько её реализацию в составе различных преступных групп, сколько процессы их формирования [7, с. 596–597].

Преступлением в целом признаётся явление не индивидуального, а социального характера. Большинство западных учёных сходятся во мнении, что организованная преступность – явление социальное [8, с. 143].

4. Позиции учёных на предмет понятийной характеристики категории «экономическая преступность»

Категория «экономическая преступность», в отличие от понятия «организованная преступность», имеет несколько иной уровень доктринальной разработанности. Отсутствие нормативно регламентированного и признаваемого большинством представителей науки уголовного права понятия «экономическая преступность» свидетельствует о высокой сложности и многоплановости данного преступного деяния.

В литературе можно встретить мнение о том, что экономическая преступность тождественна таким видам преступности, как «бизнес-преступность», «преступность в сфере бизнеса», «беловоротничковая преступность». По верному замечанию А. А. Михайличенко, названные виды преступности размывают представление о предмете исследования. Автор приводит пример: «наркобизнес – это абсолютно точно бизнес-преступность, но не совсем верно считать его разновидностью экономической преступности...»

Согласно ещё одному подходу суть экономической преступности заключается в совокупности составов преступлений, направленных против собственности и предпринимательских преступлений. В то же время хозяйственные преступления автор признаёт предпринимательскими, где предпринимательство подразделяется на частный и государственный сектор.

С. И. Мурзаков считает, что «экономическая преступность – это общественно

опасные и уголовно противоправные деяния, которые посягают на право собственности, интересы экономики и её субъектов, корпораций, а также на имущественные отношения граждан».

В Российской Федерации законодатель пошел по пути принятия вышеуказанного подхода. В разделе УК РФ «Преступления в сфере экономики» содержится три главы: глава 21 «Преступления против собственности», глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Примечательно, что кража, грабеж и разбой отнесены законодателем к преступлениям, которые совершаются в экономической сфере. Считается, что широкий общественный признак оправдывает такой тезис. Но практическая реализация данного положения в действительности невозможна, так как в противном случае сформируются препятствия для достижения эффективности в следственной и судебной практике.

Особый интерес представляет мнение о том, что экономическая преступность не идентична преступности в сфере экономики. Второе явление шире, чем первое, так как вбирает в себя все преступления, которые наличествуют в сфере экономики, в частности, совокупность традиционных имущественных преступлений. Таким образом, экономическая преступность представляется частью преступности в сфере экономики.

Резюмируя результаты анализа дефиниции «экономическая преступность», следует сказать, что наиболее верным представляется категориальное толкование через призму узкого подхода: экономическая преступность – это система преступлений, которые совершаются в экономической деятельности. Системность приведённых преступлений обеспечивается за счёт однородности криминальной среды, направленности преступного умысла, мотива и отношения к причинённому вреду.

5. Определение организованной экономической преступности через сущностные характеристики преступности

В работе профессора А. С. Овчинского «Матрица преступности» преступность дифференцируется на экстремистскую и интрузив-

ную. Под экстремистской преступностью понимаются криминальные явления, которые чётко воспринимаются населением в качестве преступных, она «выдавливается» системой социальных отношений. При таком процессе общественного и государственного отторжения, по мнению автора, эта преступность формирует собственную систему отношений, создавая структуру и формы организованной преступности, в которой происходит построение криминальной субкультуры. Интрузивная преступность влияет на общество и государство с большей общественной опасностью. Она представляет собой вид такой преступности, которая после появления встраивается в систему социальных, экономических, политических связей, оказывая существенное воздействие на политическую и духовную жизнь общества. Также автор приводит две качественные характеристики преступности: деструктивность и конструктивность. Конструктивная преступность является традиционной преступностью с «классическими» запрещёнными видами деятельности. К таковым составам преступлений можно отнести грабежи, разбои, кражи и др. Именно деструктивность характеризует высокий уровень общественной опасности организованной экономической преступности, поскольку деструктивный характер преступности заключается в извлечении криминального дохода из разрушения социально-экономических отношений, а также основ государственного строя и разложения морально-нравственных устоев социума. Кроме того, общественная опасность организованной экономической преступности с позиции деструктивной качественной характеристики преступности проявляется в существовании «энергии причинно-следственного комплекса с закономерным постоянством воздействия на множество людей». В процессе осуществления и реализации преступных действий субъектами организованного экономического формирования разрушаются социальные структуры и экономические комплексы, материальные средства и финансовые ценности становятся предметом перераспределения криминальных субкультур [9, с. 73].

А. С. Овчинский собственной теоретической разработкой смог сущностно обозначить общественную опасность современной

организованной экономической преступности через призму социальных, экономических, политических и духовных отношений, господствующих в конкретном обществе и государственном строе.

Организованная экономическая преступность в силу своих характерных особенностей имеет определённые внутренние связи с иными видами преступности, в частности, транснациональной, служебной экономической преступностью.

6. Соотношение организованной экономической преступности с транснациональной экономической преступностью

Транснациональной экономической преступностью является выходящая за пределы национальной территории и осуществляемая с целью получения финансовой выгоды организованная преступная деятельность, которая способна функционировать с помощью деструктивного воздействия на конкретные области экономики и экономику государства в целом, а также формировать независимые отрасли теневой экономики, налаживать и поддерживать систематические транснациональные контакты, которые позволяют заключать сделки с целью развития криминального бизнеса. Исполняется данная деятельность специальными организациями, которые созданы или используются для ведения или прикрытия криминальной структуры. В большинстве своём транснациональная экономическая преступность «включена» в легальный сектор экономики. В иностранных научных источниках встречается позиция, в соответствии с которой отличительной особенностью транснациональной преступности является лабильность, заключающаяся в высокой способности организованных преступных групп приспосабливаться к изменениям и тенденциям спроса и предложения, методам работы правоохранительных органов [10, р. 352].

В основе приведённого категориального понимания транснациональной экономической преступности лежит совокупность признаков, которые в той или иной степени определяют организованную экономическую преступность. Так, к характерным особенностям организованной экономической преступности, исходя из анализа работы М. Г. Козловской, можно отнести наличие

чёткой организационной структуры, отличающейся более высоким уровнем социальных притязаний, способностью оказывать влияние на экономические и политические процессы [11, с. 114]. К характерным особенностям экономической организованной преступности также относятся: использование способов насилия или угроз применения насилия, множественный характер, единая преступная идеология, наличие собственной системы безопасности, срачивание с правоохранительными органами, целью осуществления преступной деятельности является захват на рынках товаров и услуг и др.

В части современного развития и расширения транснациональной экономической преступности особый интерес представляют краудфандинговые площадки, специфика которых заключается в возможности собирания денежных средств на реализацию различных проектов посредством размещения их в сети Интернет. Криминологическая специфика преступности, которая существует в данной области, заключается в вероятности преступного использования инструментов краудфандинга, в частности, договора инвестирования. В данном случае сущность данного вида преступности кроется в совершении мошеннических действий, направленных на получение материальной выгоды. На сегодняшний день комплексного изучения проблематики данного вида преступности в отечественной науке нет, однако, по мнению Т. С. Яценко, Е. В. Тищенко, А. И. Овчинникова [12, с. 191], расширение мошенничества посредством краудфайдинговых платформ является следствием его недостаточного правового регулирования, так как положения о защите прав инвесторов, представленные в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ставятся под сомнения в части их эффективности. Так, например, ограничение размера инвестирования, по смыслу законодателя, выступает верной и безопасной формой охраны интересов инвестора. Хотя, безусловно, данное утверждение не может являться подлинным и действенным на практике по причине того, что оно лишь способствует уменьшению

размера потенциального ущерба, а не его недопущению. Таким образом, следует, что новейшая форма мошенничества обладает весьма серьёзным потенциалом в отношении становления в качестве самостоятельного вида организованной экономической преступности, поскольку сфера IT-преступности (к таковой, на наш взгляд, относится преступность в области краудфайдинга) имеет специфику именно в части своего широкого распространения и наличия структурных подразделений.

Таким образом, исходя из приведённых признаков организованной экономической преступности и транснациональной экономической преступности, можно сделать вывод о том, что они соотносятся как общее и частное, где транснациональная преступность выступает в роли частного – одной из форм организованной экономической преступности. Транснациональная экономическая преступность представляет собой новую форму современной высокоразвитой профессионально-организованной экономической преступности, имеющей сферы международного базирования и криминального функционирования. Данное положение обусловлено фундаментальными основами, которые заложены в обоих видах преступности, но принадлежат именно организованной экономической преступности.

7. Соотношение организованной экономической преступности со служебной организованной преступностью

М. П. Клеймёнов, И. М. Клеймёнов, А. И. Кондин в своей работе дают следующее определение понятию «служебная организованная преступность»: «это деятельность организованных преступных групп и преступных сообществ, которая осуществляется в связи с криминальной эксплуатацией интересов государственной и муниципальной службы» [13, с. 186]. Главный признак служебной организованной преступности заключается в преступной деятельности под прикрытием легальной структуры, осуществляющей государственные функции.

Основная суть данного преступного феномена заключается в том, что в процессе осуществления служебной организованной преступности происходит перерождение го-

сударственного аппарата управления в организованную форму преступного сообщества.

Признаками служебной организованной преступности, по мнению вышеназванных авторов, являются следующие:

а) деятельность осуществляется под прикрытием легальных структур;

б) кадровую политику реализуют при помощи использования личной преданности лидеру;

в) использование латентных противоправных способов в государственном, муниципальном, экономическом, общественном видах управления;

г) создание многоуровневой и многопрофильной системы защиты от правоохранительных органов;

д) управление информационными потоками с целью формирования благоприятного имиджа фактически существующего криминального формирования.

Исходя из приведённых положений, характеризующих сущность служебной организованной преступности, следует вывод, в соответствии с которым служебная экономическая преступность является более узким феноменом по отношению к организованной экономической преступности, что вызвано наличием в ней родственных признаков, принадлежащих организованной экономической преступности. В то же время служебная экономическая преступность содержит в себе экономическую, коррупционную и общеуголовную преступность, что обусловлено её комплексным уголовно-правовым содержанием.

При определении понятия «организованная экономическая преступность» следует обратить внимание на положения ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которую 14 марта 2020 г. Федеральным законом № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» были внесены изменения.

Примечание 1 к ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель изложил следующим образом: «Учредители, участники, руководители, члены органов управления и работники организации, заре-

гистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководители, работники её структурного подразделения не подлежат уголовной ответственности по настоящей статье только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) её структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) её структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений».

Пояснительная записка к указанному закону определила в качестве цели внесения данного положения изменение «тревожной» судебно-следственной практики применения положений ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении учредителей, руководителей или сотрудников организаций, осуществляющих нормальную экономическую деятельность и не связанных с осуществлением профессиональной организованной преступной деятельности.

В данном случае, по мнению профессора М. П. Клеймёнова, современным российским законодателем отрицается очевидная возможность использования легальных систем власти и управления для того, чтобы осуществлять организованную преступную деятельность. Критикуя законодательные изменения, учёный отмечает, что благодаря данному механизму происходит удовлетворение интересов бизнеса, а также формируется большая поддержка идеям последовательного нарушения принципа равенства всех перед законом [14, с. 533].

Вышеприведённое нововведение ограничивает качественное свойство сговора, которое лежит в основе организованной экономической преступности. Так, закон США о рэкетированных и коррумпированных организациях трактует понятие «преступный сговор» как широкомасштабный криминальный сговор. Такой же подход использовал советский законодатель, регламентируя общественные отношения в рассматриваемой области. Однако современный подход исходит из усечённого толкования категории «сговор»,

что способствует развитию и расширению конспирологических начал в части осуществления организованной экономической деятельности.

Считая рассматриваемое законодательное нововведение недостаточно целесообразным и доработанным, Т. В. Якушева отмечает, что данная поправка противоречит положениям Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации в части норм о преступных сообществах как форме преступного соучастия, в результате чего образуется коллизия [15, с. 66]. Часть 4 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает четыре формы соучастия. Категории «соучастие» и «формы соучастия» носят универсальную законодательную характеристику, ограничивать их применительно к какому-либо составу преступления не обоснованно. Также автор считает, что, освобождая от уголовной ответственности за совершение преступного деяния по причине того, что первоначальный смысл нормы заключался в правиле «не для всех», происходит формирование почвы для нарушения принципа равенства всех граждан перед законом.

С данными утверждениями сложно не согласиться. Ко всему прочему недостатком ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации является заведомое создание криминального объединения для реализации преступных целей, поскольку факт образования криминального объединения не во всех случаях предшествует созданию подконтрольного легального юридического лица. Зачастую преступная цель появляется в процессе осуществления законной деятельности. Более того, существуют криминальные образования, в структуре которых наличествуют как законные, так и незаконные механизмы реализации поставленных целей.

8. Заключение

В результате проведённого анализа можно сформировать следующее определение организованной экономической преступности: организованная экономическая преступность представляет собой сознательную, систематическую деятельность, которой присущи свойства мимикрийности и деструктивности, осуществляемую в широких масштабах организованными сообществами субъектов. Их сговор заключается в совер-

шении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, имеющих одинаковую преступную идеологию, а также собственную внутреннюю иерархию, систему управления и обеспечения безопасности, применяющих для совершения преступлений полномочия органов государственной, муниципальной власти, правоохранительных и контролирующих органов, охранных структур, целью которых выступает извлечение прибыли и приобретение власти в процессе формирования и реализации незаконных или же законных рынков товаров и услуг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайличенко А. А. Прогнозирование экономической преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2002. – С. 22.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я. И. Теневая экономика и экономическая организованная преступность // Молодёжь: цифры, факты, мнения. – 1994. – № 2. – С. 56–78.
2. Шегабудинов Р. Ш. О формулировании понятия «организованная экономическая преступность, сопряжённая с коррупцией» // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 10. – С. 45–56.
3. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. – М. : Акад. МВД СССР, 1990. – 47 с.
4. Гуров А. И. Организованная преступность – не миф, а реальность. – М. : Знание, 1990. – 80 с.
5. Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М., Козловская М. Г. Нормативный подход к организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 167–177.
6. Шатилов А. В. Унификация определений понятия «организованная преступность» в контексте повышения правовой культуры // Правовая культура. – 2017. – № 2 (29). – С. 130–137.
7. Лунеев В. В. Криминология : учебник для академического бакалавриата / под ред. В. В. Лунеева. – М. : Юрайт, 2019. – С. 596–597.
8. Сотов А. И. Организованная преступность на Западе – становление и изучение // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 1 (24). – С. 139–147.
9. Овчинский А. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности : монография / под науч. ред. В. С. Овчинского. – М. : Норма, 2017. – 111 с.
10. Edwards A. Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption. – Edmonton : University of Toronto Press, 2003, – 352 p.
11. Козловская М. Г. Преступное сообщество: криминологический подход // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 109–116.
12. Яценко Т. С., Тищенко Е. В., Овчинников А. И. Краудфандинг: социальное предпринимательство и противодействие преступности в этой сфере // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 189–198. – DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).189-198.
13. Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М., Кондин А. И. Феномен служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4 (49). – С. 184–189.
14. Клеймёнов М. П. Криминологические аспекты конспирологии // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 531–540.
15. Якушева Т. В. Ограничения действия нормы о преступном сообществе: «предпринимательская» гуманизация и уголовно-правовые риски её обеспечения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 12. – С. 66–74.

² Мурзаков С. И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1997. – С. 84.

³ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. – 2019. – № 8. – Ст. 1178.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ // СЗ РФ. – 2019. – № 14 (ч. I). – Ст. 1459.

Информация об авторе

Макарова Ксения Борисовна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ksmak6@yandex.ru

SPIN-код: 2084-8323, Author ID: 1106826

Информация о статье

Дата поступления – 8 июня 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Макарова К. Б. Понятие организованной экономической преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 112–120. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).112-120.

CONCEPT OF ORGANIZED ECONOMIC CRIME

K.B. Makarova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The article describes the essence and nature of economic organized crime, the specifics of approaches to the definition of this criminological phenomenon. **Purpose.** To analyze the doctrinal views and positions on the subject of a categorical definition of organized economic crime. The definition of the concept under consideration also involves the study and formation of a detailed characteristic of the law enforcement interpretation. **Methodology.** To compare the author's concepts of the definitions of "organized economic crime", to analyze the two components "economic crime" and "organized crime". Using the empirical comparison method, compare different types of economic crime. As a result of the conducted research, it seems necessary to form an inductive conclusion on the main issues of scientific work. **Results.** The terms "economic crime" and "organized crime" are clarified, the grounds and criteria for distinguishing different types of economic crime are constructed, doctrinal positions are analyzed for the essential characteristics of organized economic crime. **Conclusion.** The article presents the author's vision of the concept of organized economic crime, and also concludes that today the peculiarity of the concept of economic organized crime is its merging with the category of "organized crime", which is due to the improvement and development of public relations in a market economy.

Keywords: organized economic crime; economic crimes; market mechanism of the economy; criminal organizations.

REFERENCES

1. Gilinsky Ya.I. Shadow economy and economic organized crime. *Molodezh': tsifry, fakty, mneniya = Youth: figures, facts, opinions*, 1994, no. 2, pp. 56-78. (In Russ.).
2. Shegabudinov R.Sh. On the formulation of the concept of "organized economic crime associated with corruption". *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 10, pp. 45-56. (In Russ.).
3. Pobegailo E.F. *Trends in modern crime and the improvement of the criminal law fight against it*. Moscow, Akad. Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1990. 47 p. (In Russ.).
4. Gurov A.I. *Organized crime is not a myth, but a reality*. Moscow, Znanie Publ., 1990. 80 p. (In Russ.).
5. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M., Kozlovskaya M.G. Normative approach to organized crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 167-177. (In Russ.).
6. Shatilov A.V. Unification of definitions of the concept of "organized crime" in the context of improving legal culture. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*, 2017, no. 2 (29), pp. 130-137. (In Russ.).
7. Luneev V.V. *Criminology*, textbook for academic bachelor's degree. Moscow, Yurait Publ., 2019, pp. 596-597. (In Russ.).
8. Sotov A.I. Organized crime in the West – formation and study. *Biblioteka kriminalista = Library of criminalist*, 2016, no. 1 (24), pp. 139-147. (In Russ.).
9. Ovchinsky A.S., Chebotareva S.O. *The matrix of crime*, monograph. Moscow, Norma Publ., 2017. 111 p. (In Russ.).
10. Edwards A. *Critical Reflections on Transnational Organized Crime, Money Laundering, and Corruption*. Edmonton, University of Toronto Press, 2003, 352 p.
11. Kozlovskaya M.G. Criminal community: criminological approach. *Pravoprimenenie = Law enforcement*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 109-116. (In Russ.).

12. Yatsenko T.S., Tishchenko E.V., Ovchinnikov A.I. Crowdfunding: social entrepreneurship and countering crime in this area. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 189-198. (In Russ.).
13. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M., Kondin A.I. The phenomenon of official organized crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, vol. 4 (49), pp. 184-189. (In Russ.).
14. Kleymenov M.P. Criminological aspects of conspiracy theory. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 531-540. (In Russ.).
15. Yakusheva T.V. Restrictions on the validity of the rule on a criminal community: "entrepreneurial" humanization and criminal risks of its provision. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2020, no. 12, pp. 66-74. (In Russ.).

About the author

Makarova Ksenia – postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: ksmak6@yandex.ru
SPIN-code: 2084-8323, Author ID: 1106826

Article info

Received – June 8, 2021
Accepted – October 12, 2021

For citation

Makarova K.B. Concept of Organized Economic Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 112-120. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).112-120. (In Russ.).

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 121–125.

УДК 343.1

DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).121-125

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ДОКАЗЫВАНИЕ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»

В. А. Азаров, В. А. Константинова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Настоящая работа отражает результаты рецензирования монографии «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве», подготовленной коллективом авторов под редакцией доктора юридических наук, профессора Л. Н. Масленниковой (Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. 448 с.). **Результаты.** Констатированы актуальность, теоретическое и практическое значение содержащегося в издании исследования фундаментальных уголовно-процессуальных проблем – доказывания и принятия решений. Авторами сосредоточено внимание на многообразных аспектах указанной области: публичные и диспозитивные начала уголовного судопроизводства; теоретические основы принятия решений в уголовном судопроизводстве; проблемы доказывания и принятия решений в досудебном производстве и суде первой инстанции, в том числе в особых порядках рассмотрения уголовных дел и др. Сформулированные авторами выводы убедительны. В рецензии дана высокая оценка монографии, раскрывающей разработанные доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки П. А. Лупинской методологические основы в контексте современных тенденций доказывания и принятия процессуальных решений.

Ключевые слова: доказывание; принятие решений; процессуальное решение; судебное решение; состязательность.

1. Введение

Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве относятся к числу фундаментальных уголовно-процессуальных проблем, методологические основы которых заложены доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки России Полиной Абрамовной Лупинской. Рецензируемая монография «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве», подготовленная коллективом кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О. Е. Кутафина под редакцией доктора юридических наук, профессора Л. Н. Масленниковой (Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. 448 с.) является продолжением данного направления научных исследований. Выпуск монографии приурочен к юбилейным датам:

90 лет Московскому государственному юридическому университету имени О. Е. Кутафина и 100 лет со дня рождения П. А. Лупинской. Авторами сосредоточено внимание на таких многообразных аспектах указанной области, как: публичные и диспозитивные начала уголовного судопроизводства; теоретические основы принятия решений в уголовном судопроизводстве; проблемы доказывания и принятия решений в досудебном производстве и суде первой инстанции, в том числе в особых порядках рассмотрения дел и др. Данное издание монографии является вторым, что обусловлено изменением уголовно-процессуального закона и появлением новых результатов научных дискуссий, в частности, дискуссии о цифровизации судопроизводства. Изложенное позволяет высоко оценить актуальность, теоретическое и прак-

тическое значение избранной коллективом авторов темы.

2. Анализ структуры и содержания

Архитектоника работы представлена таким образом, чтобы можно было осветить наиболее актуальные вопросы доказывания и принятия решений в состязательном уголовном судопроизводстве. Монография состоит из введения, восьми глав, включающих 25 параграфов, заключения.

Во введении обосновывается актуальность заявленной темы исследования, характеризуется весомый личный вклад П. А. Лупинской в уголовно-процессуальную теорию доказывания и принятия решений. При этом отмечается, что тема теоретических основ доказывания и принятия решений, а также правового регулирования указанных вопросов, включая качество процессуальных решений, далеко не исчерпана.

Первая глава посвящена исследованию соотношения публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства, их влиянию на понимание теоретических основ принятия процессуальных решений. Справедливо отмечается, что доказывание и принятие решений в уголовном процессе является обязанностью государственных органов, однако реализация частными лицами субъективных прав по заявлению ходатайств оказывает существенное влияние на процесс установления фактических обстоятельств дела и принятие соответствующих решений. В частности, процедуры рассмотрения уголовно-правового спора о виновности дифференцированы уголовно-процессуальным законом и обусловлены волеизъявлением сторон.

Весьма содержательной представляется вторая глава монографии, посвящённая теоретическим основам принятия решений в уголовном судопроизводстве, в которой проведен современный анализ правоприменительной природы процессуальных решений, соотношения в них вопросов факта и права. Изложенные в данной главе разработки П. А. Лупинской остаются фундаментом дальнейших исследований современных проблем принятия решений при производстве по уголовным делам. Являясь последователями её идей, нашедших отражение в собственных научных исследованиях, посвящённых промежуточным решениям суда пер-

вой инстанции¹, особо подчеркнём содержащийся в рецензируемой монографии вывод о том, что определение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, важно не только для постановления приговора, но и для законности и обоснованности всех выносимых в процессе решений.

Третья глава раскрывает актуальные вопросы доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве (сущность, цели и средства, субъекты и пр.). Совершенно справедливо утверждение о том, что в контексте дифференциации уголовно-процессуальной деятельности вопрос об установлении объективной истины остаётся сегодня открытым. Оснований однозначно утверждать о достижении данной цели доказывания в рамках особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, а также особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не имеется.

В четвёртой главе делается акцент на актуальных вопросах доказывания и принятия решений в досудебном производстве (по поступившему сообщению о преступлении, при избрании мер пресечения, привлечении в качестве обвиняемого, прекращении уголовного дела и пр.). Отдельное внимание уделяется надзору прокурора за законностью доказывания и принятия решений в досудебном производстве. Обращается внимание на то, что отсутствие у прокурора текущих надзорных полномочий за законностью производства предварительного следствия не может быть компенсировано действиями и решениями, которые предусмотрены при поступлении к нему дела с обвинительным заключением. Делается обоснованный вывод о том, что совершенствование деятельности прокурора по надзору за доказыванием и принятием решений органами предварительного расследования возможно только посредством изменений закона, направленных на исключение различий его полномочий в зависимости от формы расследования.

В пятой главе анализируются актуальные вопросы доказывания и принятия решений в суде первой инстанции. В частности, указано, что не представляется возможным рассмотрение уголовного дела без вынесения

законных, обоснованных и мотивированных промежуточных решений, которые принимаются по инициативе суда или по ходатайствам сторон. Роль указанной группы решений в осуществлении правосудия по уголовным делам, действительно, сложно переоценить, так как без них невозможно постановить законное и обоснованное итоговое решение. Вместе с тем нами не вполне разделяется изложенная позиция о градации степени доказанности фактических обстоятельств дела, лежащих в основе принятия различных промежуточных решений (она обоснована лишь в контексте содержания ст. 73 УПК РФ). Полагаем, что фактические обстоятельства, лежащие в основе любого промежуточного решения, должны быть достоверно установлены и доказаны. Также в данной главе затрагивается научная дискуссия о пассивности суда в состязательном уголовном процессе, по результатам которой делается весьма значимый вывод о том, что ответственность за принятие законного, обоснованного, справедливого решения возложена на суд. Именно поэтому суд обязан всесторонне, полно и объективно устанавливать обстоятельства дела, активно участвуя в исследовании представляемых сторонами доказательств. Весьма актуальным также представляется рассмотрение особенностей доказывания в рамках производства с участием присяжных заседателей, а также анализ вердикта в контексте учения о решениях в уголовном судопроизводстве.

В шестой главе рассматриваются актуальные вопросы доказывания и принятия решений при рассмотрении уголовно-процессуальных споров по жалобам и представлениям (на решения, действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора; в апелляционном, кассационном, надзорном производстве, а также в производстве ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств). Формулируется предложение о совершенствовании института судебного контроля за счёт выделения судов, для которых деятельность по рассмотрению жалоб при возбуждении и расследовании уголовных дел будет единственной функцией, не связанной с рассмотрением по существу уголовно-правового спора о виновности. При анализе вопроса о принятии решений в апелляционном про-

изводстве делается обоснованный вывод о том, что только непосредственное исследование доказательств позволит сделать пересмотр судебных решений, не вступивших в законную силу, эффективным средством выявления и устранения судебных ошибок. Однако, на наш взгляд, при рассмотрении актуальных проблем принятия решений в кассационном порядке недостаточно внимания уделено одной из новелл, появившихся в связи с принятием Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе РФ” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» – дифференциации кассации на сплошную и выборочную в зависимости от вида судебных решений. Один из параграфов данной главы посвящен злободневной проблеме использования видеотехнологий при доказывании и принятии решений в состязательном уголовном судопроизводстве. Однако следует отметить, что их применение далеко выходит за рамки правоотношений, обозначенных в наименовании главы, посвящённой уголовно-процессуальным спорам по жалобам и представлениям.

Вызывают несомненный интерес положения седьмой главы, где рассматриваются особенности доказывания и принятия решений в особых порядках уголовного судопроизводства – при производстве в отношении несовершеннолетних, а также о применении принудительных мер медицинского характера. Отмечаются особенности предмета доказывания, прерогатив участников процесса доказывания, уголовно-процессуальной формы судебного разбирательства. Со ссылкой на позиции высшей судебной инстанции обоснованно отмечается недопустимость применения предусмотренных гл. 40 и 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации порядков по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (в связи с отсутствием полноценного судебного следствия). Акцентируется внимание на недопустимости принятия судами решений, ограничивающих права лиц, страдающих психическим расстройством, на личное участие

в процедурах доказывания. Подчёркивается, что важной гарантией защиты их интересов является непосредственность исследования судом доказательств, характеризующих состояние здоровья, что продуцирует принятие в связи с этим мотивированных решений.

Заключительная глава монографии посвящена особенностям доказывания и принятия решений при оказании правовой помощи по уголовным делам иностранными государствами. В частности, справедливо утверждается, что полученные на территории иностранного государства доказательства не являются априори допустимыми, а подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами по правилам уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

В заключении формулируются основные выводы по заявленной теме. Акцентируется внимание на том, что уголовное судопроизводство впервые представлено в монографии как система споров и процедур их рассмотрения.

3. Заключение

В завершение отметим, что монография «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве» является актуальным комплексным научным исследованием, выполненным на высоком теоретическом и методологическом уровне. Работа, проделанная при подготовке монографии коллективом авторов под редакцией доктора юридических наук, профессора Л. Н. Масленниковой, представляет собой очередной важный этап развития учения о доказывании и принятии процессуальных решений и, безусловно, будет востребована научным сообществом и практическими работниками.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : монография. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 216 с.; Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2012. – 234 с.

Информация об авторах

Азаров Владимир Александрович – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kafprokrim@mail.ru

SPIN-код: 1073-2621, Author ID: 709162

Константинова Виктория Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: vak5577@yandex.ru

SPIN-код: 6269-9313, Author ID: 741170

Информация о статье

Дата поступления – 27 сентября 2021 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2021 г.

Для цитирования

Азаров В. А., Константинова В. А. Рецензия на монографию «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 121–125. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(4).121-125.

REVIEW OF THE MONOGRAPH "PROVING AND ACCEPTANCE OF DECISIONS IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS"

V.A. Azarov, V.A. Konstantinova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. This work reflects the results of reviewing the monograph "Proving and acceptance of decisions in adversarial criminal proceedings", prepared by a team of authors under the editorship of Doctor of Law, Professor L.N. Maslennikova (Moscow, Norma, INFRA-M, 2021. 448 p.). **Results.** Stated the relevance, theoretical and practical significance of the research of fundamental criminal procedural problems – evidence and decision. The authors focus on various aspects of this area: public and dispositive beginnings of criminal proceedings; theoretical foundations of making a decision in criminal proceedings; problems of proof and making a decisions in pre-trial proceedings and the court of first instance, including in special procedures, etc. The formulated conclusions are convincing. The review highly appreciates the monograph, which reveals the methodological foundations developed by the Doctor of Law, Professor, Honored Scientist P.A. Lupinskaya in the context of modern trends in evidence and decision-making.

Keywords: proving; decision-making; procedural decision; judicial decision; adversarial.

About the authors

Azarov Vladimir – Honored Lawyer of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: kafprokrim@mail.ru

SPIN-code: 1073-2621, Author ID: 709162

Konstantinova Viktoria – Ph.D. in Law, Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: vak5577@yandex.ru

SPIN-code: 6269-9313, Author ID: 741170

Article info

Received – September 27, 2021

Accepted – October 12, 2021

For citation

Azarov V.A., Konstantinova V.A. Review of the Monograph "Proving and Acceptance of Decisions in Adversarial Criminal Proceedings". *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 121-125. DOI: 10.24147/1990-5173. 2021.18(4).121-125. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Омского университета. Серия «Право»» выходит 4 раза в год объёмом до 300 страниц.

Разделы журнала определяются для каждого номера в зависимости от тематики поступивших и публикуемых материалов.

Точки зрения авторов публикуемых в журнале статей и редколлегии могут не совпадать. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также за корректность использования материалов из других источников несёт автор.

Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию рукописей не взимается. Преимущество при публикации имеют подписчики журнала.

Рецензирование. Каждая статья проходит обязательное рецензирование двумя специалистами той отрасли знания, по которой предложена. Рецензентами являются доктора и кандидаты наук из ведущих научных центров и вузов России. Соискатели, аспиранты обязаны получить и представить в редакцию рекомендацию к публикации научного руководителя.

Правила подачи рукописей. Статьи сдаются или присылаются на бумажном и электронном носителях по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55а, ОмГУ, юридический факультет, редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия «Право»», главному редактору Е. Л. Невзгодиной или пересылаются по электронной почте: omgu-vestnikpravo@mail.ru. Тел.: 8 (3812) 63-21-20. Факс: 8 (3812) 64-20-80.

Статья должна быть подписана автором. На отдельном листе приводятся сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, полное имя и отчество, учёное звание и степень, почётные звания; должность и место работы, полный рабочий адрес (с указанием почтового индекса), контактные телефоны, E-mail.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Обращаем внимание наших авторов на **обновленные требования к статьям**, публикуемым в журнале «Вестник Омского университета. Серия «Право»».

Отступления в оформлении рукописи от указанных требований и большое количество технических погрешностей и ошибок позволяют редколлегии принять решение об отклонении статьи или переносе её публикации в следующий номер.

УСЛОВИЯ РАССМОТРЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Статья должна быть оригинальным (ранее не опубликованным и не представленным к печати в других изданиях), логически завершенным научным произведением, представляющим основные результаты самостоятельного исследования актуальной проблемы (темы); характеризоваться новизной изложенных идей (подходов), практической значимостью и соответствовать предметно-тематической направленности журнала «Вестник Омского университета. Серия «Право»», его целям и задачам.

2. К рассмотрению и публикации принимаются рукописи следующих жанров:

Оригинальная научная статья (*Research Paper*) – развернутое представление результатов логически завершенного научного (теоретического или эмпирического) исследования.

Краткое сообщение (*Short Communication*) – краткое представление отдельных (наиболее значимых, уникальных, требующих оперативного информирования других учёных) результатов логически завершенного научного исследования.

Обзорная статья (*Review Paper*) – обобщение информации по определённой исследовательской теме или научной проблеме, полученной в результате отбора, анализа и систематизации сведений из первоисточников, опубликованных за определённый период времени.

Рецензия на книгу (*Book Review Note*) – краткий отзыв о недавно вышедшем в свет научном издании.

Заметка (*Conferences Review Note*) – краткое сообщение о значимом научном или научно-практическом мероприятии (конференции, работе круглого стола и т. п.).

Обращаем внимание авторов, что два последних вида публикации (рецензии и заметки) во многих базах данных (в том числе в *Scopus*) не индексируются.

3. Статья должна быть подготовлена в соответствии с требованиями журнала.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Формат. Принимаются статьи, подготовленные в Microsoft Word; шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт.; интервал – 1,5; полужирным шрифтом выделяются заголовки и подзаголовки; курсив и полужирный курсив используются для внутритекстовых выделений (ключевых понятий, положений и т. п.); нумерация страниц обязательна.

Объём:

- оригинальная научная статья – от 20 тыс. до 40 тыс. знаков (включая пробелы), количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – 5–8, в списке литературы не менее 15 источников;
- краткое сообщение – не более 12 тыс. знаков (включая пробелы), количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – не более 2; в списке литературы не менее 5 источников;
- обзорная статья – от 25 до 40 тыс. знаков (включая пробелы); количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – от 5 и более; в списке литературы не менее 30 источников;
- рецензия на книгу – не более 10 тыс. знаков (включая пробелы);
- заметка – не более 8 тыс. знаков (включая пробелы).

Структура статьи:

Элемент	Требования и рекомендации
УДК	Классификационный индекс указывается по Универсальной десятичной системе с учётом тематики статьи
Заглавие статьи	<ul style="list-style-type: none"> • Приводится на русском и английском языках; включает не более 10 слов; • не содержит аббревиатур и авторских сокращений; • отражает предмет исследования, содержит основные ключевые слова
Автор(-ы) и аффилиация	<p>Приводятся на русском и английском языках; содержит Ф.И.О. авторов и их аффилиации (указываются организация, город, страна);</p> <p>очередность упоминания авторов зависит от их вклада в исследование; Ф.И.О. авторов приводятся на русском языке и в романском алфавите (транслитерация);</p> <p>в аффилиации указывается только одна организация, название которой позволяет точно идентифицировать автора (полный перечень организаций, в которых работает автор, приводится после текста статьи);</p> <p>в аффилиации даётся официальное (без сокращений, аббревиатур) название организации (на русском и английском языках), закреплённое в Уставе и/или на официальном сайте организации, однако принадлежность ведомству, форма собственности, статус (Федеральное государственное унитарное предприятие; Национальный исследовательский; ФГБОУ ВПО и т. п.) не указываются;</p> <p>непереводимые на английский язык наименования фирм даются в транслитерации;</p> <p>при написании названий организаций на английском языке все значимые слова (кроме артиклей и предлогов) должны начинаться с прописной буквы</p>

Аннотация (авторское резюме)	Приводится на русском и английском языках; состоит не менее чем из 100 слов; не содержит авторских сокращений, ссылок на список литературы, цифр и таблиц; использование аббревиатур возможно только при наличии расшифровки: сначала даётся полное наименование, затем – сокращённое (в круглых скобках)
Ключевые слова	Приводятся на русском и английском языках (<i>практический совет</i> : корректность переведённых терминов можно проверить так: заключите их в кавычки и запустите в поисковую систему Google, обращая внимание на то, используются ли они в таком виде в англоязычной научной литературе); включают 5–10 слов и словосочетаний (основных терминов), позволяющих восстановить содержание статьи; в составном термине (словосочетании) на английском языке основное существительное, как правило, ставится в конец, а зависимые существительные, выступающие в роли определений, предшествуют ему (например, <i>соглашение о платежах – payment agreement NOT agreement about payment; система государственной власти – state power system NOT system of state power</i>)
Таблицы, рисунки (схемы, диаграммы и т. п.)	<p>Все таблицы и рисунки (графики, схемы, диаграммы) должны обязательно иметь заголовки, выделенные полужирным шрифтом. Если в тексте статьи две и более таблиц или рисунков, они также имеют и нумерационные заголовки (нумерация сквозная): <i>Таблица 1, Таблица 2</i> и т. д. Заголовки в головке таблицы должны точно соответствовать содержанию граф. Заголовки приводятся на русском и английском языках.</p> <p>Все ячейки таблицы должны быть заполнены данными (в цифровой или словесной форме) либо иметь внутри прочерк, означающий отсутствие таких данных.</p> <p><i>Авторские</i> таблицы, рисунки (графики, схемы, диаграммы) должны предусматривать возможность редактирования, быть выполненными в программах из пакета Microsoft Office.</p> <p><i>Заимствованные</i> из других изданий иллюстративные материалы (сканированные рисунки, таблицы, графики, схемы, фотографии), представленные в форматах *.jpeg, *.tiff и не подлежащие редактированию, должны быть только высокого качества (разрешение не менее 300 dpi), в чёрно-белом изображении, и обязательно прилагаться отдельным файлом соответствующего формата.</p> <p>Указание на источник заимствования обязательно</p>
Примечания	Содержат дополнительные сведения – разного рода авторские пояснения, оценки, существенные фактические данные, которые сделали бы текст статьи слишком громоздким. Здесь указываются источники исследования (нормативная, справочная, учебно-методическая литература, архивные материалы, публицистические материалы из газет и интернет-изданий, диссертации и авторефераты), которые не принято включать в раздел «Литература». <p>Тексты примечаний располагаются после текста статьи (под заголовком «Примечания») и имеют сквозную нумерацию. Связь затекстовых примечаний с текстом статьи осуществляется с помощью цифр-номеров, оформленных в виде верхнего индекса: перед текстом примечания ставится тот же номер (¹ Текст примечания), что и в основном тексте (...поясняемый в статье элемент¹).</p>

<p>Список литературы и ссылки</p>	<p>Должен включать только упоминаемые в статье источники академического характера (статьи из научных журналов и сборников, монографии и т. п.), которые были опубликованы или приняты к публикации.</p> <p>НЕ включаются в список:</p> <ul style="list-style-type: none"> – нормативные источники, в том числе опубликованные в сборниках, отдельных брошюрах или размещенные в информационных системах («Гарант», «КонсультантПлюс» и т. п.) законодательные акты: конституции, законы, постановления, концепции, программы и др.; – статистические справочники; – архивные документы; – авторефераты и диссертации (публикуются на правах рукописи); – публицистические материалы из газет и интернет-изданий; – учебно-методические издания; – анонимные (не авторские) публикации, в том числе описания веб-сайтов, порталов, справочно-правовых систем. <p>Перечисленные выше источники, как и разного рода авторские пояснения (комментарии), должны быть упомянуты либо непосредственно в тексте статьи (в виде внутритекстовых ссылок и комментариев-вставок) либо сразу после статьи в разделе «Примечания».</p> <p>Источники в списке указываются в порядке их упоминания в тексте.</p> <p>Каждый источник в списке указывается только один раз и имеет только один порядковый номер. В случае неоднократной ссылки на него в тексте всякий раз указывается только этот номер.</p> <p>В списке литературы даётся только библиографическое описание источников согласно представленным ниже правилам, при этом НЕ допускаются указания «Там же», «Он же», «Его же», «Цит. по», «См., например» и т. п.</p> <p>В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для книг указывается общее количество страниц.</p> <p>Ссылки в тексте статьи оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер и страницы цитируемого источника: [4, с. 32–35], (см., например: [1, с. 144]), (цит. по: [8, с. 68]). Ссылка на несколько источников оформляется так: [4, с. 30; 14, с. 46; 20, с. 78–79]. Если ссылка даётся на работу в целом, то страницы не указываются: [18].</p> <p>Список литературы в обязательном порядке должен включать:</p> <ul style="list-style-type: none"> – современные источники (не старше трёх лет на момент опубликования статьи) – желательно не менее 25 %; – зарубежные публикации на иностранном языке – желательно не менее 25%; – статьи из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования Scopus, Web of Science – желательно не менее 25 %, например: Russian Law Journal; Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law; Yale Law Journal; International Journal of Law and Management; British Journal of Criminology, Administrative Law Review; UrbanLawyer; American Journal of Comparative Law; Theoretical Criminology; Social & Legal Studies и др. <p>Проверить, индексируется ли журнал в Scopus (с показателями цитируемости журнала), можно здесь: http://www.scimagojr.com/journalsearch.php; перечень журналов, индексируемых в Web of Science (без показателей цитируемости журнала), см. здесь: http://mjl.clarivate.com/.</p> <p>Допустимый объём самоцитирования – не более 20 % от общего количества</p>
--	---

	источников в списке литературы. Список источников оформляется в двух вариантах: – под заголовком «ЛИТЕРАТУРА» – в соответствии с российскими издательскими стандартами; – под заголовком «REFERENCES» – в соответствии с зарубежными издательскими стандартами (образцы см. ниже)
Полные данные об авторе(-ах)	Приводятся на русском и английском языках; для каждого автора указывается фамилия, имя (полностью) и отчество (полностью, если есть), учёная степень, учёное звание, должность, место(-а) работы (полное название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес, контактные телефоны; идентификаторы автора (исследователя): SPIN-код и Author ID в системе Science Index (РИНЦ); IDORCID; Researcher ID (при наличии)
Сведения о финансировании и благодарности	Приводятся на русском и английском языках (1–2 фразы); выражение благодарности лицам, организациям, оказавшим помощь в процессе исследования и подготовки статьи; даётся краткая информация об источниках финансирования исследования (научном фонде, гранте, номере проекта)

ОФОРМЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ В РАЗДЕЛАХ «ЛИТЕРАТУРА» / REFERENCES

ЛИТЕРАТУРА

Книга на русском или иностранном языке:

1. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 491 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. – М. : Вердикт, 1994. – 316 с.
3. Четвёртый Трудовой кодекс России : сб. науч. ст. / сост. В. Н. Скобелкин. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2002. – 295 с.
4. Animal Rights: Current Debates and New Directions / eds.: C. R. Sunstein, M. C. Nussbaum. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 352 p.

Фрагмент (глава) книги (тома):

5. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 151–414.

Статья из журнала на русском или иностранном языке:

6. Малько А. В., Маркунин Р. С. Современные пути борьбы с проявлениями коррупции в системе органов публичной власти // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 678–688. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).678-688.
7. Fontana C., Lagutin I. Tourist Taxes in Italy and Russia // Russian Law Journal. – 2018. – Vol. 6, № 1. – P. 83–99. – DOI: 10.17589/2309-8678-2018-6-1-83-99.

Статья из сборника статей или материалов конференции:

8. Щедрин Н. В. О «теории относительности» уголовного наказания и её экспериментальной проверке (статья) // Преступление и наказание в современном мире : тез. участников 14-й Международной Балтийской конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 24–26 июня 2011 г.). – СПб. : РГПУ, 2011. – С. 134–139.
9. Котюргин С. И. О понятии административного процесса // Сб. ст. адъюнктов и соискателей. – М. : Изд-во ВШ МООН СССР, 1966. – С. 3–14.

Электронный ресурс – авторская публикация на русском или иностранном языке:

10. Денисов С. А. Опыт Соединённых Штатов Америки в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] // Чиновник. – 2004. – № 4. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docid=1196375> (дата обращения: 12.11.2017).
11. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс] / под ред. О. В. Исаенковой. – 2008. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Baron D. The Legendary English-Only Vote of 1795 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.english.illinois.edu/-peo-ple/faculty/debaron/essays/legend.htm> (accessed 12 November 2017).

REFERENCES

Книга на русском или иностранном языке:

1. Gorelik A.V., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 491 p. (In Russ.).
2. Radchenko V.I. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Verdikt Publ., 1994. 316 p. (In Russ.).
3. Skobelkin V.N. (comp.). *The forth Labour Code of the Russian Federation*, collection of scientific articles. Omsk, Omsk State University Publ., 2002. 295 p. (In Russ.).
4. Sunstein C.R., Nussbaum M.C. (eds.). *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 352 p.

Фрагмент (глава) книги (тома):

5. П'ин I.A. About essence of legal consciousness, in: П'ин I.A. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Vol. 4, pp. 151-414. (In Russ.).

Статья из журнала на русском или иностранном языке:

6. Malko A.V., Markunin R.S. Modern ways of combating corruption in the system of public authorities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 678-688. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).678-688. (In Russ.).
7. Fontana C., Lagutin I. Tourist Taxes in Italy and Russia. *Russian Law Journal*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 83-99. DOI: 10.17589/2309-8678-2018-6-1-83-99.

Статья из сборника статей или материалов конференции:

8. Shchedrin N.V. On the “theory of relativity” of criminal punishment and its experimental verification (article), in: *Crime and Punishment in today's world*, proceedings of the 14th International Baltic conference (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 24-26 June 2011). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2011, pp. 134-139. (In Russ.).
9. Kotyurgin S.I. On the concept of administrative process, in: *Collection of articles of adjuncts and applicants*. Moscow, Higher School of MOOP of the USSR Publ., 1966, pp. 3-14. (In Russ.).

Электронный ресурс – авторская публикация на русском или иностранном языке:

10. Denisov S.A. The US experience in combating corruption. *Chinovnik = Civil Servant*, 2004, no. 4. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docid=1196375> (accessed 12 November 2017). (In Russ.).
11. Isaenkova O.V. (ed.). Commentary to the Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007 “On Enforcement Proceedings”. 2008. Available at “Garant” System. (In Russ.).
12. Baron D. *The Legendary English-Only Vote of 1795*. Available at: <http://www.english.illinois.edu/-people-/faculty/debaron/essays/legend.htm> (accessed 12 November 2017).

Пояснения:

Если статья имеет DOI (см. оригинал статьи на сайте соответствующего журнала или eLibrary.ru), обязательно укажите его в конце статьи.

Ф.И.О. автора на латинице, переводной заголовок русскоязычной статьи, переводное название журнала для REFERENCES следует взять из оригинала цитируемой статьи (используйте сайт соответствующего журнала или eLibrary.ru), и только в случае отсутствия этих данных (как правило, в старых выпусках журналов) самостоятельно переведите заголовок на английский язык, а Ф.И.О. автора дайте в транслитерации.

Пожалуйста, придерживайтесь единой *системы транслитерации по стандарту BSI*, принятой в нашем журнале, а именно: ж – zh; и – i; й – i; х – kh; ц – ts; ч – ch; ш – sh; щ – shch; ы – y; ь – ‘; э – e; ю – yu; я – ya. Данное требование неприменимо к фамилиям авторов, которые последовательно используют «свой» вариант транслитерации во всех статьях и различных базах данных.

Индексирование и присутствие журнала «Вестник ОмГУ. Серия “Право”» в базах данных

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

Международная регистрационная база данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»

ЖДЁМ ВАШИ МАТЕРИАЛЫ!

INFORMATION FOR AUTHORS

The academic periodical *Herald of Omsk University, series "Law"* is published four times a year up to 300 pages.

The periodical sections are determined for each issue depending on the subject matter of the received and published materials.

The opinion of the authors of publications may not coincide with the opinion of the editorial board. The author himself is responsible for the accuracy of the facts and statistics, as well as for the correct use of materials from other sources.

The academic periodical has no page charges. The periodical subscribers have an advantage when publishing.

Review. Each article is subject to mandatory review by two experts of the branch of knowledge for which it has been proposed. The reviewers are Doctors of sciences and Ph.D in sciences from leading Russian research centers and universities. Applicants and graduate students are obliged to receive and submit to the editorial board a recommendation for the publication from their research supervisor.

The rules of submitting manuscripts. Papers are handed in or sent on paper and electronic media to the following address: Editor-in-Chief E.L. Nevzgodina, editorial board of Herald of Omsk University, series "Law", Law Department, Omsk State University, 55a, Mira pr., Omsk, 644077, or sent by e-mail: omgu-vestnikpravo@mail.ru. Tel.: 8 (3812) 63-21-20. Fax: 8 (3812) 64-20-80.

The article should be signed by its author. The information about the author in Russian and English including his surname, name and patronymic, academic title and degree, honorary titles; position and place of work, full working address (with zip code), contact telephone numbers, e-mail is given on a separate sheet.

Submitted manuscripts and electronic media are not returned to the authors.

Please, pay attention to **the updated requirements for the articles** published in the periodical *Herald of Omsk University, series "Law"*.

Deviations in the design of the manuscript from these requirements and numerous technical errors give the editorial board the right to decide whether to reject the article or postpone its publication to the next issue.

TERMS OF THE CONSIDERATION AND PUBLICATION OF THE ARTICLE

1. The article should be original (not previously published and not presented for publication in other editions), logically completed scientific paper, representing the main results of an independent study of the urgent problem (topic); it should be characterized by the novelty of the ideas (approaches) presented, have practical significance and conform to the subject-specific focus of the periodical "Herald of Omsk University, series "Law" ", its goals and objectives.

2. Manuscripts of the following genres are accepted for review and publication:

Research Paper – a detailed presentation of the results of a logically completed scientific (theoretical or empirical) study.

Short Communication – a brief presentation of individual (most significant, unique, requiring prompt informing of other scientists) results of a logically completed scientific study.

Review Paper – compilation of information on a specific research topic or scientific problem, obtained as a result of the selection, analysis and systematization of information from original sources published over a certain period of time.

Book Review Note – a brief review of a recent scientific publication.

Conferences Review Note – a brief report on a significant scientific or scientific-practical event (conference, round table, etc.).

Please, pay attention to the fact that last two types of publications (*book review notes and conferences review notes*) are not indexed in many databases including Scopus.

3. The article should follow the requirements of the periodical.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE

Format. Accepted articles are in Microsoft Word; Times New Roman type, size – 12 pt; interval – 1.5; headings and subheadings are in bold; italics and bold italics are used for inline textual notions (key concepts, provisions, etc.); pagination is required.

Size:

- *research paper* – 20 000 – 40 000 characters including spaces, the number of tables or figures (graphs, charts, etc.) – 5–8, minimum 15 sources in the bibliography;
- *short communication* – up to 12 000 characters including spaces, the number of tables or figures (graphs, charts, etc.) – not more than 2, minimum 5 sources in the bibliography;
- *review paper* – 25 000 – 40 000 characters including spaces, the number of tables or figures (graphs, charts, etc.) – 5 or more, minimum 30 sources in the bibliography;
- *book review note* – up to 10 000 characters including spaces;
- *conference review note* – up to 8 000 characters including spaces.

The structure of the article:

<i>Component</i>	<i>Requirements and recommendations</i>
UDC	Classification index is indicated according to the Universal Decimal System, taking into account the subject of the article.
Title of the article	<ul style="list-style-type: none"> • given in both Russian and English; consists of up to 10 words; • does not include any abbreviations or acronyms; • reflects the subject of the study, contains main keywords
Author(s) and affiliation	<p>given in both Russian and English;</p> <p>contains the authors' full names and their affiliations (the names of the organisation, city, country are to be given);</p> <p>the order the authors are listed depends on their contribution to the study;</p> <p>the authors' full names are to be given in Russian and transliterated;</p> <p>the affiliation includes only the name of one organization which makes it possible to identify the author (the full list of organizations the author works for is to be given after the text of the paper);</p> <p>the affiliation includes the official name of the organization (without acronyms and abbreviations) (both in Russian and English), regularized in Regulations and/ or on the official site of the organization, however, the affiliation to the department, form of ownership, status (Federal State Unitary Enterprise; National Research; Federal State Budgetary Higher Professional Education, etc.) are not indicated;</p> <p>untranslatable into English the names of the companies are to be transliterated;</p> <p>in the names of organizations given in English all notional words (except articles and prepositions) are to be written with the capital letter</p>
Abstract	<p>given in both Russian and English;</p> <p>contains minimum 100 words;</p> <p>does not contain acronyms, references to bibliography, statistics and tables; abbreviations are used only with their expansions: first the full name is given, then its abbreviation (in parentheses)</p>

Keywords	<p>given in Russian and English (<i>practical tip</i>: the correctness of the terms given can be easily checked in the following way: place them in quotation marks and search for them in Google, paying attention if they are used in research literature in); include 5-10 words and word combinations (main terms), that allow to understand the contents of the paper; in a compound term (word combination) in English the main noun as a rule is placed the last, while dependent nouns defining it precede (e.g., <i>соглашение о платежах</i> – <i>payment agreement</i> NOT <i>agreement about payment</i>; <i>система государственной власти</i> – <i>state power system</i> NOT <i>system of state power</i>)</p>
Tables, figures (graphs, charts, etc.)	<p>All tables and figures (diagrams, graphs, charts) are to have headings in semibold type. If the text contains two or more tables or figures they have numbering headings as well (numbered consecutively): <i>Table 1, Table 2</i> etc. Headings in the head of the table are to correspond with the contents of the column. The headings are given in Russian and English.</p> <p>All table cells are to contain data in numbers or words or to have a line inside showing the absence of any.</p> <p><i>Original</i> tables, figures (diagrams, graphs, charts) are to be created in Microsoft Office programmes and be editable.</p> <p>Non-editable illustrative materials (scanned figures, tables, diagrams, graphs, photos) in *.jpeg, *.tiff formats <i>borrowed</i> from other editions are to be of high quality (with resolution of minimum 300 dpi), black and white, and attached as a separate file of a corresponding format.</p> <p>The source of borrowing is to be named.</p>
Notes	<p>Include extra information – different author’s explanations, opinions, substantial factual data that might make the text of the paper massive. Here the sources of the research which are not usually included in the bibliography are noted (regulations, reference literature, educational literature, archive materials, journalistic materials from newspapers and online publications, theses and abstracts).</p> <p>The texts of the notes are placed under the body text (entitled “Notes”) and are consecutively numbered. The connection of the text notes with the text of the article is through digits-numbers in the form of a superscript: the text of the note is preceded by the same number (¹ Text of the note) as in the main text (... the element explained in the article¹).</p>
Bibliography and references	<p>Only the sources of academic nature mentioned in the paper (publications from academic periodicals and collected volumes, monographs etc.) which have been published or accepted for publication are to be enlisted here.</p> <p>ARE NOT listed in bibliography:</p> <ul style="list-style-type: none"> – regulations, including those published in collected volumes, separate brochures or uploaded to different information systems (“Garant”, “ConsultantPlus” etc.), legislative acts: constitutions, laws, statements, concepts, programs, etc.; – statistical reference books; – archive documents; – abstracts and theses (published as a manuscript); – journalistic materials from newspapers and online publications; – educational and methodical publications; – anonymous publications, including descriptions of websites, portals, reference and legal systems. <p>The sources listed above, as well as various author’s explanations (comments),</p>

	<p>are to be mentioned either directly in the text of the article (in the form of inline links and inserted comments) or immediately after the article in the section “Notes”.</p> <p>Sources are listed in the order they are mentioned in the text.</p> <p>Each source is listed once and has only one ordinal number. In case of repeated reference to it only this number is indicated in the text.</p> <p>Bibliography includes only a bibliographic description of the sources according to the rules below, ARE NOT possible the instructions “Ibid”, “He”, “His”, “Cit. by ”, “ See, for example ”, etc.</p> <p>In the bibliography for articles, the first and the last pages in a journal or in a collection volume are to be given, for books the total number of pages is indicated.</p> <p>References in the text of the article are in square brackets, they contain the ordinal number and pages of the quoted source: [4, p. 32-35], (see, for example: [1, p. 144]), (cit. by: [8, p. 68]). A link to several sources is made as follows: [4, p. 30; 14, p. 46; 20, p. 78–79]. If the link is given to work as a whole, then the pages are not included: [18].</p> <p>Bibliography is to include:</p> <ul style="list-style-type: none"> - contemporary sources (published less than three years agos at the time of publication of the article) - preferably minimum 25 %; - foreign publications in a foreign language - preferably minimum 25 %; - articles from scientific journals included in the global citation indexes Scopus, Web of Science - preferably minimum 25 %, for example: Russian Law Journal; Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law; Yale Law Journal; International Journal of Law and Management; British Journal of Criminology, Administrative Law Review; UrbanLawyer; American Journal of Comparative Law; Theoretical Criminology; Social & Legal Studies et al. <p>Check if the journal is indexed in Scopus (with journal citation indicators), here: http://www.scimagojr.com/journalsearch.php; for a list of journals indexed in the Web of Science (without journal citation indicators), see here: http://mjl.clarivate.com/.</p> <p>The amount of self-citations is limited by 20 % of the total number of sources in the bibliography.</p> <p>The list of sources is made under the heading “REFERENCES” in accordance with certain publishing standards (see samples below)</p>
Full information about author(s)	<p>given both in Russian and English;</p> <p>for each author his full surname, name and patronymic (if any) are written, as well as his academic degree, title, position, place(s) of work (full title of the organization, its postal address and zip-code), e-mail, telephone number; SPIN-code and Author ID in the system of Science Index (RSCI); IDORCID; Researcher ID (if any)</p>
Acknowledgements	<p>Given both in Russian and English (1-2 phrases);</p> <p>gratitude to individuals, organizations for their help in the process of research and preparation of the article;</p> <p>brief information about financing of the research (science fund, grant, project number)</p>

ARRANGEMENT OF SOURCES IN SECTION “REFERENCES”

For books:

Bercusson B. *European Labour Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 752 p.

Gorelik A.V., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. Saint Petersburg, Yuridicheskii sentr Press Publ., 2005. 491 p. (In Russ.).

Guangjun Chen (ed.). *Criminal Procedure Law*. Beijing, 2009. 420 p. (In Chin.).

Sunstein C.R., Nussbaum M.C. (eds.). *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 352 p.

For book chapter:

Il'in I.A. About essence of legal consciousness, in: Il'in I.A. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Russkayakniga Publ., 1994. Vol. 4, pp. 151-414. (In Russ.).

For journal articles:

Fontana C., Lagutin I. Tourist Taxes in Italy and Russia. *Russian Law Journal*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 83-99. DOI: 10.17589/2309-8678-2018-6-1-83-99.

For articles from conference proceedings:

Shchedrin N.V. On the “theory of relativity” of criminal punishment and its experimental verification (article), in: *Crime and Punishment in today's world*, proceedings of the 14th International Baltic conference (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 24-26 June 2011). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2011, pp. 134-139. (In Russ.).

For electronic sources (authored):

Denisov S.A. The US experience in combating corruption. *Chinovnik = Civil Servant*, 2004, no. 4. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docid=1196375> (accessed 12 November 2017). (In Russ.).

Baron D. *The Legendary English-Only Vote of 1795*. Available at: <http://www.english.illinois.edu/-people-/faculty/debaron/essays/legend.htm> (accessed 12 November 2017).

Ckarifications:

If the paper has a DOI (see the original paper on the site of a corresponding periodical or eLibrary.ru), it is to be given at the end of the paper.

The author's full name in Latin characters, the translated title of the paper in Russian, the translated name of the periodical for REFERENCES are to be taken from the original paper cited (use the site of a corresponding periodical or eLibrary.ru), only when there are no such data (as a rule, it refers to the old issues of the periodical) the title of the paper is to be translated into English and the author's full name is to be given using transliteration.

Please, follow the unified *transliteration system according to the BSI standard*, accepted in the periodical, namely: ж – zh; и – i; й – i; х – kh; ц – ts; ч – ch; ш – sh; щ – shch; ы – y; ь – ‘; э – e; ю – yu; я – ya. This requirement does not apply to the names of authors who consistently use "their" version of transliteration in all articles and various databases.

**Indexing and presence of the periodical
“Herald of Omsk University, series “Law” ” in databases**

Russian science citation index (RSCI):
Scientific electronic library eLIBRARY.RU

International bibliographic database
Ulrich's Periodicals Directory

Scientific electronic library
«Cyberleninka»

WE ARE WAITNG FOR YOUR MATERIALS!